

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

*Издается с 1997 года
Том 27, № 1*

Вологда • 2023

Решением Минобрнауки России журнал «Проблемы развития территории» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по всем научным специальностям в рамках отрасли науки 22.00.00 «Социологические науки» и по четырем научным специальностям в рамках отрасли науки 08.00.00 «Экономические науки»: 08.00.01 «Экономическая теория», 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности)», 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит», 08.00.13 «Математические и инструментальные методы экономики»

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: OCLC WorldCat, EBSCO, ROAR, BASE, OpenAIRE, RePEC, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИИ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий широкий круг вопросов социально-экономического развития территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям научной общественности и практикам работникам возможности знакомиться с результатами научных исследований в области научного обеспечения экономики территорий, принимать участие в обсуждении этих проблем. В числе основных тем – проблемы развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социально-экономическое развитие территорий, вопросы формирования доходов региональных бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, актуальные вопросы развития АПК.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ускова Т.В., д. э. н., проф. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аритон Д., доктор наук, проф. (Университет Данубиуса Галати, Румынское агентство по обеспечению качества в высшем образовании, Бухарест, Румыния)

Базуева Е.В., д. э. н., проф. (Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия)

Бахтизин А.Р., член-корреспондент РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Буккиарелли Э., доктор наук (Университет «Габриэле д'Аннунцио», Пескара, Италия)

Воронов В.В., д. с. н., проф. (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., д. э. н., доцент (ООО «Русинтехком», Вологда, Россия)

Дюран С., кандидат наук, доцент (Университет Париж 13 (Университет Париж-Север), Вильтанез, Франция)

Котилайнен Ю., доктор наук, проф. (Университет Восточной Финляндии, Йюэксуу, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь)

Латов Ю.В., д. с. н., доцент (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лыкова Л.Н., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Скуфьина Т.П., д. э. н., проф. (Кольский научный центр РАН, Апатиты, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Министерство науки и высшего образования РФ, Москва, Россия)

Давыденко В.А., д. с. н., проф. (Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия)

Доброхлеб В.Г., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия)

Жгулев Е.В., д. э. н., доцент (Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Жихаревич Б.С., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Каргаполова Е.В., д. с. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Ковач Т., к. э. н., доцент (Школа бизнеса Будапешта, Колледж международного менеджмента и бизнеса, Будапешт, Венгрия)

Когай Е.А., д. филос. н., проф. (Курский государственный университет, Курск, Россия)

Лаженцев В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН, Сыктывкар, Россия)

Мазилев Е.А., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Малков Н.Г., к. т. н., доцент (Вологодская государственная молочнохозяйственная академия имени Н.В. Верещагина, Вологда, с. Молочное, Россия)

Попов Е.В., член-корреспондент РАН (Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия)

Сакал П., доктор философии, проф. (Словацкий технический университет, Трнава, Словакия)

Селин М.В., д. э. н., проф. (Законодательное Собрание Вологодской области, Вологда, Россия)

Суворов А.В., д. э. н., проф. (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Теребова С.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Цветков В.А., член-корреспондент РАН (Институт проблем рынка РАН, Москва, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ

Ускова Т.В.

Современные проблемы регионального развития и пути их решения	7
--	---

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Пьянкова С.Г., Комбаров М.А.

Проблема провалов развития в экономическом пространстве России и способы ее решения	10
--	----

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

Секушина И.А., Пахнина С.Ю.

Тенденции и проблемы развития транспортных систем крупных городов Вологодской области	27
--	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

Короленко А.В.

Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения	47
---	----

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

Пугачев А.А.

Взаимосвязь налогообложения с региональной и социальной дифференциацией в России: подход к оценке на основе налоговых индикаторов	76
--	----

Теребова С.В.

Налоговое стимулирование малого бизнеса в условиях экономической нестабильности	92
--	----

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

Михейкина Л.А.

Оценка цифрового потенциала субъектов Российской Федерации в области подготовки и привлечения кадров по направлению ИТ	113
---	-----

<i>Груздева М.А.</i>	
Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке.....	130
<i>Задумкин К.А., Щербакова А.А.</i>	
Региональный проектный офис как организационная инновация государственного управления	145
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	
Мониторинг экономики: ноябрь 2022 года	163
Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2022 году	176
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	
Новые издания ФГБУН ВолНЦ РАН.....	186
Правила для авторов	189
Информация о подписке.....	190

CONTENTS

FROM THE EDITORIAL BOARD

Uskova T.V.

Current Problems of Regional Development and Ways to Overcome Them7

STATE REGULATION OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Piankova S.G., Kombarov M.A.

The Problem of Development Failures in the Russian Economic Space and Ways
to Overcome It (on the Example of the Ural Federal District).....10

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES, BRANCHES, AND PRODUCTION COMPLEXES

Sekushina I.A., Pakhnina S.Yu.

Development Trends and Problems of Transport Infrastructure
in the Vologda Oblast Cities.....27

TERRITORIAL ORGANIZATION AND MANAGEMENT

Korolenko A.V.

Spatial Transformations of Russia's Territories:
Trends and Regional Differences in Resettlement47

TERRITORIAL FINANCE

Pugachev A.A.

Relationship of Taxation with Regional and Social Differentiation in Russia:
Assessment Approach Based on Tax Indicators76

Terebova S.V.

Fiscal Expansion of Small Business in the Economic Instability92

INNOVATION POTENTIAL OF TERRITORIAL DEVELOPMENT

Mikheikina L.A.

Assessment of the Digital Potential of the Russian Federation Constituent
Entities in the Field of Training and Attracting IT Personnel113

<i>Gruzdeva M.A.</i>	
Digital Well-Being of the Region's Population: Approaches to Assessment.....	130
<i>Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A.</i>	
Regional Project Office as an Organizational Innovation of Public Administration	145
MONITORING OF CHANGES: MAIN TRENDS	
Monitoring of the economy in November 2022	163
Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in 2022.....	176
CHRONICLES OF SCIENCE LIFE	
New VolRC RAS issues.....	186
Guidelines for the authors	189
Subscription information	190

ОТ РЕДАКЦИИ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.1

УДК 332.1 | ББК 65.050.22

© Ускова Т.В.

ТАМАРА ВИТАЛЬЕВНА УСКОВА

главный редактор
доктор экономических наук
профессор
ФГБУН ВолНЦ РАН
Вологда
Российская Федерация
ORCID: **0000-0001-9416-1136**
ResearcherID: **O-2232-2017**

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Завершился крайне непростой год, когда российская экономика функционировала в условиях турбулентности, ведения специальной военной операции на Украине и жестких санкций западных стран. Российская Федерация стала мировым лидером по числу введенных против страны санкций. Многие известные эксперты, в том числе международные, прогнозировали, что экономика России окажется в глубочайшем кризисе, но этого не случилось. Президент РФ В.В. Путин, подводя итоги 2022 года, отметил, что страна прошла этот период достаточно уверенно¹. Динамика основных экономических показателей за одиннадцать месяцев 2022 года тому свидетельство. По предварительным итогам Минэкономразвития валовой внутренний продукт сократился на 2,1% против 8,8%, прогнозируемых в начале специальной военной операции². Как показывают данные Росстата, физический объем произведенных товаров и услуг снизился на 2,5%, индекс промышленного производства – на 1,8%. При этом наибольшее падение зафиксировано в машиностроении (на 6,3%). Однако сельское хозяйство показало рост, увеличив производство продукции на 2,2%;

Для цитирования: Ускова Т.В. (2023). Современные проблемы регионального развития и пути их решения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.1

For citation: Uskova T.V. (2023). Current Problems of Regional Development and Ways to Overcome Them. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 7–9. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.1

¹ Путин подвел итоги 2022 года. URL: <https://iz.ru/1445117/2022-12-22/putin-podvel-itogi-2022-goda>

² «Пессимисты ошибались»: Мишустин рассказал об экономике России в 2022 году. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/11/23/15831097.shtml>

в строительстве объем выполненных работ увеличился на 6,1%. Сохраняется стабильной ситуация на рынке труда: уровень безработицы в ноябре опустился до 3,8%³. Аналогичная картина сложилась и на региональном уровне. Решающую роль в этом, безусловно, сыграла слаженная работа всех органов государственной власти. Правительством России в оперативном режиме осуществлялся мониторинг социально-экономических процессов, выявлялись возникающие угрозы и вызовы, принимались необходимые решения по корректировке параметров реализуемой политики. Конечно же, все проблемы не решены. Прежде всего это касается вопросов развития потребительского рынка и повышения доходов населения. Однако избежать резко пессимистического сценария развития вполне удалось.

Отечественные ученые-регионалисты также не оставались в стороне. В течение года они проводили исследования проблем территорий и предлагали пути их решения. Так, *С.Г. Пьянкова и М.А. Комбаров*, исследуя проблему провалов развития в экономическом пространстве России (на примере Уральского федерального округа), предлагают в качестве способа ее решения внесение корректив в государственную политику регионального развития, направленных на обеспечение субъектов Федерации, уступающих по уровню экономического развития, средствами, необходимыми для реализации потенциальных резервов.

На тенденции и проблемы развития транспортных систем крупных городов Вологодской области обращают внимание *И.А. Секушина и С.Ю. Пахнина*. Авторы подчеркивают, что функционирование транспортных систем является одним из актуальных вопросов современных городов. Состояние дорожной сети и транспортной инфраструктуры во многом определяет уровень развития экономики и качество жизни горожан. В то же время авторы обращают внимание на рост доли населения, использующего личные автомобили для передви-

жения по городу. В качестве инструментов снижения негативного влияния транспорта на состояние окружающей среды рассматривают развитие системы общественного транспорта, альтернативных способов передвижения по городу, а также использование более экологических видов транспортных средств.

Статья *А.В. Короленко* посвящена пространственным трансформациям в системе расселения территорий России. В исследовании подтвержден тезис о сжатии освоенного пространства, усилении поляризации системы расселения, выявлены сохранение тенденции сокращения численности как сельского, так и городского населения и региональная специфика расселения.

Взаимосвязь налогообложения с региональной и социальной дифференциацией в России раскрыта в статье *А.А. Пугачева*. Автору удалось доказать, что применяемая в РФ система налогообложения доходов физических лиц не только не сглаживает неравенство граждан по доходам, а напротив, усиливает его. При этом имеет место неравенство граждан по доходам из-за существенной дифференциации субъектов Федерации. Для изменения ситуации в налогообложении и снижения региональной дифференциации предлагается комплекс мер, среди которых усиление прогрессии шкалы НДФЛ, введение необлагаемого минимума, корректировка системы налоговых вычетов, а также переход к уплате НДФЛ по месту регистрации налогоплательщика.

В условиях экономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19, усилением санкционного давления, возрастает значимость развития сектора малого бизнеса и прежде всего для регионов, где такие предприятия обеспечивают значительную долю рабочих мест. Рассмотрев теоретические аспекты применения специальных режимов налогообложения, зарубежный и отечественный опыт их использования, *С.В. Терехова* доказывает необходимость проведения государством налоговой политики, направленной

³ Более подробно см. «Мониторинг экономики: ноябрь 2022 года» в рубрике «Мониторинг перемен: основные тенденции».

ной на поддержку малого и среднего бизнеса, обосновывает меры налогового стимулирования этих предприятий, в их числе продление пониженной ставки по упрощенной системе налогообложения, увеличение «порога» дохода, позволяющего ее применять, меры по смягчению последствий отмены единого налога на вмененный доход и др.

Одним из наиболее значимых глобальных трендов, существенно трансформирующих различные сферы экономики и жизнедеятельности, является цифровизация. Вместе с тем российские регионы имеют существенные различия в уровне готовности к внедрению цифровой экономики. Особую остроту приобретает вопрос подготовки и обеспечения кадрами сферы информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Предлагаемый Л.А. Михейкиной подход к оценке цифрового потенциала субъектов РФ позволяет увидеть возможности регионов по обеспеченности необходимыми специалистами и определить направления корректировки региональной экономической политики.

М.А. Груздева рассматривает подходы к оценке цифрового благополучия населения региона. В статье представлена авторская методика построения индекса цифрового благополучия, учитывающего доступность интернета, цифровую грамотность, интеграцию цифровых технологий в повседнев-

ную жизнь и работу учреждений социальной сферы. Проведена апробация методики на российских регионах, которая показала их значительную дифференциацию по уровням цифрового благополучия. Вместе с тем наметилась тенденция увеличения числа территорий с более высоким уровнем развития в этой сфере.

Динамичность социально-экономических процессов увеличивает требования к инструментам, используемым в государственном управлении. Одним из них выступает региональный проектный офис. В статье К.А. Задумкина и А.А. Щербаковой обобщены научные подходы, а также отечественный и зарубежный опыт организации проектной деятельности в госсекторе, выявлены проблемы, требующие научно обоснованных решений в использовании соучаствующего проектирования, их решение позволит ускорить социально-экономическое развитие субъектов РФ.

Полагаем, что представленные на страницах журнала наработки отечественных ученых-экономистов найдут достойное место в сфере государственного и муниципального управления, а методические рекомендации авторов послужат основанием для внесения корректив в региональную социально-экономическую политику и будут способствовать успешному преодолению трудностей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тамара Витальевна Ускова – доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tamara V. Uskova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy director for science, head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tvu@vscc.ac.ru)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.2

УДК 332.146.2 | ББК 65.049(2)

© Пьянкова С.Г., Комбаров М.А.

ПРОБЛЕМА ПРОВАЛОВ РАЗВИТИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И СПОСОБЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ

СВЕТЛАНА ГРИГОРЬЕВНА ПЬЯНКОВА

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: silen_06@list.ru

ORCID: [0000-0002-7072-9871](https://orcid.org/0000-0002-7072-9871); ResearcherID: [H-5682-2018](https://orcid.org/H-5682-2018)

МИХАИЛ АНАТОЛЬЕВИЧ КОМБАРОВ

Уральский государственный экономический университет

Екатеринбург, Российская Федерация

e-mail: mikhail.kombarov@list.ru

ORCID: [0000-0002-6194-7762](https://orcid.org/0000-0002-6194-7762)

В настоящее время перед органами власти в России стоит задача по дегетерогенизации экономического пространства. Для ее успешного решения необходимо установить, какие регионы к настоящему моменту не сумели реализовать все свои потенциальные резервы. В выявлении таких регионов и разработке мер по устранению присущих им проблем заключается основная цель исследования. Теоретическим положением региональной экономики, на котором основано исследование, стало положение о том, что уровень экономического развития какого-либо региона не должен существенно отличаться от уровня экономического развития граничащих с ним регионов. В частности, это положение позволило разработать и применить концептуально новый подход к изучению экономического пространства России, что стало главным элементом научной новизны исследования. Согласно данному подходу, значительное отставание какого-либо региона по уровню экономического развития от соседних свидетельствует о нереализации им своих потенциальных резервов. Объектом исследования являются субъекты страны, обра-

Для цитирования: Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2023). Проблема провалов развития в экономическом пространстве России и способы ее решения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.2

For citation: Piankova S.G., Kombarov M.A. (2023). The problem of development failures in the economic space of Russia and ways to overcome it. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 10–26. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.2

зующие Уральский федеральный округ, а предметом – уровень их экономического развития, а также уровень экономического развития граничащих с ними субъектов. В качестве числового индикатора данного параметра выступает объем ВРП, информация о котором размещена на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. Путем обработки указанной информации установлено, что один из российских регионов, не реализовавших свои потенциальные резервы, – Курганская область. Определены эти резервы и отмечены возможные способы их реализации. Разработана государственная политика регионального развития, направленная на обеспечение Курганской области и других субъектов, уступающих по уровню экономического развития соседним регионам, средствами, необходимыми для реализации потенциальных резервов.

Социально-экономическое развитие, субъекты РФ, Уральский федеральный округ, потенциальные резервы, государственная политика регионального развития.

Введение

Российская Федерация по занимаемой площади является абсолютным лидером среди всех стран мира, простираясь с севера на юг примерно на 4000 км, а с запада на восток – почти на 10000 км. Благодаря этому она характеризуется диверсифицированной экономикой, что, как показывает мировой опыт, выступает одним из неотъемлемых условий для достижения страной высокого уровня экономического развития. Однако описанная географическая особенность имеет и отрицательную сторону, т. к. способствует усилению гетерогенности экономического пространства России. В результате неоднократного проявления такой способности в течение прошедших десятилетий XXI века (Пьянкова, Комбаров, 2022) экономическое пространство страны оказалось разорванным и фрагментарным (Лаврикова, Суворова, 2020), что, согласно сложившемуся в научных кругах мнению, относится к числу факторов, замедляющих рост экономики (Леонидова, 2020). При этом путем проведения грамотной государственной политики регионального развития разорванность и фрагментарность экономического пространства могут быть нивелированы. Важным направлением такой политики должна являться поддержка отдельных регионов. На определение регионов, нуждающихся в поддержке, а также на разработку мер поддержки и направлено настоящее исследование.

Обзор литературы

Первым научным трудом, объектом которого стала пространственная составляющая экономики, является работа немецкого ученого И. фон Тюнена «Der isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie». В ней указано, что для разных административно-территориальных единиц (далее – АТЕ), входящих в состав какой-либо страны или ее региона, наиболее выгодными выступают разные виды деятельности, т. е. гетерогенность экономического пространства является фактором, характерным для любой страны мира и для всех образующих ее регионов (Thünen, 1910).

Далее во внимание исследователей попали особенности гетерогенности экономического пространства, в частности причины ее усиления или ослабления, а также влияние этого фактора на состояние экономики страны или ее региона. Так, Г. Мюрдаль рассмотрел гетерогенность экономического пространства в поведенческом аспекте и пришел к выводу об ее способности к самоусилению. По словам ученого, более развитые АТЕ притягивают к себе рабочую силу из других АТЕ, в результате чего первые получают дополнительные ресурсы, обеспечивающие им дальнейшее развитие, а вторые, напротив, сталкиваются с дефицитом ресурсов, что усугубляет их экономическое положение (Myrdal, 1957). Согласно мнению Г. Мюрдаля, гетерогенность экономического пространства какой-либо страны или ее

региона разрывает его единство, а следовательно, препятствует экономическому развитию данной страны или ее региона.

Оспорил эту точку зрения американский экономист А. Хиршман, разработав концепцию «несбалансированного роста», согласно которой между АТЕ, образующими какую-либо страну или ее регион, ведется конкурентная борьба, выражающаяся в стремлении отстающих АТЕ мобилизовать все свои потенциальные резервы и оказывающая тем самым благоприятное влияние на состояние экономики соответствующей страны или региона (Hirshman, 1958). В современных научных кругах это называется внесением «динамизма» в экономическое развитие (Кузнецова, 2006; Дугаржапова и др., 2019).

После А. Хиршмана фактор гетерогенности экономического пространства попал во внимание У. Айзарда, заявившего о том, что уровень экономического развития каждой АТЕ, входящей в состав какой-либо страны или ее региона, определяет уровень экономического развития граничащих с ней АТЕ (Isard, 1960). Т. е., согласно мнению У. Айзарда, АТЕ, граничащие с развитой АТЕ, также являются развитыми, а с отстающей – отстающими, а успешное использование той или иной отстающей АТЕ своих потенциальных резервов оказывает положительное влияние на уровень экономического развития граничащих с ней АТЕ. Правота такого мнения была доказана Н.Э. Заргарян. На примере экономического пространства России исследователь установил, что соседние регионы имеют, как правило, схожее экономическое положение (Заргарян, 2013).

Как отмечают современные ученые, потенциальными резервами служат увеличение капитальных вложений (Поварова, 2011; Batabyal, Nijkamp, 2019), объемов НИОКР, повышение квалификации рабочей силы (Batabyal, Nijkamp, 2019), что позволит отстающей АТЕ усовершенствовать свои производственные технологии, наращивание частных инвестиций в инфраструктуру (Bennet, 2019), в результате чего на территории появятся новые рабочие места, и некоторые другие возможности. Для успешного использования отстающими АТЕ потенци-

альных резервов им зачастую требуются дополнительные финансовые ресурсы, способы обеспечения данных АТЕ которыми также регулярно попадают в поле зрения экономистов. Так, многие исследователи, например У. Оутс (Oates, 1999), Т.В. Ускова, С.С. Копасова (Ускова, Копасова, 2008), О.В. Дынникова, А. Киобе, С.Т. Славов (Dunnikova et al., 2022) выделяют в качестве такого способа бюджетную децентрализацию или фискальный федерализм, цель которого состоит в обеспечении всех бюджетов бюджетной системы страны собственными источниками доходов. Корректность данного способа на примере России была доказана А.О. Юшковым, Н.Ю. Одинг и Л.И. Савулькиным. Согласно их выводам, в результате его применения потери федерального бюджета могут оказаться в несколько раз меньше дополнительных доходов бюджетов субфедерального уровня (Юшков и др., 2017). Также отстающей АТЕ реализовать потенциальные резервы способно помочь сотрудничество с соседними АТЕ, заключающееся, например, в реализации совместных программ и проектов (Гатауллин, Чувашаева, 2022).

Обобщая рассмотренные выше труды ученых, посвященные гетерогенности экономического пространства, можно сказать, что степень выраженности данного фактора находится в обратной зависимости от степени остроты конкурентной борьбы между АТЕ соответствующей страны или ее региона, и чем острее ведется эта борьба, тем более положительно указанный фактор влияет на экономическое развитие страны или ее региона. Эти работы входят в число трудов, образующих теоретическую базу пространственной экономики. Общий их недостаток заключается в том, что в них не рассматривается ситуация, когда уровень экономического развития той или иной АТЕ какой-либо страны или ее региона существенно отстает от уровня экономического развития граничащих с ней АТЕ, которая имеет место на практике и усиливает гетерогенность экономического пространства, в результате чего данный фактор приобретает отрицательный характер.

Указанный недостаток переносится и на прикладные исследования гетерогенности экономического пространства. Так, экономисты, изучающие экономическое пространство России, заявляют об его высокой гетерогенности на основании того, что «ВРП Москвы в 353 раза превышает ВРП Республики Алтай» (Маньшин, Моисеева, 2022) или «уровень жизни в Сахалинской области почти аналогичен показателю Сингапура, в то время как в Республике Ингушетии слабо отличается от показателя Гондураса»¹. Безусловно, вывод о высокой гетерогенности российского экономического пространства верен, но корректность путей ее ослабления, следующих из способов, использованных при проведении исследований, вызывает вопросы. Ведь Москву и Республику Алтай разделяют несколько тысяч километров, а Сахалинская область и Республика Ингушетия и вовсе расположены на восточной и западной окраине России соответственно, что обуславливает существенные различия данных субъектов по природно-климатическим ресурсам, а следовательно, по экономической специализации, делая конвергенцию их экономических показателей трудноосуществимой. Вероятно, эффективным методом дегетерогенизации экономического пространства России станет поддержка субъектов, которые по уровню экономического развития значительно отстают от граничащих с ними регионов и которые следует назвать провалами развития. В силу особенностей экономико-географического положения страны выявлению провалов развития и разработке возможных мер по устранению присущих им проблем целесообразно посвятить несколько исследований, рассматривая в каждом из них один или несколько федеральных округов. Цель настоящего исследования заключается в выявлении провалов развития, расположенных в Уральском федеральном округе,

и разработке мер по устранению присущих им проблем.

Материалы и методы

В нашем исследовании широко применяется понятие «альянс», которым обозначается совокупность субъектов, состоящая из какого-либо субъекта (центра альянса) и граничащих с ним субъектов (периферии альянса). Поскольку в состав Уральского федерального округа входят 6 субъектов, то рассматриваются 6 альянсов: Курганский, Свердловский, Тюменский, Челябинский, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий альянсы или альянсы Уральского федерального округа (табл. 1).

Основным элементом информационной базы исследования станет информация об объеме ВРП субъектов, образующих Уральский федеральный округ, т. е. являющихся центрами перечисленных альянсов, и субъектов, граничащих с ними, т. е. образующих периферию альянсов, за период с 2016 по 2020 год, представленная на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики². Поскольку данные за более поздние периоды по состоянию на сегодняшний день отсутствуют в источниках, при проведении исследования необходимо основываться на допущении, что к настоящему моменту времени ситуация, наблюдавшаяся в 2016–2020 гг., не претерпела значимых изменений. Названный показатель выбран в качестве числового индикатора уровня экономического развития субъектов страны, т. к. выступает важнейшим экономическим показателем региона (Булочников, Смирнов, 2019) и находится в зависимости от многих других показателей.

Исследование включает несколько этапов. На первом этапе будет рассчитан средний объем ВРП регионов, образующих периферию каждого альянса, за 2016–2020 гг. по следующей формуле:

¹ Bussolo M., Davalos M.E., Peragine V., Sundaram R. Toward a New Social Contract: Taking on Distributional Tensions in Europe and Central Asia. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535.pdf>

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

Таблица 1. Альянсы Уральского федерального округа

Альянс	Центр альянса	Периферия альянса
Курганский альянс	Курганская область	Свердловская, Тюменская, Челябинская области
Свердловский альянс	Свердловская область	Республики Башкортостан, Коми, Пермский край, Курганская, Челябинская, Тюменская области, ХМАО – Югра
Тюменский альянс	Тюменская область	Курганская, Омская, Свердловская, Томская области, ХМАО – Югра
Челябинский альянс	Челябинская область	Республика Башкортостан, Курганская, Оренбургская, Свердловская области
Ханты-Мансийский альянс	ХМАО – Югра	Республика Коми, Красноярский край, Свердловская, Томская, Тюменская области, ЯНАО
Ямало-Ненецкий альянс	ЯНАО	Республика Коми, Красноярский край, Ненецкий автономный округ, ХМАО – Югра

Источник: составлено авторами.

$$\overline{\text{ВРП}} = \frac{\text{ВРП}_1 + \text{ВРП}_2 + \dots + \text{ВРП}_n}{n}, \quad (1)$$

где:

$\overline{\text{ВРП}}$ – средний объем ВРП по периферии того или иного альянса;

$\text{ВРП}_1, \text{ВРП}_2, \dots, \text{ВРП}_n$ – объем ВРП регионов, образующих периферию того или иного альянса;

n – количество регионов, образующих периферию того или иного альянса.

Далее для каждого альянса Уральского федерального округа будет рассчитан показатель, который необходимо назвать коэффициентом отклонения ВРП центра от ВРП периферии. Формула для его расчета выглядит следующим образом:

$$K_{\text{откл.ВРП}} = \pm V, \quad (2)$$

где:

$K_{\text{откл.ВРП}}$ – коэффициент отклонения ВРП центра от ВРП периферии;

V – коэффициент вариации для ВРП центра и среднего ВРП регионов, образующих периферию соответствующего альянса, который в случае, если объем ВРП центра какого-либо альянса превышает средний объем ВРП регионов, образующих его периферию, является положительным, а в обратном случае – отрицательным.

На возможное отсутствие провалов развития в соответствующем альянсе указывает значение данного индикатора, находящееся в интервале от -33% до 33% , поскольку, со-

гласно основам статистики, исследуемая совокупность признается однородной тогда, когда коэффициент вариации менее 33% . Значение, превышающее верхнюю границу указанного интервала, свидетельствует о наличии одного или нескольких провалов развития в периферии альянса, а недотягивающее до нижней границы – о том, что провалом развития является центр альянса.

Расчет коэффициента отклонения ВРП центра от ВРП периферии как метод обнаружения провалов развития в какой-либо стране или ее регионе не является трудоемким. Недостаток состоит в том, что значения коэффициента могут ложно указать на отсутствие провалов развития в периферии какого-либо альянса. Это происходит, когда в периферии какого-либо альянса наряду с провалом развития имеется субъект, ВРП которого существенно превышает ВРП центра. Однако под влиянием только что описанного достоинства рассматриваемого метода, которое заключается в том, что он позволяет без значительных временных затрат протестировать все субъекты страны или ее региона, этот недостаток не умаляет его корректности.

После выявления провалов развития в Уральском федеральном округе необходимо определить, в силу каких обстоятельств данные субъекты уступают соседним субъектам по объему ВРП. Все возможные причины представлены на *рис. 1*.

После определения, какие именно факторы не позволяют субъектам достичь объема ВРП, сравнимого с объемом ВРП соседних субъектов, будут разработаны меры государ-

Рис. 1. Диаграмма Искиавы для проблемы слабого экономического развития субъекта
Составлено по: (Krugman, 1991).

ственной политики регионального развития в отношении этих регионов, направленные на устранение данных факторов.

Результаты и обсуждение

Информация об объеме ВРП субъектов, входящих в состав Уральского федерального округа, и среднем объеме ВРП по периферии образуемых ими альянсов представлена в табл. 2.

Результаты расчета коэффициента отклонения ВРП центра от ВРП периферии для альянсов Уральского федерального округа приведены в табл. 3.

Согласно табл. 3, в составе Уральского федерального округа имеется один субъект, являющийся провалом развития – Курганская область. Образую Курганский альянс, она также входит в периферию Свердловского, Тюменского и Челябинского альянсов, с чем связано продемонстрированное Свердловским альянсом в 2016, 2017 и 2020 гг. значение коэффициента отклонения ВРП центра от ВРП периферии, превышающее верхнюю границу нормативного интервала. Значение данного показателя для Свердловского альянса в 2018–2019 гг. и Тюменского и Челябинского альянсов на протяжении всего рассмотренного периода

времени есть проявление отмеченного выше его недостатка. Ведь помимо Курганской области в Свердловский и Тюменский альянсы входит ХМАО – Югра, устойчиво занимающий по объему ВРП четвертое место в России, а в Челябинский альянс – Свердловская область, ВРП которой превышает ВРП Челябинской области примерно в 1,6 раза. Также из табл. 3 видно, что один или несколько провалов развития имеет в своем составе периферия Ханты-Мансийского альянса. Из 6 субъектов, ее образующих, на указанный статус могут претендовать Республика Коми и Томская область, находящиеся за пределами Уральского федерального округа и не представляющие интерес в контексте настоящего исследования.

Таким образом, проведенные расчетные процедуры показали, что одним из субъектов страны, являющихся провалами развития, выступает Курганская область. Она расположена на относительно небольшом расстоянии от Москвы (примерно 2000 км). Различные автомобильные и железные дороги соединяют регион со многими другими российскими субъектами, в т. ч. Москвой и Санкт-Петербургом, на основании чего можно утверждать, что его географическое положение невыгодным не является. Что касается природно-климатических условий

Таблица 2. ВРП центра и периферии альянсов
Уральского федерального округа за 2016–2020 гг., млн руб.

Показатель	Год				
	2016	2017	2018	2019	2020
Курганский альянс					
ВРП центра	202100,4	209985,5	215589,9	236825,8	242305,0
Средний ВРП по периферии	1469970,4	1586516,2	1753888,6	1772495,4	1770377,4
Свердловский альянс					
ВРП центра	2109619,1	2259526,0	2423689,4	2535215,0	2529780,9
Средний ВРП по периферии	1254341,4	1372809,8	1631230,8	1656548,4	1443425,5
Тюменский альянс					
ВРП центра	967530,8	1083409,4	1316650,9	1234753,1	1166202,1
Средний ВРП по периферии	1326488,0	1456197,8	1698905,5	1744184,0	1489159,2
Челябинский альянс					
ВРП центра	1332761,4	1416613,3	1521325,4	1547518,0	1615149,2
Средний ВРП по периферии	1137000,6	1207565,2	1359286,8	1420423,0	1383674,6
Ханты-Мансийский альянс					
ВРП центра	3130196,4	3557367,1	4506739,7	4558879,8	3353302,7
Средний ВРП по периферии	1337829,5	1489868,9	1745896,2	1826832,8	1725982,1
Ямало-Ненецкий альянс					
ВРП центра	2028234,6	2456293,7	3051613,1	3158827,6	2768191,3
Средний ВРП по периферии	1448129,5	1602187,2	1974534,4	2076044,1	1729614,3

Источник: составлено авторами по данным Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/accounts>

Таблица 3. Результаты проверки Уральского федерального округа на наличие провалов развития

Альянс	К _{откл. ВРП} , %				
	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год
Курганский	-107,23	-108,36	-110,46	-108,08	-107,37
Свердловский	35,96	34,52	27,64	29,64	38,67
Тюменский	-22,13	-20,76	-17,93	-24,18	-17,20
Челябинский	11,21	11,27	7,96	6,06	10,92
Ханты-Мансийский	56,73	57,93	62,44	60,51	45,31
Ямало-Ненецкий	23,60	29,76	30,31	29,25	32,66

Источник: составлено авторами.

Курганской области, то ни одно ее муниципальное образование никогда не входило в перечень районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей, а недра субъекта богаты разнообразными полезными ископаемыми, например ураном, железными рудами, бентонитовыми глинами, строительными песками и т. д. Следовательно, факторами, наделяющими его статусом провала развития, выступают неблагоприятная

демографическая ситуация и низкая производительность труда. Так, начиная с первой половины 1990-х гг. в Курганской области непрерывно сокращается численность населения (рис. 2).

Сокращение численности населения происходит, как правило, под воздействием трех факторов, отмеченных на рис. 1. В Курганской области все они имеют место. Так, уровень безработицы в ней значительно превышает

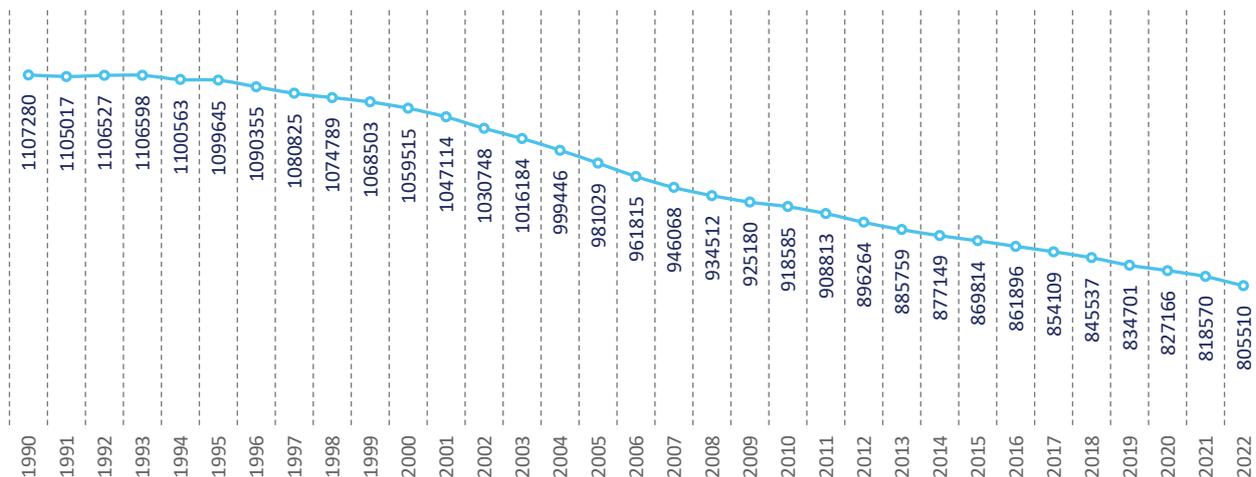

Рис. 2. Население Курганской области в 1990–2022 гг. (на 1 января), чел.
Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557.do>

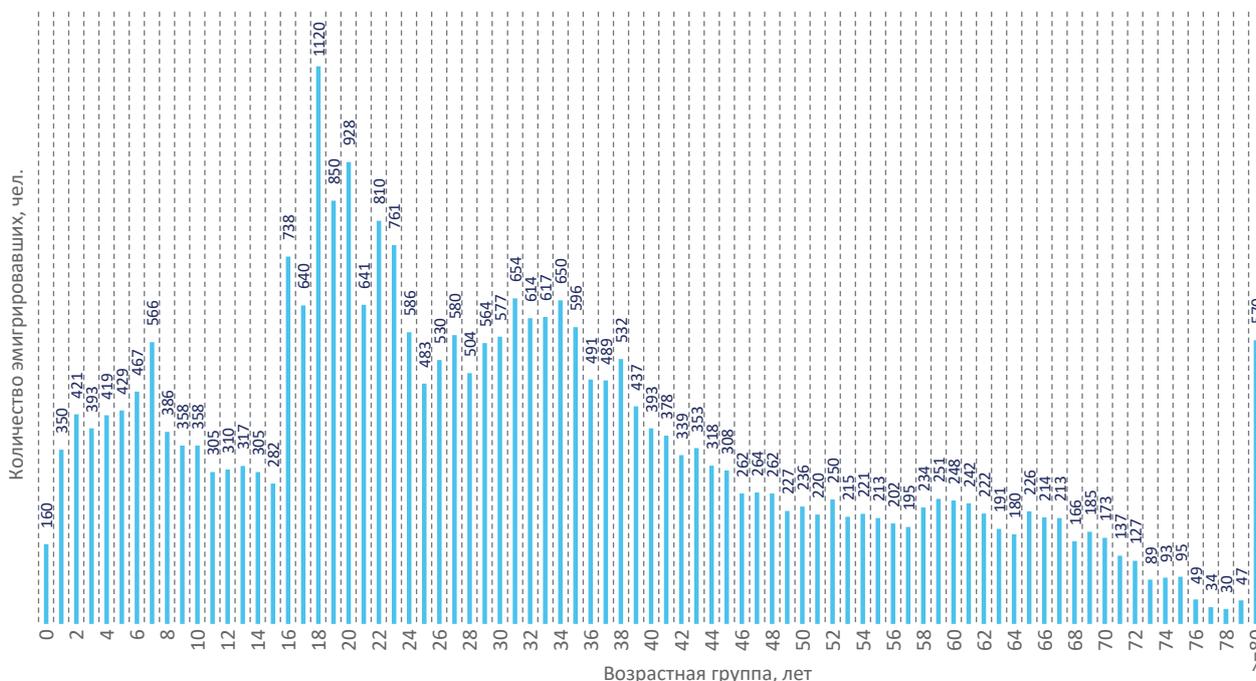

Рис. 3. Возрастная структура лиц, эмигрировавших из Курганской области в 2021 году
Составлено по: данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/25983>

ет общероссийский показатель и показатель всех остальных субъектов Уральского федерального округа, заставляя население искать источники дохода в других регионах. Следует отметить, что по итогам 2022 года, согласно прогнозам Центрального банка РФ, ожидается рост уровня безработицы в Курганской области до 12,5%, что на 4,9 процентных пункта выше показателя 2021 года, в связи с сокращением числа рабочих мест

в автомобилестроении и некоторых других отраслях экономики. О несовершенстве сферы образования Курганской области свидетельствует возрастная структура эмигрантов (рис. 3).

В возрастной структуре лиц, эмигрировавших из Курганской области в 2021 году, наибольший удельный вес занимают группы 18, 19 и 20 лет, также четко выделяются группы 7 и 16 лет. Именно для представи-

телей этих пяти возрастных групп вопрос, связанный с получением образования, наиболее актуален, а неудовлетворительное состояние школ, дефицит учителей и нехватка образовательных учреждений среднего профессионального и высшего образования делают ключевым инструментом при решении данного вопроса эмиграцию в другой субъект. Негативизм такой ситуации усиливается тем, что после получения образования многие из эмигрантов уже не возвращаются обратно в Курганскую область.

Информация об естественном движении населения Курганской области за период с 1990 по 2021 год представлена в *табл. 4*.

Естественная убыль населения наблюдается в Курганской области с 1992 года. При этом в последние годы разрыв между числом рождающихся и умирающих демонстрирует резкий рост. Так, по итогам 2021 года он в 5,25 раза превысил показатель 2013 года, обновив антирекорд, установленный в 2003 году.

Второе обстоятельство, препятствующее развитию Курганской области, в качестве которого выступает низкая производительность труда, обычно является следствием недостаточного уровня квалификации рабочей силы и (или) высокого износа основных

фондов. О наличии первого из только что упомянутых факторов неоднократно заявлял глава региона В.М. Шумков. Информация о состоянии основных фондов предприятий, осуществляющих свою деятельность на территории субъекта, представлена на *рис. 4*.

Вопрос о пороговой степени износа основных фондов активно обсуждается в научных кругах. Так, коллектив авторов во главе с профессором В.В. Криворотовым отмечает, что таковой является степень износа, составляющая 35% (Криворотов и др., 2019). Кандидаты экономических наук М. С. Сюпова и Н. А. Бондаренко повышают величину до 40% (Сюпова, Бондаренко, 2019), а согласно мнению С.А. Гребенкиной, только 50%-ный износ может создать препятствие для развития какой-либо экономической системы (Гребенкина и др., 2020). Эти оценки, а также представленная на *рис. 4* информация позволяют констатировать, что средняя степень износа основных фондов предприятий Курганской области на протяжении всего рассмотренного отрезка времени превышала пороговый уровень.

Таким образом, причиной текущего экономического положения Курганской области являются 5 негативных факторов. Это без-

Таблица 4. Естественное движение населения Курганской области в 1990–2021 гг., чел.

Год	Число родившихся	Число умерших	Прирост (убыль)	Год	Число родившихся	Число умерших	Прирост (убыль)
1990	16069	12644	3425	2006	10285	16003	-5718
1991	14596	13048	1548	2007	11159	15334	-4175
1992	13057	13721	-664	2008	11842	15501	-3659
1993	10926	16223	-5297	2009	11943	14889	-2946
1994	11111	16942	-5831	2010	11816	14626	-2810
1995	10051	16305	-6254	2011	11589	14186	-2597
1996	9537	15562	-6025	2012	12389	14274	-1885
1997	9147	15194	-6047	2013	12368	14154	-1786
1998	9991	15081	-5090	2014	11845	13899	-2054
1999	9925	16306	-6381	2015	11568	13950	-2382
2000	10146	17207	-7061	2016	10666	13608	-2942
2001	9959	17053	-7094	2017	9469	12928	-3459
2002	10672	18101	-7429	2018	8642	12990	-4348
2003	10357	18231	-7874	2019	7643	12651	-5008
2004	10723	17647	-6924	2020	7432	14331	-6899
2005	10218	17399	-7181	2021	7220	16598	-9378

Составлено по: данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru>; данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/25983>

работица, проблемы в сфере образования, естественная убыль населения, что обуславливает неблагоприятную демографическую ситуацию, а также недостаточный уровень квалификации рабочей силы и высокий из-

нос основных фондов, следствием чего выступает низкая производительность труда. Для нивелирования этих факторов данному субъекту необходимо реализовать все свои потенциальные резервы (табл. 5).

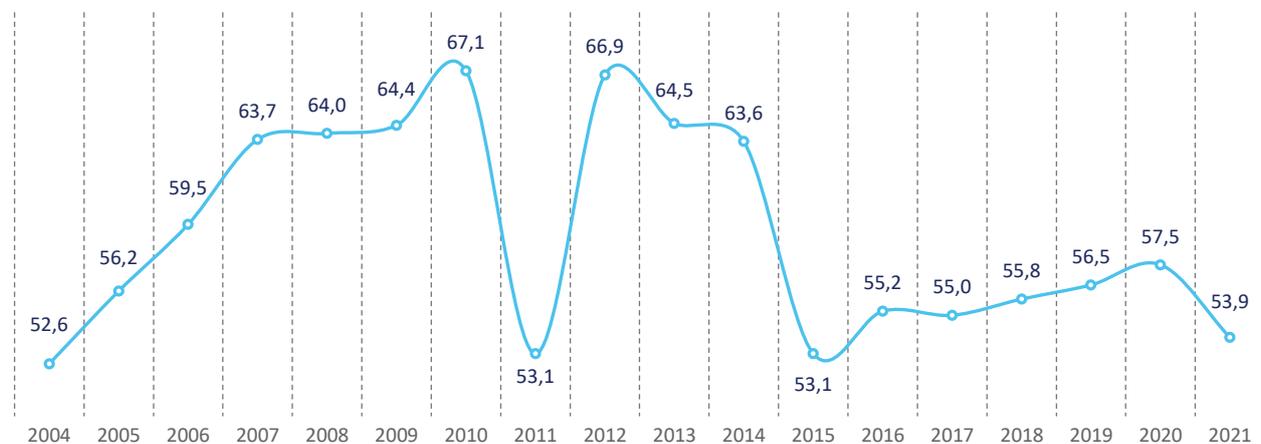

Рис. 4. Средняя степень износа основных фондов предприятий Курганской области за 2004–2021 гг., %
Составлено по: данные Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14304>

Таблица 5. Потенциальные резервы Курганской области и направления их реализации

Негативный фактор	Потенциальный резерв	Направление	Пояснение
Безработица	Создание новых рабочих мест	Региональный проект «Сельскохозяйственная мощь Зауралья»	В настоящее время в Курганской области в рамках реализации национального проекта «Международная кооперация и экспорт» реализуется региональный проект «Экспорт продукции АПК», направленный на увеличение объема экспорта продовольственных товаров к 2024 году в 3,4 раза по сравнению с уровнем 2017 года. Однако в настоящее время на территории региона имеется более 400 га залежных земель, что является одним из самых высоких показателей в России. На «разморозку» этих земель и направлен рекомендуемый проект. Его реализация, с одной стороны, будет способствовать достижению указанного объема экспорта, а с другой, – наделить область новыми рабочими местами, в т. ч. для трактористов, имеющих наибольший удельный вес в профессиональной структуре безработицы региона
Проблемы в сфере образования	Совершенствование сферы образования	Открытие медицинского и педагогического вузов	В настоящее время рынок труда Курганской области характеризуется дефицитом учителей и врачей, который, как следует из вышеизложенного, является одновременно и причиной, и следствием изъязнов сферы образования данного субъекта, обуславливающих отток населения. Кроме того, дефицит врачей может оказывать негативное влияние на уровень смертности в Курганской области. Изменить такое положение дел, вероятно, позволит открытие в регионе указанных образовательных учреждений, т. к., помимо недостатков, сфера образования Курганской области обладает и весомым конкурентным преимуществом, делающим ее привлекательной для абитуриентов, – относительно высокой, по сравнению с многими другими субъектами, стипендией губернатора
Естественная убыль населения	Стимулирование рождаемости	Увеличение объема средств, выделяемых на охрану семьи и детства	–

Недостаточный уровень квалификации рабочей силы	Повышение квалификации рабочей силы	Увеличение объема средств, выделяемых на профессиональную подготовку, переподготовку и повышение квалификации	–
Высокий износ основных фондов	Наращивание объема инвестиций в основной капитал	Различные проекты и программы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности	Обрабатывающая промышленность является ключевой отраслью экономики Курганской области, в ней занято почти 80% промышленных предприятий и производится около 20% ВРП региона. Вместе с тем средняя степень износа основных фондов предприятий, занятых в данной отрасли, превышает средний показатель по региону, а некоторые предприятия, например ПАО «Курганмашзавод», используют в производственном процессе основные фонды, изношенные более чем на 90%. В рамках реализации указанных проектов и программ всем этим предприятиям будут выделены средства на обновление основного капитала
Источник: составлено авторами.			

Таблица 6. Результаты регрессионного анализа зависимости объема ВРП Курганской области от объема выручки ПАО «Курганмашзавод»

Показатель	Значение	Показатель	Значение
Объем выборки n	12	Коэффициент автокорреляции первого порядка r_1	0,2979
Коэффициент корреляции r	0,9717***	$t_{\text{крит}}$	3,581***
Коэффициент детерминации r^2	0,9441***	Стандартная ошибка коэффициента корреляции S_{ey}	0,2887
Коэффициент при независимой переменной (стандартная ошибка)	0,0062*** (0,0005)	$(-t_{\text{крит}} * S_{ey}; t_{\text{крит}} * S_{ey})$	(-1,0338; 1,0338)
У-пересечение (стандартная ошибка)	88444,1054*** (7573,6479)	F-статистика (тест Голдфелда – Квандта)	1,4548
RS-критерий	3,5383	$F_{\text{кр}}$ (тест Голдфелда – Квандта)	21,2
*** Значимость на 1-процентном уровне. Источник: составлено авторами.			

В дополнение к представленной в табл. 5 информации важно отметить, что предприятие ПАО «Курганмашзавод» является одним из крупнейших предприятий Курганской области. Это означает, что от его выручки, триггером снижения которой служит текущее состояние его основных фондов, может непосредственно зависеть объем ВРП субъекта. Результаты регрессионного анализа, проведенного на основе сведений о двух указанных параметрах за 2009–2020 гг., полностью подтверждают эту гипотезу (табл. 6).

Влияние объема выручки ПАО «Курганмашзавод» на объем ВРП Курганской области описывается следующим уравнением:

$$y = 0,0062x + 88444,1054, \quad (3)$$

где:

y – объем ВРП Курганской области, млн руб.;
x – объем выручки ПАО «Курганмашзавод», тыс. руб.

Таким образом, увеличение выручки ПАО «Курганмашзавод», которое будет иметь место в результате реализации государственной политики регионального развития в отношении Курганской области, непосредственно повлечет за собой прирост ВРП данного субъекта, и величина этого прироста примерно в 6,2 раза окажется

выше прироста первого из только что упомянутых показателей.

Как было отмечено выше, реализовать свои потенциальные резервы провалу развития помогают сотрудничество с соседними регионами и фискальный федерализм. Так, например, некоторые проекты и программы, направленные на развитие обрабатывающей промышленности, могут быть совместными со Свердловской, Тюменской и Челябинской областями, а проблемы в сфере образования Курганской области представляется целесообразным нивелировать путем открытия на ее территории филиалов ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», ФГБОУ ВО «Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет», ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» и ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации.

Помимо укрепления сотрудничества с соседними регионами Курганской области, равно как и всем провалам развития страны, для успешной реализации своих потенциальных резервов требуются дополнительные финансовые ресурсы. В связи с этим органам власти необходимо взять курс на бюджетную децентрализацию. В частности, в рамках совершенствования государственной политики регионального развития сле-

дует закрепить понятие «альянс» в стратегических документах, например в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, и внести некоторые изменения в бюджетное законодательство и законодательство о налогах и сборах. В соответствии с этими изменениями в бюджет субъектов, являющихся провалами развития, станут зачисляться суммы некоторых налогов, поступающие в настоящее время в федеральный бюджет. Для разработки рекомендаций, какие именно налоги целесообразно передать бюджету того или иного субъекта, необходимо рассмотреть, в каком объеме указанные налоги перечисляет тот или иной субъект в данный бюджет в настоящее время. Информация о налогах, поступающих в федеральный бюджет с территории Курганской области, представлена в *табл. 7*.

Согласно данным, для того чтобы Курганская область смогла успешно реализовать свои потенциальные резервы, ее бюджету необходимо передать часть налога на прибыль организаций, являющуюся сегодня его федеральной компонентой, а также НДС, поскольку сумма этих двух налогов составляет 99% от суммы всех собираемых на территории рассматриваемого субъекта налогов, уходящих в федеральный бюджет. Расчеты показывают, что в случае действия таких мер в 2021 году общий объем доходной части бюджета Курганской области оказался бы на 13,4 млрд руб. больше фактического (*табл. 8*).

Таблица 7. Налоги и сборы, поступившие в федеральный бюджет с территории Курганской области за 2016–2021 гг., тыс. руб.

Налог (сбор)	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
Налог на прибыль организаций	248346	338389	289108	380211	444571	539043
НДФЛ	0	0	0	0	0	43378
НДС	7470041	8337965	6276883	8930007	10062827	12860850
Акцизы	3960	264	0	508	2002	48
НДПИ	50821	53147	36268	27346	39008	38006
Водный налог	3838	4102	5654	5382	6398	7218
Сборы за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов	209	220	205	197	189	185
Государственная пошлина	70558	62576	71363	64213	57030	57732
Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru						

Таблица 8. Расчет потенциального объема доходов бюджета Курганской области в 2021 году, тыс. руб.

Показатель	Фактическое значение	Потенциальное значение
Уплачено в федеральный бюджет:		
– налога на прибыль организаций	539043	0
– НДС	12860850	0
Уплачено в бюджет субъекта РФ:		
– налога на прибыль организаций	5486585	6025628
– НДС	0	12860850
Доходы бюджета субъекта РФ	61464390,8	74864284,8
Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: https://www.nalog.gov.ru		

Реализация разработанной в настоящем исследовании государственной политики регионального развития приведет к выпадению части доходов из федерального бюджета. Компенсировать эти средства позволит введение с 1 июля 2023 года акцизов на сахаросодержащие напитки, а также повышение с 1 января 2023 года налоговой нагрузки на нефтяную и газовую отрасли отечественной экономики. Кроме того, учеными ИСЭРТ РАН (ныне – ВолНИЦ РАН) было предложено отменить возмещение НДС экспортерам, которое, согласно их выводам, ежегодно снижает доходы федерального бюджета более чем на 1 трлн руб. (Печенская, 2015).

Заключение

Экономическое пространство России в настоящее время характеризуется чрезмерной гетерогенностью, обусловленной тем, что в составе страны имеются провалы развития, т. е. субъекты, не реализовавшие все свои потенциальные резервы. Как было отмечено, индикатором, свидетельствующим о том, что такое положение дел в каком-либо субъекте имеет место быть, служит отставание объема его ВРП от объема ВРП граничащих с ним субъектов. По результатам исследования установлено, что в составе Уральского федерального округа присутствует один провал развития, в качестве которого выступает Курганская область. Ее не реализованными потенциальными резервами являются создание новых рабочих мест, элиминация недостатков сферы образования, стимулирование рождаемости, повышение квалификации рабочей силы и наращивание объема инвестиций в основной ка-

питал. При прочих равных условиях эти потенциальные резервы не будут реализованы в дальнейшем в связи с недостатком аккумулируемых в бюджете области финансовых ресурсов, что характерно для любого провала развития. Поэтому эффективной мерой поддержки провалов развития представляется бюджетная децентрализация, направления которой для каждого такого региона могут быть индивидуальными. Так, бюджету Курганской области необходимо передать федеральную компоненту налога на прибыль организаций и НДС. Представленные в табл. 8 расчеты показали, что данная мера способна увеличить объем доходов бюджета Курганской области на 21,8%.

Научная новизна исследования заключается в том, что использованный при его проведении подход ранее не применялся в рамках изучения экономического пространства России. На полученные результаты могут опираться органы власти при планировании государственной политики регионального развития, чем объясняется практическая значимость работы.

Проводить исследование авторы оказались вынуждены на основе информации об объеме ВРП регионов России за 2020 год, т. к. информация за i -й год размещается в открытых источниках, в частности на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики, только в марте $i+2$ года. Т. е. информация об объеме ВРП регионов России за 2021 год появится в марте 2023 года. Подобное ограничение дел может снижать качество исследований в данной области и поэтому должно быть искоренено.

ЛИТЕРАТУРА

- Булочников П.А., Смирнов К.Б. (2019). Межрегиональная дифференциация пространственного развития регионов Российской Федерации // Петербургский экономический журнал. № 4. С. 68–75. DOI: 10.25631/PEJ.2019.4.68.75
- Гатауллин Р.Ф., Чувашаева Э.Р. (2022). Трансграничное взаимодействие между регионами: факторы, типы и механизмы // Социальные и экономические системы. № 6-7 (36). С. 116–128.
- Гребенкина А.С., Хрусталева Е.Ю., Славянов А.С. (2020). Методические основы обеспечения устойчивого развития региона // Вестник Московского ун-та. Сер. 5: География. № 1. С. 63–72.
- Дугаржапова М.А., Жалсараева Е.А., Чимитдоржиева Е.Ц. (2019). Анализ неравномерности показателей динамики экономического развития регионов России с использованием статистических методов // Горизонты экономики. № 5 (51). С. 71–78.
- Заргарян Н.Э. (2013). Сравнительно-географическая характеристика показателей валового регионального продукта субъектов Российской Федерации // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. № 34. С. 11–14.
- Криворотов В.В., Калина А.В., Белик И.С. (2019). Пороговые значения индикативных показателей для диагностики экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе // Вестник УрФУ. Сер.: Экономика и управление. Т. 18. № 6. С. 892–910. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.043
- Кузнецова И.И. (2006). Проблема территориальной дифференциации в региональной экономике и возможности ее исследования на городском уровне // Труды Ин-та системного анализа Российской академии наук. Т. 22. С. 261–268.
- Лаврикова Ю.Г., Суворова А.В. (2020). Оптимальная пространственная организация экономики региона: поиск параметров и зависимостей // Экономика региона. Т. 16. № 4. С. 1017–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1
- Леонидова Е.Г. (2020). Стимулирование конечного потребления в контексте снижения регионального неравенства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 3. С. 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5
- Маньшин Р.В., Моисеева Е.М. (2022). Влияние инфраструктуры на размещение населения и развитие регионов России // Экономика региона. Т. 18. № 3. С. 727–741. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-8
- Печенская М.А. (2015). Исследования функционирования бюджетной системы региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5 (41). С. 147–158. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.10
- Поварова А.И. (2011). Трехлетний бюджет: ждать ли стабильности? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 2 (14). С. 20–36.
- Пьянкова С.Г., Комбаров М.А. (2022). Диспропорции в пространственном развитии России и ее экономических районов: выбор точного и корректного метода оценки и способы сглаживания // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 3. С. 75–90. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.4
- Сюпова М.С., Бондаренко М.А. (2019). Система индикаторов экономической безопасности региона // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. № 4 (55). С. 67–80.
- Ускова Т.В., Копасова С.С. (2008). Бюджетная безопасность региона в контексте устойчивого развития // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. № 4 (44). С. 24–33.
- Юшков А.О., Одинг Н.Ю., Савулькин Л.И. (2017). Судьбы российских регионов-доноров // Вопросы экономики. № 9. С. 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82
- Batabyal A., Nijkamp P. (2019). The magnification of a lagging region's initial economic disadvantages on the balanced growth path. *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 3 (3), 719–730. DOI: 10.1007/s41685-019-00118-7

- Bennett D.L. (2019). Infrastructure investments and entrepreneurial dynamism in the U.S. *Journal of Business Venturing*, 34 (5), 105907. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.10.005>
- Dynnikova O.V., Kyobe A., Slavov S. (2022). Regional disparities and fiscal federalism in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 3 (55), 102–138. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-6
- Hirschman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- Isard W. (1960). *Methods of Regional Analysis: An Introduction in Regional Science*. New York: John Wiley and Sons.
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99 (3), 483–499.
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd.
- Oates W.E. (1999). An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 37 (3), 1120–1149. DOI: 10.1257/JEL.37.3.1120
- Thünen I. von (1910). *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Jena: Verlag von Gustav Fischer.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Светлана Григорьевна Пьянкова – доктор экономических наук, профессор, доцент, Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: silen_06@list.ru)

Михаил Анатольевич Комбаров – Уральский государственный экономический университет (Российская Федерация, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, д. 62/45; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

Piankova S.G., Kombarov M.A.

THE PROBLEM OF DEVELOPMENT FAILURES IN THE RUSSIAN ECONOMIC SPACE AND WAYS TO OVERCOME IT

At present, the authorities in Russia are facing the task of deheterogenization of the economic space. For its successful solution it is necessary to establish which regions have not yet managed to realize all of their potential reserves. In identifying such regions and developing measures to solve their inherent problems lies the main goal of the study. The theoretical position of the regional economy, on which the study is based, was the provision that the level of economic development of a region should not differ significantly from the level of economic development of neighboring regions. In particular, this provision made it possible to develop and apply a conceptually new approach to the study of Russia's economic space, which became the main element of scientific novelty of the research. According to this approach, a significant lag of any region in terms of economic development from its neighbors indicates its failure to realize its potential reserves. The object of the study is the entities of the country, forming the Ural Federal District, and the subject is the level of their economic development, and the level of economic development of the entities neighboring them. The numerical indicator of this parameter is the volume of GRP, information about which is available on the official website of the Federal State Statistics Service. By processing the above information, it was found that one of the Russian regions, which has not realized its potential reserves, is the Kurgan Oblast. These reserves are defined and the possible ways of their implementation are noted. The state policy of regional development, aimed at providing the Kurgan Oblast and other subjects, which are inferior to neighboring regions

in terms of economic development, with funds necessary for the implementation of potential reserves, was elaborated.

Socio-economic development, entities of the Russian Federation, Ural Federal District, potential reserves, state policy of regional development.

REFERENCES

- Batabyal A., Nijkamp P. (2019). The magnification of a lagging region's initial economic disadvantages on the balanced growth path. *Asia-Pacific Journal of Regional Science*, 3(3), 719–730. DOI: 10.1007/s41685-019-00118-7
- Bennett D.L. (2019). Infrastructure investments and entrepreneurial dynamism in the U.S. *Journal of Business Venturing*, 34(5), 105907. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jbusvent.2018.10.005>
- Bulochnikov P.A., Smirnov K.B. (2019). Interregional differentiation of spatial development of regions of the Russian federation. *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal=St. Petersburg Economic Journal*, 4, 68–75. DOI: 10.25631/PEJ.2019.4.68.75 (in Russian).
- Dugarzhapova M.A., Zhalsaraeva E.A., Chimitdorzhieva E.Ts. (2019). Analysis of the difference of indicators of the dynamics of the economic development of the regions of Russia using statistical methods. *Gorizonty ekonomiki*, 5(51), 71–78 (in Russian).
- Dynnikova O.V., Kyobe A., Slavov S. (2022). Regional disparities and fiscal federalism in Russia. *Journal of the New Economic Association*, 3(55), 102–138. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-6 (in Russian).
- Gataullin R.F., Chuvashaeva E.R. (2022). Cross-border interaction between regions: Factors, types and mechanisms. *Sotsial'nye i ekonomicheskie sistemy=Social and Economic Systems*, 6-7(36), 116–128 (in Russian).
- Grebenkina A.S., Khrustalev E.Yu., Slavyanov A.S. (2020). Methodological framework of providing for the sustainable development of a region. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.5. Geografiya=Moscow University Bulletin. Ser.5*, 1, 63–72 (in Russian).
- Hirschman A. (1958). *The Strategy of Economic Development*. New Haven: Yale University Press.
- Isard W. (1960). *Methods of Regional Analysis: An Introduction in Regional Science*. New York: John Wiley and Sons.
- Krivorotov V.V., Kalina A.V., Belik I.S. (2019). Threshold values of indicators for diagnostics of economic security the Russian federation at the present stage. *Vestnik UrFU. Ser.: Ekonomika i upravlenie*, 18(6), 892–910. DOI: 10.15826/vestnik.2019.18.6.043 (in Russian).
- Krugman P. (1991). Increasing returns and economic geography. *Journal of Political Economy*, 99(3), 483–499.
- Kuznetsova I.I. (2006). The problem of territorial differentiation in the regional economy and the possibilities of its study at the urban level. *Trudy In-ta sistemnogo analiza Rossiiskoi akademii nauk=Proceeding of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy of Science*, 22, 261–268 (in Russian).
- Lavrikova Yu.G., Suvorova A.V. (2020). Optimal spatial organization of the regional economy: Search for parameters and dependencies. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 16(4), 1017–1030. DOI: 10.17059/ekon.reg.2020-4-1 (in Russian).
- Leonidova E.G. (2020). Stimulating final consumption within the reduction of regional inequality. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(3), 59–73. DOI: 10.15838/esc.2020.3.69.5 (in Russian).
- Manshin R.V., Moiseeva E.M. (2022). Influence of infrastructure on population distribution and socio-economic development of Russian regions. *Ekonomika regiona=Economy of Region*, 18(3), 727–741. DOI: 10.17059/ekon.reg.2022-3-8 (in Russian).
- Myrdal G. (1957). *Economic Theory and Under-developed Regions*. London: Gerald Duckworth & Co Ltd.

- Oates W.E. (1999). An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 37(3), 1120–1149. DOI: 10.1257/JEL.37.3.1120
- Pechenskaya M.A. (2015). Research in the functioning of the regional budgetary system. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5(41), 147–158. DOI: 10.15838/esc/2015.5.41.10 (in Russian).
- Piankova S.G., Kombarov M.A. (2022). Imbalances in the spatial development of Russia and its economic regions: choosing an accurate and adequate assessment method and levelling-off ways. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(3), 75–90. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.4 (in Russian).
- Povarova A.I. (2011). The three-year budget: Should we wait for stability? *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2(14), 20–36 (in Russian).
- Syupova M.S., Bondarenko M.A. (2019). The system of indicators of economic security. *Vestnik Tikhookeanskogo gos. un-ta=Bulletin of Pacific National University*, 4(55), 67–80 (in Russian).
- Thünen I. von (1910). *Der Isolierte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie*. Jena: Verlag von Gustav Fischer.
- Uskova T.V., Kopasova S.S. (2008). Budgetary safety of the region in the context of sustained development. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 4(44), 24–33 (in Russian).
- Yushkov A.O., Oding N.Yu., Savulkin L.I. (2017) The trajectories of donor regions in Russia. *Voprosy ekonomiki=Economic Issues*, 9, 63–82. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-9-63-82 (in Russian).
- Zargaryan N.E. (2013). Comparative and geographical characteristics of gross regional product indicators of the Russian Federation entities. *Izvestiya Altaiskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva=Bulletin of The Altay Branch of the Russian Geographical Society*, 34, 11–14 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana G. Piankova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Associate Professor, Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli Street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: silen_06@list.ru)

Mikhail A. Kombarov – Ural State University of Economics (62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli Street, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation; e-mail: mikhail.kombarov@list.ru)

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ, ОТРАСЛЕЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.3

УДК 338.47 | ББК 65.050 (2Рос-4Вол)

© Секушина И.А., Пахнина С.Ю.

ТЕНДЕНЦИИ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНЫХ СИСТЕМ КРУПНЫХ ГОРОДОВ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА СЕКУШИНА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4216-4850; ResearcherID: Q-4989-2017

СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА ПАХНИНА

Администрация города Вологды
Вологда, Российская Федерация

e-mail: pahnina.svetlana@vologda-city.ru

Функционирование транспортных систем является одним из актуальных вопросов устойчивого развития современных городов. Состояние дорожной сети и транспортной инфраструктуры играет значимую роль для улучшения качества жизни горожан и роста возможностей развития экономики населенного пункта. Цель работы заключается в исследовании тенденций развития транспортных систем крупных городов в Вологодской области и выявлении проблем их функционирования. Эмпирической основой исследования послужили результаты социологических опросов жителей г. Вологды и г. Череповца, а также данные муниципальной статистики. Установлено, что в 2015–2021 гг. наблюдалась положительная динамика показателей протяженности дорог местного значения и качества дорожного покрытия, что обеспечивалось реализацией ряда федеральных и региональных проектов. Более половины вологжан и 2/3 череповчан удовлетворены уровнем транспортного обслуживания в своем городе. С точки зрения устойчивого развития в настоящее время наибольшую проблему представляет рост доли населения, использующего личные автомобили для передвижения по городу. Одним из инструментов снижения негативного

Для цитирования: Секушина И.А., Пахнина С.Ю. (2023). Тенденции и проблемы развития транспортных систем крупных городов Вологодской области // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.3

For citation: Sekushina I.A., Pakhnina S.Yu. (2023). Development trends and problems of transport infrastructure in the Vologda Oblast cities. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 27–46. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.3

влияния транспортной системы на экологию является развитие и популяризация системы общественного транспорта, а также альтернативных способов передвижения по городу. Вместе с тем результаты опросов населения говорят о низком уровне готовности горожан отказаться от личного автомобиля и перейти на более экологичные виды транспорта. Также в статье на основе контент-анализа стратегических документов г. Вологды и г. Череповца представлен ряд мер, реализуемых органами местной власти, направленных на переход к устойчивому развитию городских транспортных систем. Результаты исследования могут быть использованы в деятельности органов местного самоуправления крупных городов при совершенствовании реализуемой транспортной политики.

Город, транспорт, транспортная система, качество жизни населения, устойчивое развитие, г. Вологда, г. Череповец, экостандарт.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена в рамках государственного задания для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды» (FMGZ-2022-0012).

Введение

Состояние транспортной системы играет важную роль в социально-экономическом развитии любого города, при этом чем крупнее населенный пункт, тем выше ее значение. В планировочной структуре современных городов транспортная инфраструктура выступает основой, вокруг которой развиваются другие элементы городской среды: жилые комплексы, промышленные зоны, объекты социальной сферы (Гасникова, Петрова, 2021). Транспортная связность городских микрорайонов, состояние системы общественного пассажирского транспорта оказывают непосредственное влияние на комфортность проживания населения.

В настоящее время в России продолжается процесс активной урбанизации, при этом наблюдается рост именно крупных и крупнейших городов¹. Так, в 2022 году по сравнению с 2015 годом численность их населения выросла на 4,1 и 3,5% соответственно, тогда как людность малых, средних и даже больших городов сократилась. Обозначенные тенденции неизбежно ведут, с одной стороны, к росту нагрузки на систему общественного транспорта, а с другой – к увеличению

количества личных автомобилей, что влечет за собой не только появление заторов на дорогах, но и повышение негативного влияния на окружающую среду. Следствием разрастания селитебной территории является также увеличение потребности в строительстве дорог и соответствующей транспортной инфраструктуры в новых городских микрорайонах (Ускова и др., 2013).

В двух крупных городах Вологодской области – Вологде и Череповце – в настоящее время проживает более половины жителей региона (Секушина, 2022). Этап стремительного роста численности их населения пришелся на советский период: с 1939 по 1989 год людность Вологды выросла в 3 раза, а Череповца – почти в 10 раз, что в последнем случае главным образом было обусловлено строительством в 1940-х гг. одного из крупнейших в стране металлургических комбинатов (рис. 1).

За прошедшие двадцать лет численность населения крупных городов Вологодской области была относительно стабильной. Вместе с тем в среднем по региону можно наблюдать увеличение показателей обеспеченности населения личным автомобильным транспор-

¹ Согласно СП 42.13330.2016. Свод правил. Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. Актуализированная редакция СНиП 2.07.01-89* (утв. Приказом Минстроя России от 30.12.2016 № 1034/пр; ред. от 31.05.2022) предусмотрено деление городов на: 1) крупнейшие (свыше 1 млн чел.); 2) крупные (от 250 тыс. чел. до 1 млн чел.); 3) большие (от 100 до 250 тыс. чел.); 4) средние (от 50 до 100 тыс. чел.); 5) малые (до 50 тыс. чел.).

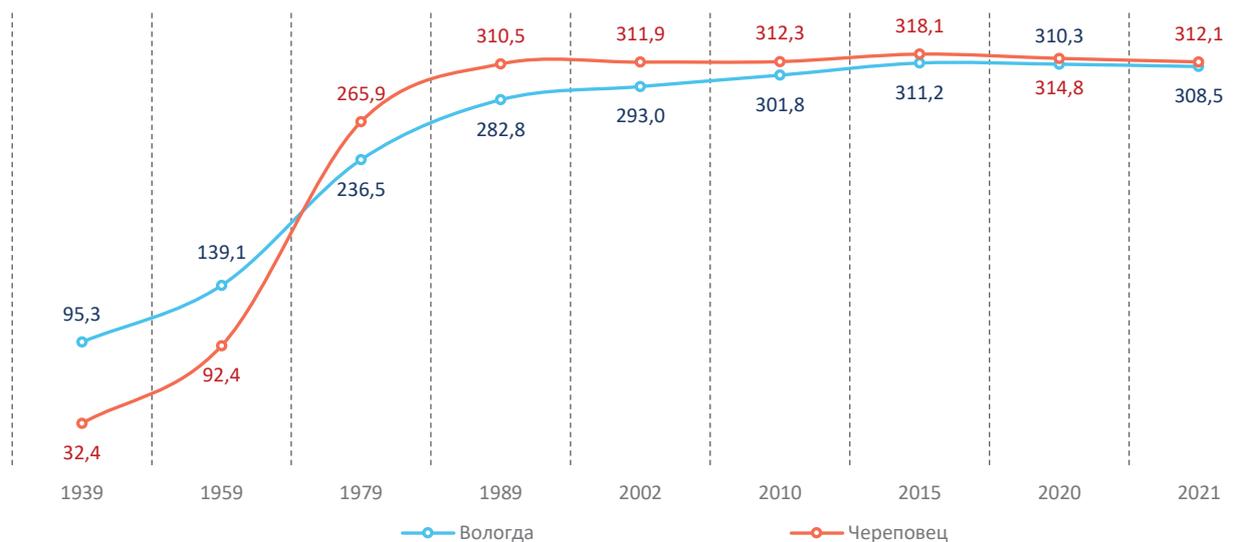

Рис. 1. Динамика численности населения г. Вологды и г. Череповца, тыс. чел.

Источник: База данных показателей муниципальных образований.

том. Так, если в 2005 году на 1000 жителей области приходилось 163,3 личных автомобиля, то в 2020 году – уже 347,4 ед. / тыс. чел. С определенной долей вероятности можно сказать, что в крупных городах значения этого показателя еще больше, поскольку уровень жизни населения в них, как правило, выше, чем в малых городах или сельской местности. Безусловно, это влечет за собой увеличение нагрузки на транспортную систему городов, даже на фоне естественной и миграционной убыли населения.

Развитие транспортной системы городов и повышение уровня ее комфортности для населения составляют одну из актуальных задач, стоящих прежде всего перед органами местного самоуправления, поскольку в соответствии с 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»² создание условий для предоставления транспортных услуг населению и организация транспортного обслуживания в границах городских округов относится к вопросам местного значения.

В контексте перехода к устойчивому развитию формирование стабильно функционирующих транспортных систем, оказывающих минимальное воздействие на окружающую среду особенно актуально. С учетом

изложенного в статье поставлена цель исследовать тенденции развития транспортных систем крупных городов Вологодской области и выявить проблемы их функционирования.

Для достижения указанной цели в ходе работы были решены следующие задачи:

1) рассмотрены теоретические вопросы функционирования транспортных систем и их влияния на устойчивость городов;

2) на основе данных социологического опроса жителей дана оценка удовлетворенности населения работой транспортных систем г. Вологды и г. Череповца;

3) выявлены проблемы развития транспортной сферы городов и меры по их преодолению, реализуемые органами местного самоуправления.

Элементы научной новизны исследования заключаются в оценке функционирования транспортных систем крупных городов с точки зрения проживающего в них населения, а также выявлении барьеров их перехода к устойчивому развитию. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования органами местного самоуправления городских населенных пунктов в целях определения проблемных зон функционирования городского

² Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (ред. от 14.07.2022).

транспорта и сопутствующей инфраструктуры, а также при разработке комплекса мер по устранению существующих недостатков.

Теоретические основы исследования

Транспортная система является одной из важнейших характеристик любого населенного пункта. Она включает в себя непосредственно транспортные средства, транспортную инфраструктуру, обслуживающие предприятия, а также организацию управления данными элементами. Главная цель ее функционирования – это в первую очередь удовлетворение транспортных потребностей жителей и хозяйствующих субъектов (Гасникова, Петрова, 2021).

В качестве основных показателей городской транспортной сети можно выделить показатели организации и безопасности движения; финансовые показатели; показатели объема пассажиро- и грузоперевозок; соотношение частоты использования общественного и личного транспорта; показатели воздействия на окружающую среду (Самадов, 2020). Соответственно, к ключевым требованиям, предъявляемым к транспортным системам городов, можно отнести следующие:

- регулярность и надежность движения;
- минимизация временных затрат;
- безопасность пассажиров;
- рациональное использование ресурсов;
- техническая и экономическая эффективность;
- гибкость и эргономичность;
- архитектурно-планировочные и экологические требования (Брюханова, 2019).

Большую роль в работе транспортной системы любого города играет фактор загруженности городских дорог. Высокая загруженность дорожной сети приводит к росту временных издержек населения и организаций, увеличению нагрузки на дорожное покрытие, ухудшению состояния окружающей среды, повышению социально-психологической напряженности в обществе. В частности, одним из существенных негативных последствий простоя транспорта в автомо-

бильных пробках является снижение показателей экономической эффективности и деловой активности городов (Сосенкина, Тихонов, 2020).

Стабильное функционирование транспортной системы как одной из важнейших составляющих инфраструктуры города выступает фундаментом устойчивого развития его экономики и социальной сферы (Савосина, 2020). В связи с этим основные задачи в области функционирования транспортной инфраструктуры определяются требованиями устойчивого развития конкретной территории и обеспечения экологической безопасности (Kharlamova et al., 2022). В научной литературе часть работ посвящена именно вопросам перехода к устойчивым транспортным системам и концепции устойчивой мобильности (Малышева, 2020; Завьялов, 2021; Vanister, 2008; Hammes, 2021).

Основным критерием устойчивости транспортной системы является территориальная, физическая и стоимостная доступность транспортных услуг для населения и организаций. При этом система должна быть эффективной с точки зрения финансовых затрат и расходования ресурсов всех видов, а также безопасной и экологичной для общества (Васильева, Полякова, 2019).

В одной из работ на основе анализа стратегий транспортного развития ряда крупнейших городов мира было выявлено, что для решения задач устойчивого развития в приоритете должно быть не только планирование городских пространств в целях сокращения расстояний между инфраструктурными объектами, но и активное внедрение экологических видов транспорта, а также использование технологических инноваций. Важную роль играет обязательное привлечение общественности и субъектов бизнеса при разработке планов развития транспортной системы города (Завьялов, 2021).

Управленческие аспекты организации работы транспортных систем городских населенных пунктов являются одной из актуальных тем научных исследований, особенно в контексте перехода к устойчивому развитию, т. к. именно реализуемая в городе

транспортная политика способствует изменению предпочтений пользователей транспортных услуг в целях достижения устойчивости транспортной системы (Карасев, Кривцова, 2019).

Для этого важно понимать, какие факторы оказывают влияние на выбор горожанами того или иного способа передвижения. Использование общественного или велосипедного транспорта, очевидно, является более экологичным, чем эксплуатация личного автомобиля. Вместе с тем в существующей транспортной системе города может присутствовать целый ряд проблем, препятствующих отказу горожан от личного транспорта в пользу общественного (Bubelíny, Milan, 2021).

Одним из методов, достаточно часто используемых исследователями и позволяющих провести оценку функционирования транспортной системы того или иного города, являются опросы населения, непосредственно в них проживающего (Лазутина и др., 2020; Рыжова и др., 2021; Cats et al., 2015; Echaniz et al., 2022; Klychova et al., 2022). Главным преимуществом социологических методов выступает то, что они позволяют выявить те недостатки транспортной сферы, которые вызывают наибольшие сложности у жителей при передвижении по городу. Вместе с тем важно использовать комплексный подход при оценке функционирования транспортных систем городов, поскольку мнение населения крайне субъективно, т. к. люди главным образом рассуждают с точки зрения удовлетворения своих потребностей, а не с позиции эффективности работы городского транспорта и инфраструктуры в целом.

Материалы и методы

Методологическая база исследования основывается на комплексном и системном подходах, использовании монографического и экономико-статистического методов, а также методов сравнительного анализа, обобщения и синтеза.

Эмпирической основой работы послужили данные анкетного опроса жителей крупных городов Вологодской области по оценке условий проживания в них³. Объем выборки в обоих городах составил 800 человек в возрасте старше 18 лет (табл. 1).

Таблица 1. Характеристика респондентов г. Вологды и г. Череповца по полу и возрасту, %

Возраст	г. Вологда	г. Череповец
Мужчины:		
до 30 лет	8,1	7,6
30–60 лет	25,4	27,0
старше 60 лет	8,5	8,5
Женщины:		
до 30 лет	8,6	7,3
30–55 лет	26,8	26,5
старше 55 лет	22,6	23,1

Согласно половозрастным показателям статистических сборников, распределение по полу и возрасту соответствует генеральной совокупности населения городов, что позволяет оценивать полученные результаты как достоверные. Ошибка выборки по опросу не превышает 3–4% при доверительном интервале 0,95.

Для выявления особенностей проживания в различных частях городов их территория была разбита на несколько микрорайонов. В г. Вологде к центральным районам относятся микрорайоны Центральный, Западный, Восточный, Заречье, соответствующие территориям избирательных округов; к окраинным – микрорайоны Прилуки, Лукьяново, Лоста и с. Молочное. В г. Череповце выделены Индустриальный, Первомайский, Юго-Западный и Северо-Восточный микрорайоны, которые также разделены на центральные и окраинные.

В заключительной части работы с помощью метода контент-анализа выявлен ряд мер и инструментов, реализуемых органами местного самоуправления крупных городов Вологодской области, в части перехода транспортных систем к устойчивому развитию.

³ Мониторинг условий проживания населения проводится ФГБУН ВолНЦ РАН на регулярной основе в г. Вологде с 2003 года, в г. Череповце – с 2015 года.

Результаты исследования

Важнейшими характеристиками городской транспортной системы выступают структура и состояние улично-дорожной сети непосредственно в границах самого населенного пункта. Важно отметить, что областной центр имеет радиально-кольцевую структуру, тогда как более «молодой» Череповец – скорее прямоугольную. Соответственно, в Вологде острее стоит проблема высокой нагрузки на транспортную инфраструктуру в центральной части города. Вместе с тем в Череповце достаточно актуален вопрос транспортной связанности микрорайонов⁴.

За период 2015–2021 гг. в обоих городах увеличивалась общая протяженность автомобильных дорог местного значения: в Вологде – с 296,2 до 312,8 км (на 5,6%, табл. 2), в Череповце – с 251,6 до 279 км (на 9,7%).

Таблица 2. Состояние автомобильных дорог местного значения

Территория	2015 год	2019 год	2020 год	2021 год	2021 год к 2015 году, %
Протяженность автодорог общего пользования местного значения, км					
г. Вологда	296,2	306,1	306,1	312,8	105,6
г. Череповец	251,6	276	276	276	109,7
в т. ч. с твердым покрытием, км					
г. Вологда	275,1	300	300	301,2	109,5
г. Череповец	192,6	215,1	215,1	215,1	111,7
в т. ч. с усовершенствованным покрытием, км					
г. Вологда	236,5	241,5	241,5	242,7	102,6
г. Череповец	189,7	213,4	213,4	213,4	112,5
Источник: База данных показателей муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=197010002021					

В областном центре большая часть дорог имеет твердое покрытие (96,3%), а 3/4 дорог – твердое усовершенствованное покрытие, тог-

да как в Череповце – лишь 78%. В обоих городах наблюдается положительная динамика показателей, что обеспечивается проведением регулярных ремонтных работ в рамках реализации федеральных и региональных проектов. Например, в 2021 году в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги» (НП БКД) в Вологде были выполнены работы по ремонту 21 улицы протяженностью 15,23 км; за счет средств Дорожного фонда Вологодской области отремонтированы 5 улиц протяженностью 1,96 км⁵. Благодаря реализации данных мероприятий в областном центре снизилась доля протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения, не отвечающих нормативным требованиям, в общей протяженности автомобильных дорог общего пользования местного значения до 5,06% (в 2015 году она составляла 7,3%).

В Череповце в 2021 году в рамках реализации НП БКД было отремонтировано 9 улиц протяженностью 8,7 км, а за счет средств городского бюджета и субсидий Дорожного фонда Вологодской области проведены работы по ремонту четырех участков дорог⁶.

Результаты опроса жителей Вологды и Череповца позволяют сделать вывод о том, что реализация данных мероприятий в значительной степени способствовала решению проблем транспортной системы населенных пунктов. К примеру, если в 2015 году 87,6% вологжан и 88,4% череповчан считали значимой проблему плохого состояния тротуаров и дорог, то в 2022 году этого же мнения придерживались лишь чуть более 40% опрошенных в обоих городах (табл. 3).

Заметно снизилась и острота других проблем в дорожно-транспортной сфере. В частности, лишь 30% опрошенных в крупных городах области в настоящее время отмечают актуальность вопроса неудовлетворительной связанности микрорайонов города, тог-

⁴ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Череповца до 2022 года «Череповец – город возможностей»: Решение Череповецкой городской Думы от 6 декабря 2016 г. № 242 (принято Череповецкой городской Думой 29.11.2016).

⁵ Отчет о деятельности Мэра города Вологды и Администрации города Вологды за 2021 год. URL: https://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?SECTION_ID=8610&ID=469723

⁶ Отчет мэра города Череповца о результатах своей деятельности и деятельности мэрии города за 2021 год. URL: <https://st.cherinfo.ru/pages/2022/04/12/otcet-mera-resenie-45.pdf>

Таблица 3. Оценка горожанами значимости дорожно-транспортных проблем города, % от числа опрошенных

Проблема	2015 год	2017 год	2019 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2015 году, п. п.
г. Вологда						
Нехватка специально выделенных мест для парковки автомобилей на придомовой территории	82,1	64,4	40,1	54,8	45,9	-36,2
Плохое состояние тротуаров и дорог	87,6	74,9	45,0	57,9	40,3	-47,3
Пробки на дорогах	78,6	55,1	32,9	44,0	39	-39,6
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	74,1	52,9	28,1	37,5	30	-44,1
г. Череповец						
Нехватка специально выделенных мест для парковки автомобилей на придомовой территории	81,4	54,1	40,4	56,6	53,5	-27,9
Плохое состояние тротуаров и дорог	88,4	50,9	39,5	41,0	41,9	-46,5
Пробки на дорогах	66,8	29,6	18	39,6	38,6	-28,2
Неудовлетворительная транспортная связь с другими районами города	62	23,8	17,6	30,4	30,4	-31,6
Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2015–2022 гг.						

да как в 2015 году на это указали 74,1% жителей г. Вологды и 62% жителей г. Череповца.

Оценивая качество городских дорог и транспортной инфраструктуры, вологжане дают максимальные оценки уровню обеспеченности автозаправочными станциями (6,6 из 10 баллов в 2022 году), пешеходным переходам, светофорам (6,5 баллов), обустройству и оборудованию дорог – дорожные знаки, разметка дороги, ограждения (6,3 балла), автобусным остановкам и павильонам (6 баллов). Напротив, наименьшие оценки получила ровность дорожного покрытия (5 баллов), а также пропускная способность и уровень загрузки дорог (5,3 балла, рис. 2). В Череповце ситуация в целом аналогичная, однако население несколько выше оценивает качество дорог по сравнению с Вологдой: баллы варьируются в диапазоне от 5,7 до 7,2.

В 2022 году в среднем по Вологде лишь чуть более половины жителей охарактеризовали транспортную связанность между районами города как «хорошую» и «скорее хорошую, чем плохую», тогда как в Череповце такого мнения придерживаются 2/3 опрошенных (рис. 3). При этом в областном центре более высокие оценки уровня транспортно-

го обслуживания наблюдаются в окраинных районах города, 70% жителей которых признали его хорошим, а плотность движения маршрутных потоков высокой, для сравнения в центральных районах – лишь 45,2%. Следует отметить, что в Череповце оценки на протяжении последних лет всегда были выше, чем в Вологде, однако в 2022 году в среднем по городу наблюдается их снижение на 11,3 п. п.

Наиболее популярным видом транспорта в Вологде является автобус: в 2022 году для передвижений по городу его использовали почти 39% ответивших (рис. 4). Личный транспорт использовали более 1/3 горожан (35,5%), в основном пешком передвигались только 16% жителей, а услугами такси пользовались 2,3% респондентов.

В Череповце передвигается по городу с помощью автобусов почти половина опрошенных (46%), чуть менее трети жителей используют в данных целях личный транспорт (31,4%). Менее востребованы у жителей трамвайные перевозки (4,9%) и услуги такси (1,4%).

Одной из главных тенденций последних лет является заметный рост числа пользова-

Рис. 2. Оценка жителями качества городских дорог в 2022 году

(по десятибалльной шкале: 10 – самая высокая оценка, ..., 1 – самая низкая оценка), средний балл
 Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

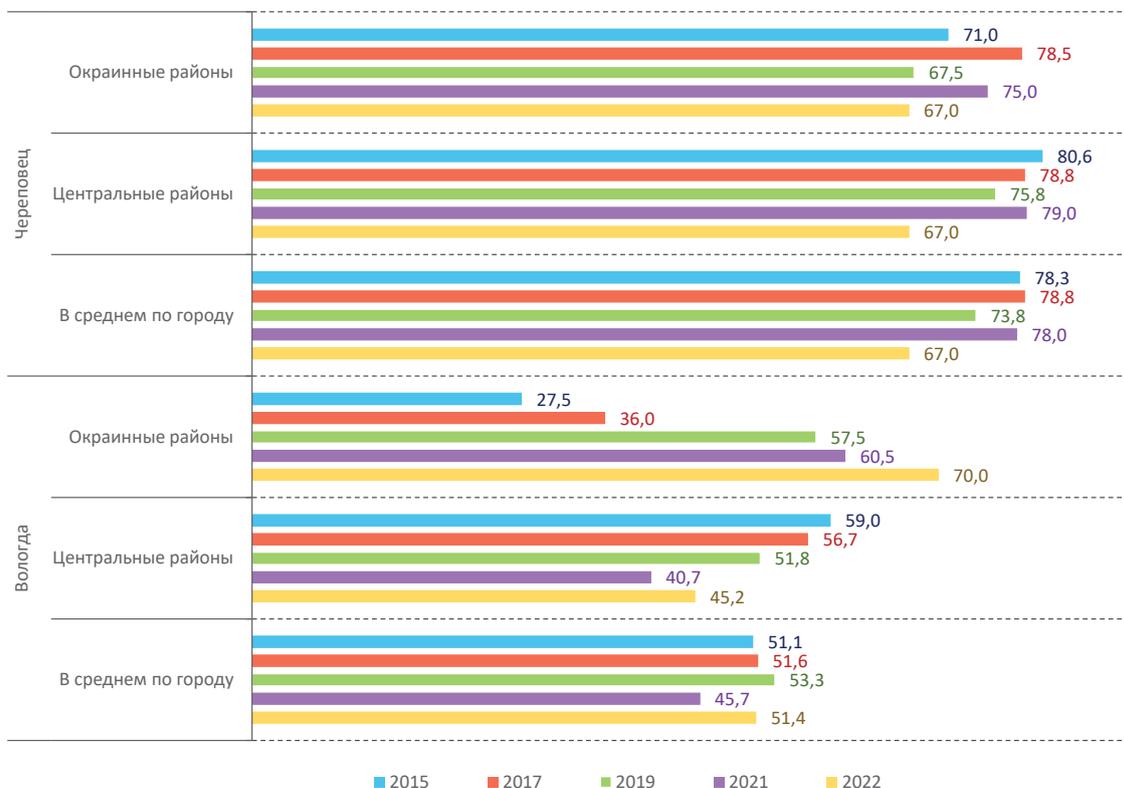

Рис. 3. Оценка транспортного обслуживания города, % от числа опрошенных, выбравших вариант ответа «хорошая» и «скорее хорошая, чем плохая»

Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2015–2022 гг.

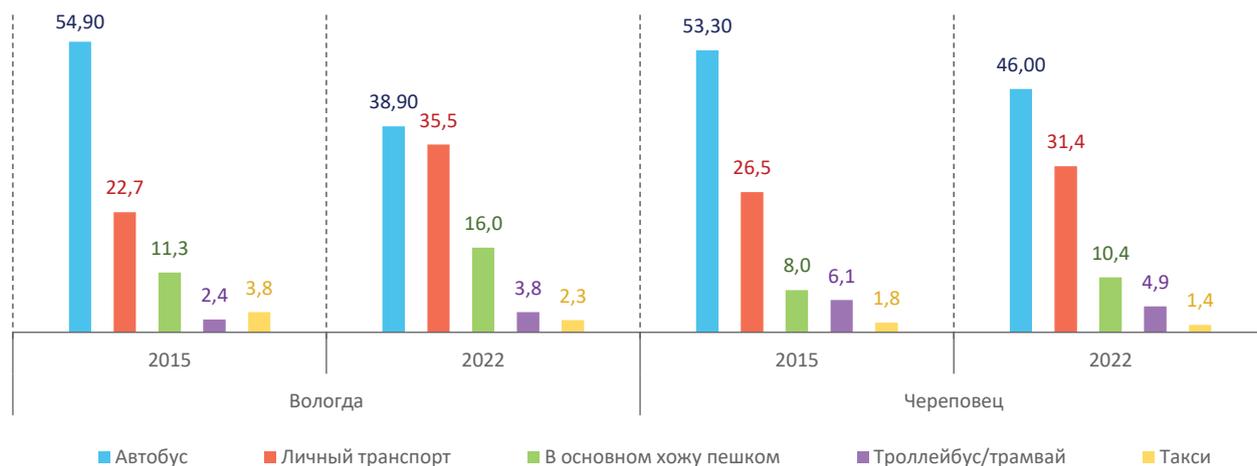

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Какой вид транспорта Вы используете чаще всего?», % от числа опрошенных
 Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2015–2022 гг.

телей личного автомобильного транспорта. В Вологде их доля за 2015–2022 гг. выросла на 12,8 п. п., а в Череповце – на 4,9 п. п. Вместе с тем увеличилась численность горожан, передвигающихся по городу пешком. Если в 2015 году данный способ выбирали 11,3% вологжан и 8% череповчан, то в 2022 году – 16 и 10,4% соответственно.

Распределение ответов в отношении предпочтений общественного транспорта во многом обусловлено особенностями существующей маршрутной сети. В Вологде наиболее популярны автобусы именно благодаря большему количеству маршрутов движения (в настоящее время их количество составляет 36 единиц), тогда как троллейбусный транспорт представлен лишь одним маршрутом. Также отметим, что обслуживанием маршрутов регулярных перевозок пассажиров на территории Вологды занимаются одно муниципальное предприятие (МУП «ПАТП № 1») и 9 частных организаций⁷.

Маршрутная сеть Череповца состоит из 36 маршрутов регулярных перевозок: 32 автобусных и 4 трамвайных. Пассажирские перевозки осуществляются МУП «Автоколонна № 1456», МУП «Электротранс», ООО «Новотранс»⁸.

Согласно данным анкетного опроса за 2022 год, общественным транспортом в среднем по Вологде пользуется каждый день 22,3% населения (в центральных районах – 19,7%, в окраинных районах – 30%), один или более раз в неделю – 17% (15,7 и 21% по районам соответственно). В Череповце ежедневно пользуется общественным транспортом почти ¼ опрошенных: 25,5 и 21,5% в центральных и окраинных районах соответственно (рис. 5).

Уровень удовлетворенности населения работой общественного транспорта, а именно обслуживанием пассажиров, технической оснащённостью, чистотой, количеством маршрутов и частотой движения транспорта, в Вологде несколько ниже, чем в Череповце. В настоящее время более всего жители областного центра удовлетворены обслуживанием пассажиров (на это указали 64,4% ответивших), менее всего – частотой движения транспорта (51,9%; рис. 6).

Вместе с тем отметим, что за последние пять лет заметно выросла степень удовлетворенности жителей обоих городов работой общественного транспорта. К примеру, если в 2017 году лишь 37,8% вологжан устраивала техническая оснащённость транспорта (наличие поручней, системы автоматиче-

⁷ Портал «Градостроительство, городское хозяйство и гражданская защита Вологды». URL: http://nashdom.vologda-portal.ru/economy/transportnoe_obslyuzhivanie

⁸ Об утверждении муниципальной программы «Развитие городского общественного транспорта» на 2025–2030 гг.: Постановление Мэрии г. Череповца от 8 ноября 2022 г. № 3243.

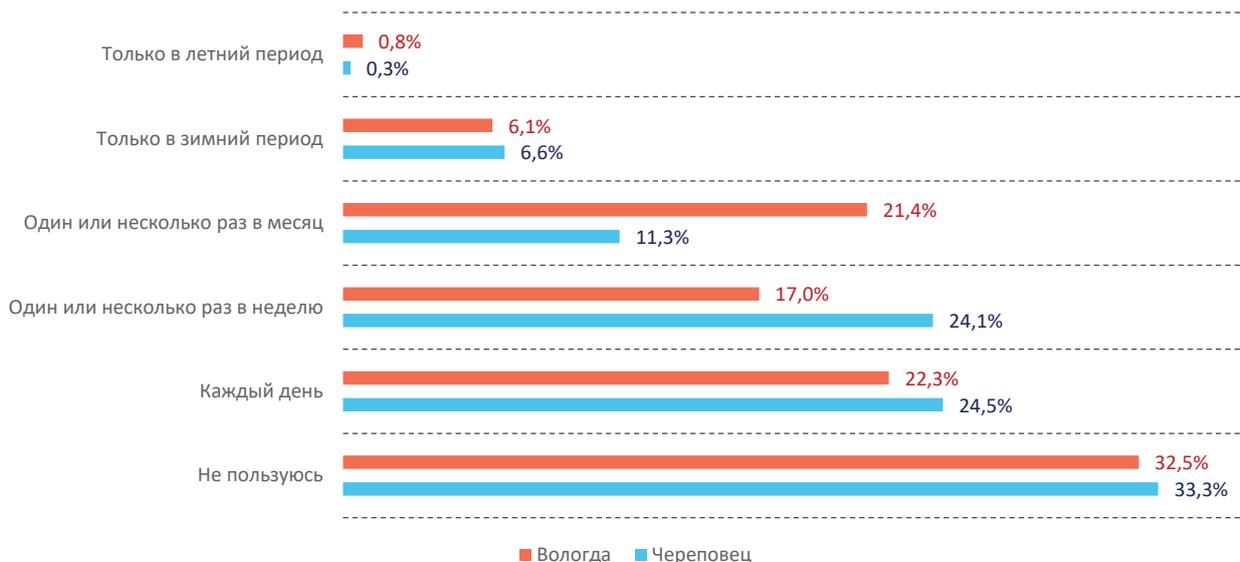

Рис. 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как часто Вы пользуетесь общественным транспортом?», 2022 год, % от числа опрошенных
 Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

Рис. 6. Удовлетворенность жителей города работой общественного транспорта в 2017 и 2022 гг., % от числа опрошенных, выбравших вариант ответа «удовлетворен» и «скорее удовлетворен»
 Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2017 и 2022 гг.

ского объявления остановок, проходов и накопительных площадок, мест для колясок), то в 2022 году – уже 72,7%. В Череповце соответственно показатели увеличились с 59,6 до 84,4%.

Положительная динамика во многом обусловлена реализацией органами местного самоуправления мер по улучшению функционирования системы общественного транспорта населенных пунктов. Так, в Череповце в 2021 году были проведены

работы по замене и установке 45 новых автобусных павильонов для ожидания общественного транспорта. В рамках обновления подвижного состава на городские маршруты выпущено 36 новых автобусов, приобретенных в рамках национального проекта «Безопасные качественные дороги», а также 12 новых трамвайных вагонов, закупленных в рамках федерального проекта «Чистый воздух». Реализован проект ввода в эксплуатацию транспорт-

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос «Что, на Ваш взгляд, необходимо предпринять для повышения качества услуг общественного транспорта?», 2022 год, % от числа опрошенных
 Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

ных карт для проезда на общественном транспорте⁹.

В Вологде в 2021 году отремонтировано порядка 100 остановок общественного транспорта¹⁰. Также постепенно пополняется автобусный парк МУП «ПАТП № 1»: в 2022 году приобретено 55 новых автобусов на газомоторном топливе¹¹, а также 3 новых троллейбуса.

Обновление автопарка, по мнению жителей Вологды, является одной из первоочередных мер для повышения качества услуг общественного транспорта (так считают 53,6% респондентов). Не менее актуальна проблема расширения сети маршрутов (46,5%), а также повышения комфортности остановочных пунктов для пассажиров (31,5%) и оснащения их электронными табло для отслеживания движения транспорта

(35,3%; рис. 7). Жители Череповца в первую очередь отмечают необходимость обновления автопарка (35,6%) и оснащения остановок системами отслеживания движения транспорта (34,6%).

В части успешности решения мэром г. Вологды проблем транспортного обслуживания жителей мнения разделились: около 38% опрошенных считают, что проводимая им политика вполне успешна, примерно столько же людей придерживаются противоположной точки зрения (табл. 4). Относительно эффективности решения проблем, связанных с ремонтом дорог и обеспечением горожан автопарковками, можно сказать, что деятельность мэра, по мнению жителей, недостаточно эффективна. Вместе с тем положительной тенденцией является ярко выраженное снижение негативных

⁹ Отчет мэра города Череповца о результатах своей деятельности и деятельности мэрии города за 2021 год. URL: <https://st.cherinfo.ru/pages/2022/04/12/otcet-mera-resenie-45.pdf>

¹⁰ Отчет о деятельности Мэра города Вологды и Администрации города Вологды за 2021 год. URL: https://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?SECTION_ID=8610&ID=469723

¹¹ ВологдаРФ. URL: <https://xn--80adde7arb.xn--p1ai/news/traffic/70683>

Таблица 4. Успешность решения мэром города проблем в дорожно-транспортной сфере, % от числа опрошенных

Проблема	Вариант ответа	г. Вологда					г. Череповец				
		2015 год	2017 год	2019 год	2022 год	2022 год к 2015 году	2015 год	2017 год	2019 год	2022 год	2022 год к 2015 году
Качество транспортного обслуживания	Успешно и скорее успешно, чем неуспешно	30,7	24,0	31,3	38,0	7,3	66,3	57,6	60,2	76,7	10,4
	Абсолютно неуспешно и скорее неуспешно, чем успешно	69,3	45,8	45,1	37,6	-31,7	21,2	31,3	22,0	11,8	-9,4
Ремонт дорог города	Успешно и скорее успешно, чем неуспешно	15,6	10,9	29,6	33,2	17,6	34,8	39,9	57,0	69,4	34,6
	Абсолютно неуспешно и скорее неуспешно, чем успешно	84,4	65,8	49,5	47,4	-37,0	52,9	50,6	26,7	20,9	-32,0
Обеспечение горожан автопарковками*	Успешно и скорее успешно, чем неуспешно	-	16,5	29,2	36,8	20,3	-	30,8	46,4	50,0	19,2
	Абсолютно неуспешно и скорее неуспешно, чем успешно	-	54,4	46,0	40,5	-13,9	-	55,2	31,8	35,8	-19,4

* Данный вариант ответа был включен в анкету в 2017 году, соответственно, расчет динамики показателей 2022 год к 2017 году.
Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2015–2022 гг.

оценок в последние годы. В Череповце горожане достаточно высоко оценивают качество работы мэра по решению проблем в дорожно-транспортной сфере. Так, в 2022 году 76,7% считают «успешными» и «скорее успешными, чем неуспешными» реализуемые меры по обеспечению транспортного обслуживания населения.

Органы местного самоуправления г. Вологды в полной мере осознают важность и необходимость решения проблем в дорожно-транспортной сфере. К примеру, с 1 февраля 2021 года в Вологде реализуется проект «Общественный транспорт города: модернизация и развитие»¹², в рамках которого была изменена схема движения общественного транспорта и проведена оптимизация маршрутной сети. Также реализован комплекс мероприятий, направ-

ленных на улучшение качества обслуживания пассажиров и комфортности поездок. В частности, осуществлялся контроль чистоты транспорта и велась просветительская работа с кондукторами о правилах поведения. Разработана серия аудиозаписей с позитивной тематикой и правилами поведения в транспорте и на дорогах. В целях осуществления мониторинга и управления пассажирским транспортом сформирован нормативно-правовой акт, обязывающий перевозчиков пассажиров передавать навигационные данные в Администрацию г. Вологды.

Вместе с тем, по мнению респондентов, заметных улучшений от данных нововведений не произошло, что отметили 28,4% опрошенных. 12,6% вологжан считают, что общественный транспорт стал приезжать быстрее,

¹² Официальный сайт Администрации г. Вологды. URL: https://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?SECTION_ID=8999&ID=441005

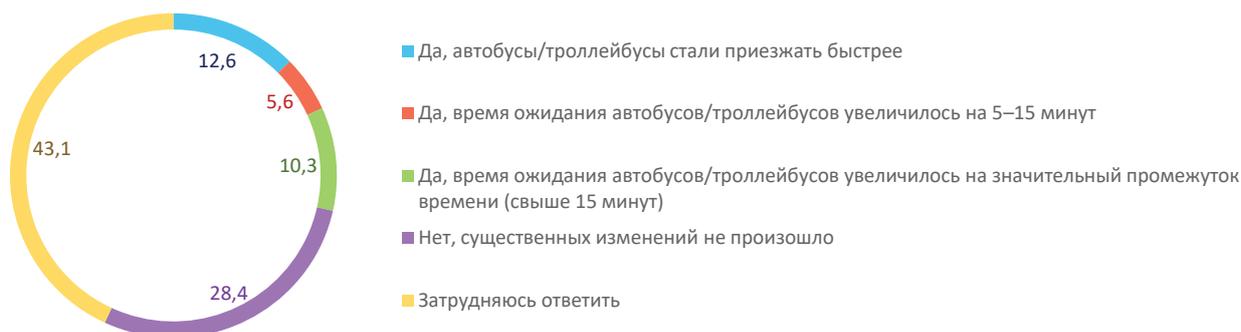

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос «На Ваш взгляд, как повлияла реализация данных мероприятий на время ожидания автобусов/троллейбусов?», 2022 год, % от числа опрошенных

Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

Таблица 5. Динамика роста тарифов на проезд в общественном транспорте, руб.

Город	Вид транспорта	2015 год	2016 год	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2022 год к 2015 году, %
Вологда	автобус	25	25	25	26	26	28	28	32	128,0
	троллейбус									
Череповец	автобус	23	24	24	26	28	30	33	36	156,5
	трамвай	21	22	22	24	26	29	33	36	171,4

Источники: Официальный сайт Администрации г. Вологды. URL: http://nashdom.vologda-portal/economy/transportnoe_obs_luzhivanie/obshchestvennyy_transport/stoimost_proeзда_v_obshchestvennom_transportе; Официальный сайт г. Череповца. URL: <https://cherinfo.ru/34>

однако 10,3% опрошенных придерживаются противоположного мнения (рис. 8).

Одним из важных аспектов, касающихся работы общественного транспорта города и влияющих на выбор гражданами способов передвижения по городу, является тарифная политика. Анализ динамики стоимости проезда в общественном транспорте за 2015–2022 гг. позволяет констатировать повышение тарифов в обоих городах (табл. 5). При этом в Череповце рост наиболее масштабный: стоимость проезда на автобусе выросла в 1,5 раза, на трамвае – более чем на 70%. В областном центре увеличение цен на проезд составило 128%, однако следует отметить, что с 1 января 2023 года стоимость проезда в общественном транспорте была увеличена до 35 рублей¹⁵.

Одной из проблем Вологды, препятствующей повышению связанности микрорайонов города и сокращению числа автомобильных пробок, является высокая нагрузка

на существующую дорожную инфраструктуру, в частности мосты. Центральная часть города практически со всех сторон ограничена рекой, железнодорожной магистралью, что создает трудности в доступности Заречного, Центрального и Южного районов. Для решения данного вопроса властями города разработан инфраструктурный проект «Малое транспортное кольцо», целью которого является разгрузка центральной части Вологды от большого количества транспорта за счет строительства новых мостов, улиц и дорожных развязок. Благодаря реализации проекта нагрузка на существующие мосты и путепроводы может снизиться более чем в два раза, также улучшится транспортная связь городских районов между собой в обход центра города на индивидуальном и грузовом транспорте.

Вместе с тем нельзя не отметить, что с реализацией некоторых элементов указанного инфраструктурного проекта возника-

¹⁵ Интернет-газета NewsVo. URL: <https://newsvo.ru/news/149452>

ют определенные сложности. В частности, это касается разработки проектной документации строительства Некрасовского моста и выбора местоположения Флотского моста¹⁴.

Так, ключевой проблемой при подготовке проектно-сметной документации Некрасовского моста стало то, что место его строительства попадает в зону исторической застройки и проходит по территории объектов культурного наследия федерального значения. В связи с уточнением границ и площадей земельного отвода территории объектов культурного (археологического) наследия потребовалось уточнение объемов полевых изысканий и раскопок, как следствие, доработка и корректировка раздела археологии с проверкой всех данных.

Однако все замечания экспертов ФАУ «Главгосэкспертиза» были устранены при взаимодействии Комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области, заказчика (МКУ «Служба городского хозяйства») и проектировщика (ООО «ФундаментСтрой»). В декабре 2022 года было получено положительное заключение на документацию, а также выделено финансирование на 2023 год и плановый период 2024–2025 гг. в полном объеме из средств федерального, регионального и местного бюджетов. Ориентировочный срок реализации строительно-монтажных работ по объекту: 2023–2026 гг.

В Череповце в 2022 году завершено строительство и ввод в эксплуатацию одного из крупнейших инфраструктурных проектов Вологодской области – Архангельского моста через реку Шексну. Реализация данного проекта позволила сформировать большое транспортное кольцо города, которое со-

единяет четыре крупнейших микрорайона в единое транспортное сообщение¹⁵.

Строительство новых объектов транспортной инфраструктуры, безусловно, снижает нагрузку на функционирующую дорожную сеть, сокращается время на передвижение в черте города. Вместе с тем с точки зрения устойчивого развития появляются определенные риски, поскольку расширение дорог, строительство новых мостов повышает привлекательность использования личного автомобильного транспорта. Как следствие, возрастает негативное влияние на экологию города.

Инструментами нивелирования данных рисков являются развитие и популяризация общественного транспорта и альтернативных способов передвижения по городу, а также переход на использование более экологичных видов транспорта. В рамках исследования нами был проведен контент-анализ стратегических документов, реализуемых органами местного самоуправления в крупных городах Вологодской области, в части готовности к реализации данных мер в целях перехода к устойчивому развитию.

В Стратегии развития г. Череповца¹⁶ в отношении транспортной системы города акцент ставится на совершенствовании работы общественного транспорта. Также отмечается важность увеличения доли экологически безопасного транспорта и необходимости решения проблемы отсутствия инфраструктуры для велосипедного транспорта. В 2022 году принята муниципальная программа «Развитие городского общественного транспорта» на 2025–2030 гг.¹⁷, в которой в качестве одной из целей обозначено обеспечение работы автобусов, соответствующих требованиям не ниже Евро-4¹⁸,

¹⁴ Город ВО. URL: https://gorodvo.ru/news/society/31051-mehr_vologdy_objasnil_zachem_gorodu_maloe_transportnoe_kolco

¹⁵ Будущее в настоящем: Президент РФ Владимир Путин открыл Архангельский мост // Официальный портал Вологодской области. URL: https://vologda-oblast.ru/novosti/budushchee_v_nastoyashchem_prezident_rf_vladimir_putin_otkryl_arkhangelskiy_most

¹⁶ Об утверждении Стратегии социально-экономического развития города Череповца до 2022 года «Череповец – город возможностей»: Решение Череповецкой городской Думы от 6 декабря 2016 г. № 242 (принято Череповецкой городской Думой 29.11.2016).

¹⁷ Cherinfo.ru. URL: <https://mayor.cherinfo.ru/decree/124613-postanovlenie-merii-goroda-cerepovca-ot-08112022-no-3243-ob-utverzdenii-municipalnoj-programmy-razvitie-gorodskogo-obshestvennogo>

¹⁸ Экологический стандарт, регулирующий содержание вредных веществ в выхлопных газах.

Таблица 6. Показатели работы службы шеринга электросамокатов в г. Вологде

Показатель	2021 год	2022 год	Темп роста в 2022 году к 2021 году, %
Количество парковок	20	50	250
Количество электросамокатов	200	300	150
Количество поездок	44193	73000	165,2
Среднее время одной поездки, мин.	31	34	109,7
Количество человек, которые воспользовались сервисом	9800	15000	153,1
Общее расстояние, которое проехали на электросамокатах, тыс. км	221	375	169,7

Источник: данные Администрации г. Вологда.

в количестве не менее 168 ед. Вместе с тем данную цель сложно назвать амбициозной, поскольку в самом документе отмечается, что по состоянию на 30.06.2022 количество автобусов, работающих на маршрутах, соответствующих требованиям не ниже Евро-4, уже составляет 168 ед.

В областном центре органы местного самоуправления более масштабно подходят к решению вопросов экологического развития города, в том числе это касается транспортной системы. В 2022 году Вологда стала первым в России городом, где был разработан и принят «Экологический стандарт»¹⁹ (Экостандарт). При этом целый раздел документа посвящен развитию экологичного городского транспорта, в том числе общественного. В частности, планируется модернизация транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры, обеспечивающих снижение уровня негативного воздействия на окружающую среду; увеличение количества транспортных средств, использующих экологически чистые виды топлива; внедрение и развитие умных городских транспортных технологий, применение интеллектуальных транспортных систем; реализация проектов по созданию и популяризации систем совместного использования велосипедов и самокатов и др.

Необходимо отметить, что еще до принятия Экостандарта органы местной власти в Вологде проводили достаточно активную

политику по снижению экологической нагрузки от транспортной системы.

С 2021 года в летний период в областном центре организуется шеринг электросамокатов, целью которого является уход от использования личного автомобиля и общественного транспорта. Даже за достаточно короткий временной период наблюдается рост популярности сервиса у горожан и, соответственно, положительная динамика показателей (табл. 6). Количество электросамокатов выросло в 1,5 раза, а количество парковок для них – в 2,5 раза. В 2022 году услугами шеринга воспользовались 15 тыс. вологжан и гостей города, при этом общее расстояние, которое они проехали, составило 375 тыс. км.

В 2021 году на основании обращения Администрации города Вологды Законодательным Собранием Вологодской области была установлена льгота по транспортному налогу для физических лиц, владеющих автомобилями, которые оснащены исключительно электрическими двигателями²⁰.

В 2022 году в рамках реализации муниципального проекта «Развитие электро-транспорта» установлено 14 электроразрядных станций. Важно отметить, что благодаря реализации данного проекта Вологодская область вошла во вторую очередь федерального проекта «Развитие электротранспорта в Российской Федерации» на 2023–2024 гг. с финансированием за счет федерально-

¹⁹ Об утверждении Экологического стандарта городского округа г. Вологда: Постановление Администрации города Вологды от 8 июля 2022 г. № 998.

²⁰ Отчет о деятельности Мэра города Вологды и Администрации города Вологды за 2021 год. URL: https://vologda-portal.ru/oficialnaya_vologda/index.php?SECTION_ID=8610&ID=469723

го бюджета создания не менее 28 электрозаправочных станций в 2023 и 2024 гг. Помимо этого, в городских службах такси оказывают услуги 5 электромобилей.

Вместе с тем результаты социологического опроса жителей городов свидетельствуют о том, что более 60% респондентов в Вологде не планируют отказываться от личного автомобиля, работающего на бензине или дизельном топливе, в Череповце такого мнения придерживается почти половина опрошенных (рис. 9).

Наиболее ярко выраженная разница между городами наблюдается в части готовности населения перейти на использование услуг общественного транспорта. Если в Череповце треть опрошенных рассматривают такой вариант, то в Вологде – лишь 15%. Использование альтернативных видов транспорта или передвижение по городу пешком не исключают 17,2 и 12,1% жителей Вологды и Череповца соответственно.

Наименее привлекательным вариантом выступает покупка электромобиля, поскольку он является достаточно дорогим транспортным средством. Рассматривают для себя эту возможность менее 5% вологжан и лишь 1,3% череповчан. Разница показателей между городами может быть обусловлена наличием в г. Череповце лишь двух электрозаправочных станций, тогда как в г. Вологде их 14. Достаточно низкая готовность жителей

перейти на использование электромобилей может быть объяснима и слабым уровнем информированности об их функционировании. Вместе с тем региональными органами власти и органами местного самоуправления проводится работа по популяризации данного вида транспорта. Так, в 2022 году в Вологде был проведен Межрегиональный форум по развитию электротранспорта «Электрофест.Вологда–2022», в рамках которого жители и гости города имели возможность ознакомиться с электромобилями и зарядной инфраструктурой.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать ряд выводов о работе транспортных систем крупных городов Вологодской области и проблемах повышения устойчивости их развития.

В целом за период 2015–2021 гг. в Вологде и Череповце возросли показатели протяженности дорог местного значения и улучшения качества дорожного покрытия, что обеспечивалось за счет реализации мероприятий нацпроекта «Безопасные и качественные дороги», а также средств, выделяемых из Дорожного фонда Вологодской области. На основе опросов непосредственно жителей самих городов можно говорить о том, что реализация данных мер в значительной степени снизила остроту проблем плохого

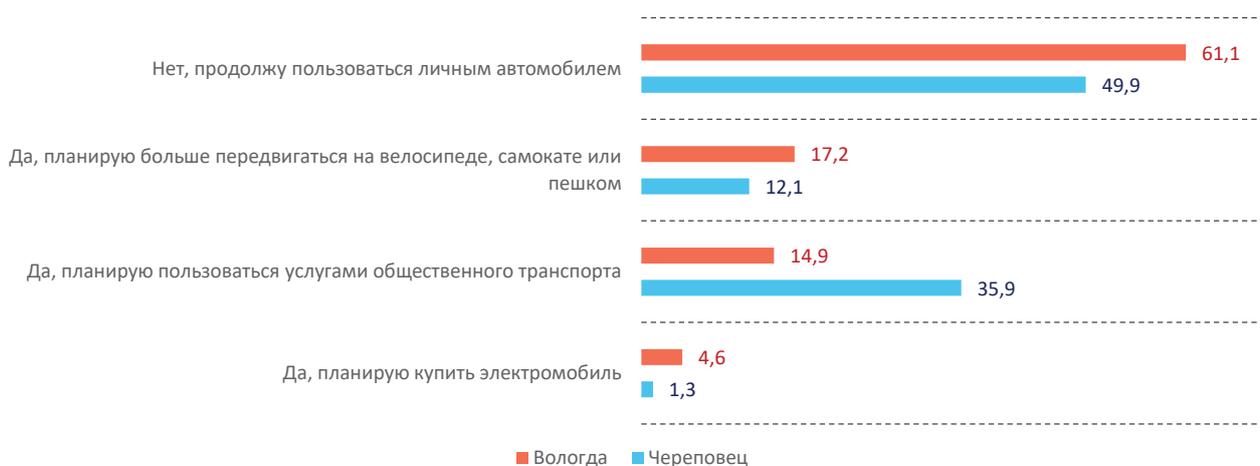

Рис. 9. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если Вы пользуетесь личным автомобилем на бензине или дизельном топливе, то намерены ли Вы перейти на более экологичный вид транспорта?», 2022 год, % от числа опрошенных
Источник: Мониторинг условий проживания в городе Вологде и городе Череповце, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2022 год.

состояния тротуаров и дорог, а также неудовлетворительной транспортной связанности городских микрорайонов. В 2022 году более половины жителей областного центра и 2/3 череповчан были удовлетворены уровнем транспортного обслуживания в своем населенном пункте. При этом за 2015–2022 гг. максимальный рост показателей наблюдался среди жителей окраинных районов г. Вологды: доля положительных оценок увеличилась в 2,5 раза.

В обоих городах самым популярным видом транспорта остается автобус: в 2022 году почти 39% вологжан и 46% череповчан использовали его для передвижений по городу. Менее востребованы у населения услуги троллейбусных и трамвайных перевозок в Вологде и Череповце соответственно. Положительной тенденцией является повышение уровня удовлетворенности жителей обоих городов работой общественного транспорта, в частности его технической оснащенностью, количеством маршрутов, частотой движения и обслуживанием пассажиров. Такая положительная динамика во многом обусловлена реализацией органами местного самоуправления городов целого комплекса мероприятий по улучшению функционирования систем общественного транспорта.

Одной из негативных тенденций с точки зрения устойчивого развития городов является рост числа пользователей личного автомобильного транспорта. За последние семь лет их доля в Вологде увеличилась на 12,8 п. п., а в Череповце – на 4,9 п. п. При этом результаты опросов населения свидетельствуют о неготовности или нежелании большинства горожан отказаться от личного автомобиля, работающего на бензине или дизельном топливе, и перейти на использование более экологичных средств передвижения.

Вместе с тем в обоих городах в реализуемой органами местного самоуправления политике четко прослеживается вектор перехода городских транспортных систем на траекторию устойчивого развития. В стратегических документах развития г. Череповца фокусируется внимание на совершенствовании работы общественного транспорта, а также увеличении доли экологически безопасного транспорта и развитии инфраструктуры для велосипедного транспорта. В г. Вологде в рамках разработанного в 2022 году «Экологического стандарта» также запланирован комплекс мер по модернизации транспортных средств и объектов транспортной инфраструктуры в целях снижения уровня их негативного воздействия на экологию.

В целом можно сделать вывод о том, что в обоих городах органам местной власти еще предстоит достаточно большая работа как в части увеличения количества транспортных средств, использующих экологически чистые виды топлива, так и в части совершенствования и популяризации систем общественного транспорта, а также альтернативных способов передвижения по городу.

Рассмотренные в статье вопросы функционирования транспортных систем Вологды и Череповца носят практический характер, поскольку в значительной степени касаются большей части проживающего в них населения. Соответственно, вклад исследования в развитие прикладной науки состоит в получении и систематизации данных социологического опроса жителей крупных городов Вологодской области в вопросе их удовлетворенности функционированием транспортных систем населенных пунктов. Полученные результаты могут быть использованы в деятельности органов местного самоуправления крупных городов при совершенствовании реализуемой политики в транспортной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

- Брюханова Н.В. (2019). Влияние транспортной системы на развитие города // Правовестник. № 1 (12). С. 5–7. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36881869>
- Васильева Е.Ю., Полякова И.С. (2019). Транспортное планирование и моделирование в крупном городе // Транспортное дело России. № 3. С. 46–47.
- Гасникова С.Ю., Петрова В.С. (2021). Проблемы управления развитием транспортной системы города Нижневартовск // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12. С. 442–449.
- Завьялов Д.В. (2021). Концепция устойчивой мобильности в современных мегаполисах // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). Т. 12. № 3. С. 288–305. DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.3.288-305
- Карасев О.И., Кривцова А.О. (2019). Факторы эффективности транспортной политики города // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Экономика и управление. № 2. С. 22–28.
- Лазутина А.Л., Никитина К.А., Миронов Н.А., Груздева К.Е. (2020). Выявление уровня удовлетворенности пассажиров качеством обслуживания электропоездов Нижнего Новгорода // Актуальные проблемы современного транспорта. № 1. С. 85–92.
- Мальшева Е.В. (2020). Анализ комфортности транспортной системы города Самары // Градостроительство и архитектура. Т. 10. № 4 (41). С. 157–164. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.04.19
- Рыжова А.С., Жевтун И.Ф., Карбышев А.В., Безматерных К.Л. (2021). Удовлетворенность транспортного обслуживания населения микрорайона города пассажирским транспортом // Вестник Академии знаний. № 44 (3). С. 189–193. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11237
- Савосина М.И. (2020). Оценка эффективности устойчивого развития транспорта // Мир транспорта. Т. 18. № 2 (87). С. 50–66. DOI: 10.30932/1992-3252-2020-18-50-66
- Самадов Т.У. (2020). Транспортная система города, проблемы и перспективы // Политехнический вестник. Сер.: Инженерные исследования. № 1 (49). С. 128–132.
- Секушина И.А. (2022). Качество городской среды крупных городов Вологодской области // Проблемы развития территорий. Т. 26. № 4. С. 111–135. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.8
- Сосенкина И.М., Тихонов В.С. (2020). Международный опыт в области обслуживания дорожно-транспортной инфраструктуры // Экономика: вчера, сегодня, завтра. Т. 10. № 11А. С. 230–239. DOI: 10.34670/AR.2020.63.76.023
- Ускова Т.В., Ворошилов Н.В., Гутникова Е.А., Кожевников С.А. (2013). Социально-экономические проблемы локальных территорий. Вологда: ИСЭРТ РАН. 196 с.
- Banister D. (2008). The sustainable mobility paradigm. *Transport Policy*, 15 (2), 73–80. DOI: 10.1016/j.tranpol.2007.10.005
- Bubelíny O., Milan K. (2021). Impact of the concept Smart City on public transport. *Transportation Research Procedia*, 55, 1361–1367. DOI: 10.1016/j.trpro.2021.07.120
- Cats O., Abenoza R.F., Liu C., Susilo Y.O. (2015). Evolution of satisfaction with public transport and its determinants in Sweden: identifying priority areas. *Transport. Res. Rec.*, 2538 (1), 86–95. Available at: <https://doi.org/10.3141/2538-10>
- Echaniz E. [et al.] (2022). Spatial and temporal variation of user satisfaction in public transport systems. *Transport Policy*, 117, 88–97. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2022.01.003>
- Hammes J.J. (2021). Steering cities towards a sustainable transport system in Norway and Sweden. *Case Studies on Transport Policy*, 9, 241–252. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2020.12.006>
- Kharlamova T., Desfonteinesa L., Barykina S., Gavrilova R. (2022). Prospects for the development of transport infrastructure to ensure sustainable development. *Transportation Research Procedia*, 63, 789–797.
- Klychova G. [et al.] (2022). Development of recommendations to popularize the idea of using public transport services by city residents. *Transportation Research Procedia*, 63, 377–385.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ирина Анатольевна Секушина – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Светлана Юрьевна Пахнина – заместитель Мэра города Вологды – начальник Департамента экономического развития, Администрация города Вологды (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Козленская, д. 6; e-mail: pahkina.svetlana@vologda-city.ru)

Sekushina I.A., Pakhnina S.Yu.

DEVELOPMENT TRENDS AND PROBLEMS OF TRANSPORT INFRASTRUCTURE IN THE VOLOGDA OBLAST CITIES

Functioning of transport infrastructure is one the most acute issues of sustainable development of modern cities. The state of the road network and transport infrastructure plays the significant role in improving citizens' living standards and increasing opportunities for the development of the economy of a settlement. The purpose of the work is to study the development trends of transport infrastructure of large cities in the Vologda Oblast and to identify problems of their functioning. The empiric basis of the research is the results of sociological surveys in Vologda and Cherepovets, as well as municipal statistics. We have established that in 2015–2021, there was a positive dynamics of indicators of length of local road and road pavement quality, which was provided by the implementation of a number of federal and regional projects. More than half of Vologda residents and 2/3 of Cherepovets residents are satisfied with the level of transport services in their city. Currently, in terms of the sustainable development the biggest challenge is the increasing share of population using private cars to get around the city. One of the tools for decreasing the negative impact of transport infrastructure on the environment is the development and popularization of public transport system, as well as alternative ways of getting around the city. At the same time, the survey results indicate a low level of citizens' readiness to abandon their personal cars and switch to more environmentally friendly modes of transport. Moreover, based on content-analysis of the strategic documents of Vologda and Cherepovets, we present a number of measures, implemented by local authorities, aimed at transition to the sustainable development of urban transport infrastructure. The research results can be used in the activity of local authorities in big cities to improve implemented transport policy.

City, transport, transport infrastructure, living standards, sustainable development, Vologda, Cherepovets, eco-standard.

REFERENCES

- Banister D. (2008). The sustainable mobility paradigm. *Transport Policy*, 15(2), 73–80. DOI: 10.1016/j.tranpol.2007.10.005
- Bryukhanova N.V. (2019). The impact of the transport infrastructure on the development of the city. *Pravovestnik*, 1(12), 5–7. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36881869> (in Russian).
- Bubelíny O., Milan K. (2021). Impact of the concept Smart City on public transport. *Transportation Research Procedia*, 55, 1361–1367. DOI: 10.1016/j.trpro.2021.07.120
- Cats O., Abenoza R.F., Liu C., Susilo Y.O. (2015). Evolution of satisfaction with public transport and its determinants in Sweden: Identifying priority areas. *Transport. Res. Rec.*, 253(1), 86–95. Available at: <https://doi.org/10.3141/2538-10>

- Echaniz E. et al. (2022). Spatial and temporal variation of user satisfaction in public transport systems. *Transport Policy*, 117, 88–97. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.tranpol.2022.01.003>
- Gasnikova S.Yu., Petrova V.S. (2021). Problems of managing the development of the transport system of the city of Nizhnevartovsk. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*, 12, 442–449 (in Russian).
- Hammes J.J. (2021). Steering cities towards a sustainable transport system in Norway and Sweden. *Case Studies on Transport Policy*, 9, 241–252. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.cstp.2020.12.006>
- Karasev O.I., Krivtsova A.O. (2019). Factors of the effectiveness of the city's transport policy. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser.: Ekonomika i upravlenie=Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, 2, 22–28 (in Russian).
- Kharlamova T., Desfonteinesa L., Barykina S., Gavrilova R. (2022). Prospects for the development of transport infrastructure to ensure sustainable development. *Transportation Research Procedia*, 63, 789–797.
- Klychova G. et al. (2022). Development of recommendations to popularize the idea of using public transport services by city residents. *Transportation Research Procedia*, 63, 377–385.
- Lazutina A.L., Nikitina K.A., Mironov N.A., Gruzdeva K.E. (2020). Identification of the level of passenger satisfaction with the quality of service of Nizhny Novgorod electric trains. *Aktual'nye problemy sovremennogo transporta*, 1, 85–92 (in Russian).
- Malysheva E.V. (2020). Study of comfort of transport system of Samara city. *Gradostroitel'stvo i arkhitektura=Urban Construction and Architecture*, 10, 4(41), 157–164. DOI: 10.17673/Vestnik.2020.04.19 (in Russian).
- Ryzhova A.S., Zhevtun I.F., Karbyshev A.V., Bezmaternyh K.L. (2021). Satisfaction with the transport service by population of the city microdistrict with passenger transport. *Vestnik Akademii znanii=Bulletin of the Academy of Knowledge*, 44(3), 189–193. DOI: 10.24412/2304-6139-2021-11237 (in Russian).
- Samadov T.U. (2020). The city's transport system, problems and prospects. *Politekhnicheskii vestnik. Ser.: Inzhenernye issledovaniya=Polytechnical Bulletin. Series: Engineering Studies*, 1(49), 128–132 (in Russian).
- Savosina M.I. (2020). Assessment of effectiveness of sustainable transport development. *Mir transporta=World of Transport and Transportation*, 18, 2(87), 50–66. DOI: 10.30932/1992-3252-2020-18-50-66 (in Russian).
- Sekushina I.A. (2022). The urban environment quality of large cities in the Vologda Oblast. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 26(4), 111–135. DOI: 10.15838/ptd.2022.4.120.8 (in Russian).
- Sosenkina I.M., Tikhonov V.S. (2020). International experience in road infrastructure maintenance. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra=Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*, 10(11A), 230–239. DOI: 10.34670/AR.2020.63.76.023 (in Russian).
- Uskova T.V., Voroshilov N.V., Gutnikova E.A., Kozhevnikov S.A. (2013). *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy lokal'nykh territorii* [Socio-Economic Problems of Local Territories]. Vologda: ISERT RAN.
- Vasileva E.Yu., Polyakova I.S. (2019). Transport planning and modeling in a large city. *Transportnoe delo Rossii=Transport Business in Russia*, 3, 46–47 (in Russian).
- Zavyalov D.V. (2021). The concept of sustainable mobility in modern megacities. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitie)=MIR (Modernization. Innovation. Research)*, 12(3), 288–305. DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.3.288-305 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Irina A. Sekushina – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: sekushina.isekushina@yandex.ru)

Svetlana Yu. Pakhnina – Deputy Mayor of Vologda – Head of Department of Economic Development, Vologda City Administration (6, Kozlenskaya Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: pahnina.svetlana@vologda-city.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4

УДК 911.3:33 | ББК 65.04

© Короленко А.В.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ РАССЕЛЕНИЯ

АЛЕКСАНДРА ВЛАДИМИРОВНА КОРОЛЕНКО

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация

e-mail: coretra@yandex.ru

ORCID: [0000-0002-7699-0181](https://orcid.org/0000-0002-7699-0181); ResearcherID: [I-8201-2016](https://orcid.org/I-8201-2016)

Население России неравномерно распределено по ее территории: на $\frac{1}{4}$ площади проживает $\frac{3}{4}$ жителей страны и, наоборот, на $\frac{3}{4}$ площади – $\frac{1}{4}$. Одной из задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года выступает сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ за счет повышения устойчивости системы расселения. Однако опорный каркас расселения в России охватывает незначительную часть территории, имеет разрывы и местами фрагментирован, что усиливает поляризацию социально-географического пространства страны и регионов. Целью исследования стало выявление тенденций и региональных особенностей изменения системы расселения в контексте пространственных трансформаций территорий России. Основные методы – пространственно-временной анализ, методы группировки и визуализации данных с помощью картографии. Информационная база – данные всероссийских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. В исследовании подтвержден тезис о сжатии освоенного пространства в России и сопровождающей его поляризации системы расселения как в сельской, так и в городской местности. Выявлена региональная специфика сельского и городского расселения: выраженное обезлюдение сельских поселений в Центральной и Северо-Западной частях России и его нарастание; концентрация сельского населения регионов Центра и Северо-Запада в малолюдных населенных пунктах, сельского населения регионов Северного Кавказа и Юга – в крупных поселениях; равномерная концентрация сельского населения средних населенных пунктов в Европейской (за исключением Северного Кавказа) и Азиатской частях России; высокий вклад населения малых горо-

Для цитирования: Короленко А.В. (2023). Пространственные трансформации территорий России: тенденции и региональные различия расселения // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4

For citation: Korolenko A.V. (2023). Spatial transformations of Russia's territories: Trends and regional differences in resettlement. *Problems of Territory's Development*, 27(1), 47–75. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.4

дов в общую численность городских жителей в регионах Севера и Арктики, Центральной части; концентрация населения крупных и крупнейших городов в регионах Центра и Юга, Поволжья и Сибири. Установлено, что в большинстве российских регионов за 2002–2020 гг. численность населения сократилась, при этом преимущественно за счет убыли одновременно и сельских, и городских жителей. Основной вклад в убыль сельского населения за межпереписной период вносили жители средних сельских населенных пунктов, а в убыль городского – жители малых городов.

Пространственные трансформации, расселение, сельские населенные пункты, городские населенные пункты, людность, численность населения, регионы России.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01986 (<https://rscf.ru/project/22-28-01986>).

Введение

Российская Федерация является крупнейшим по площади государством мира (17125,2 тыс. кв. км)¹, однако по численности населения занимает лишь 9 место среди 193 стран – членов ООН (147,19 млн чел.²). При этом свыше $\frac{3}{4}$ российской территории расположено в Азиатской части страны, тогда как почти $\frac{3}{4}$ населения проживает в ее Европейской части. Средняя плотность населения Европейской части России более чем в 10 раз превышает данный показатель в Азиатской части (Нефедова, Глезер, 2020). По оценкам специалистов, не менее 40% населения страны (жителей крупных и крупнейших городов и зон их активного влияния) сосредоточено примерно на 1% ее территории. Авторы отмечают, что если сюда добавить все большие города и зоны их влияния, средние города – опорные пункты северных и восточных нефтегазовых и горнорудных районов, портовые центры, а также интенсивно растущие, но не обеспечивающие занятость трудоспособного населения города Северо-Кавказского федерального округа, то получится, что до 60% населения России проживает на 5% территории (Нефедова, Глезер, 2020).

Среди причин неравномерного расселения населения по территории России д-р геогр.

наук Т.Г. Нефедова выделяет следующие: огромные размеры страны и, как следствие, сложности в ее освоении; разнообразные природные условия; редкая сеть больших городов и различия по оси «центр – периферия», неравенство в возможностях для развития; незавершенная урбанизация; исторически сложившаяся пространственная неравномерность; сильная централизация экономики и социальное неравенство (Нефедова, 2021). Неравномерность пространственного развития и сжатие освоенного пространства влекут за собой сокращение трудового потенциала малых городов и сельской периферии за пределами агломераций, поляризацию пространства и человеческого капитала, деформацию опорного каркаса территории (Соловьева, 2022).

Одной из задач Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года стало сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов РФ за счет повышения устойчивости системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий³. Устойчивость системы расселения во многом определяется наличием опорного каркаса территорий, образованного значительными центрами и транспорт-

¹ Российский статистический ежегодник – 2021 // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_13/Main.htm (дата обращения 11.08.2022).

² Предварительные итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения 11.08.2022).

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 11.08.2022)

ными магистралями. Однако, как отмечают специалисты, в российских реалиях опорный каркас расселения охватывает незначительную часть территории страны, имеет разрывы и местами фрагментирован (Глезер, Вайнберг, 2013). Сочетание территориальной концентрации населения и его сокращения на большей части России усиливает поляризацию социально-географического пространства страны и регионов (Нефедова, Глезер, 2020). Вышеизложенное актуализирует продолжение исследований пространственных трансформаций территорий России не только в динамике, но и с учетом их региональной специфики.

Цель исследования – выявление тенденций и региональных особенностей изменения системы расселения в контексте пространственных трансформаций территорий России.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть ключевые тенденции в динамике показателей расселения в городских и сельских населенных пунктах России за период между переписями населения 2002, 2010 и 2020 гг.;
- 2) выявить региональные различия в характере расселения по территории России;
- 3) проанализировать вклад сельских и городских населенных пунктов разной людности в динамику численности жителей российских регионов.

Теоретические аспекты исследования

Пространственные трансформации территорий и их последствия для системы расселения населения чаще всего становятся объектом исследования зарубежных и отечественных географов и экономгеографов. Эти вопросы рассматривали в рамках теорий дифференциальной урбанизации и эволюции расселения А. Филдинг (Fielding, 1989), Ю.С. Гейер и Т. Контула (Geyer, Kontuly, 1993), Ж.А. Зайончковская (Зайончковская, 1991), Т.Г. Нефедова, А.И. Трейвиш и Н.Е. Покровский (Город и деревня..., 2001; Нефедова и др., 2015), О.Б. Глезер и Э.И. Вайнберг (Глезер, Вайнберг, 2013), концепций организации экономического про-

странства – В. Кристаллер (Christaller, 1933), А. Леш (Lösch, 1954), теории регионального неравенства в уровне социально-экономического развития – Н.В. Зубаревич (Зубаревич, 2010), центр-периферийной концепции пространственного развития – М. Полис и Р. Ширмур (Polese, Shearmur, 2006), М. Партридж и соавт. (Partridge et al., 2006), А. Борсдоф и В. Салет (Borsdorf, Salet, 2007), Ф. Свиячный и соавт. (Swiaczny et al., 2009), Л.Б. Карачурина и Н.В. Мкртчян (Карачурина, 2013; Карачурина, Мкртчян, 2013), теории «сжимающихся городов» – М. Барон и соавт. (Baron et al., 2010), К. Паллагст и соавт. (Pallagst et al., 2013), А. Хаазе и соавт. (Haase et al., 2014), Ч. Нам и Г. Ричардсон (Nam, Richardson, 2014), а также концепций агломерационных процессов – Дж. Фридман (Friedmann, 1966), П. Кругман (Krugman, 1998), Г. Ричардсон (Richardson, 1993), Е.В. Моргунов и соавт. (Моргунов и др., 2021).

Пространственная поляризация и сжатие освоенного пространства России рассматривались в трудах отечественных ученых Т.Г. Нефедовой, О.Б. Глезер, А.Г. Махровой, А.И. Трейвиша (Нефедова, 2013; Махрова и др., 2016; Нефедова, Трейвиш, 2020), Ж.А. Зайончковской и Г.В. Иоффе (Зайончковская, Иоффе, 2013), Л.Б. Карачуриной и Н.В. Мкртчяна (Карачурина, 2013; Карачурина, Мкртчян, 2013), А.И. Алексеева и С.Г. Сафронова (Алексеев, Сафронов, 2015), Д.О. Егорова (Егоров, 2020), их последствия в виде миграционной мобильности, в том числе трудовой, анализировались Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой, Н.В. Мкртчяном, А.В. Стариковой (Мкртчян, 2011; Мкртчян, 2018; Между домом..., 2016; Нефедова, Старикова, 2020).

Предпринимались попытки зонирования территории России по характеру расселения населения и их освоенности. Так, Т.Г. Нефедова выделяет пять зон по типу освоения территорий и пространственной организации деятельности (Нефедова, 2013).

1. Слабоосвоенная (около 50% территории страны, на ней проживает менее чем 1,5% сельского населения; большая часть Азиатской части России и Крайний Север).

2. *Зона очагового и линейного избирательного освоения с лесным хозяйством и добычей полезных ископаемых или лесная зона* (22% территории России, 3% сельского населения; широкая полоса от Белого и Баренцева до Охотского и Японского морей).

3. *Зона мозаичного промышленно-городского и мелкоселенного сельскохозяйственного освоения или лесо-сельскохозяйственная* (13% территории России, на ней проживает 53% городского и 30% сельского населения страны; от Ленинградской и Смоленской областей (включая Калининградскую) на западе до юга Дальнего Востока).

4. *Зона сельскохозяйственно-городского развития* (12% территории России, где проживает почти 60% сельского населения с повышенной плотностью; территории в треугольнике Курск – Краснодар – Красноярск).

5. *Горно-предгорные территории с очагами добычи полезных ископаемых* (6% территории России, два подтипа по плотности населения: на Кавказе – высокая, в Сибири – низкая, тем не менее, для них характерны сходные процессы).

Согласно данной типологии на территории первой и второй зон, которые вместе составляют более 70% площади страны, проживает лишь около 5% сельского населения, тогда как в пределах наименьших по площади четвертой и пятой зон, напротив, сосредоточено около 70% всех сельских жителей (Нефедова, 2013).

Материалы и методы

Основной категорией при изучении пространственных трансформаций в размещении населения выступает расселение, представляющее собой процесс заселения территорий и его результат под воздействием природных, демографических (естественного движения населения и миграции), этноисторических, социально-экономических и политических факторов⁴. Для анализа пространственного расселения чаще всего используются показатели людности населен-

ных пунктов (величина по числу жителей). Сельские населенные пункты по людности подразделяются на безлюдные (не имеющие населения), однодворки (с населением до 10 чел.), малолюдные (от 10 до 200 чел.), средние (от 200 до 1000 чел.), крупные (от 1000 до 2000 чел.), крупнейшие (от 2000 чел. и больше)⁵. Среди городских населенных пунктов по людности выделяют малые города и поселки городского типа (до 50 тыс. чел.), средние (от 50 до 100 тыс. чел.), большие (от 100 до 250 тыс. чел.), крупные (от 250 до 500 тыс. чел.), крупнейшие (от 500 тыс. до 1 млн чел.) города и города-миллионники (от 1 млн чел.)⁶.

В качестве ключевых методов исследования выступили пространственно-временной анализ, методы группировки и визуализации данных с помощью картографии. Информационной базой послужили результаты все-российских переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг. и основанные на них расчеты автора.

Основные результаты

Сельское расселение

В результате сжатия освоенного пространства сельских территорий России происходит концентрация сельского населения в определенных зонах, что выражается в так называемом очаговом характере их заселения. Подобное «рассеивание» сельских жителей неминуемо приводит к росту количества малолюдных и безлюдных сельских населенных пунктов. Так, по сравнению с 2002 годом в 2020 году в стране существенно возросло количество безлюдных сельских населенных пунктов (на 11665) и малолюдных с числом жителей до 10 чел. (на 1228), увеличился их удельный вес в общем количестве сельских населенных пунктов (на 8 и 1 п. п. соответственно). По данным переписи 2020 года такие населенные пункты составляли 39% в общем числе сельских населенных пунктов. Вместе с тем доля населения, проживающего на территории малолюдных сельских поселений, достигает лишь 0,4% от общей численности всех сельских жителей

⁴ География. Современная иллюстрированная энциклопедия (2006) / под ред. А.П. Горкина. Москва: Росмэн. 624 с.

⁵ Ковалев С.А. (2006). Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. № 255–256. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1 (дата обращения 16.08.2022).

⁶ Свод правил СП 42.13330.2016 Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений. URL: <https://docs.cntd.ru/document/456054209> (дата обращения 15.08.2022).

страны. Максимальный удельный вес в общем числе сельских населенных пунктов имеют поселения численностью от 11 до 200 жителей (39% в 2020 году). При этом отечественные исследования доказывают, что людность в 200 чел. и менее ограничивает социальную и производственную дееспособность населенного пункта (Нефедова, 2018). Однако за период с 2002 по 2020 год сократилось как число таких поселений (на 9095), так и численность их населения (на 382,6 тыс. чел.). Мелкоселенность существенно увеличивает затраты на обслуживание территории (дорожное строительство, транспортное обслуживание, инфраструктуру связи, образование, здравоохранение и др.), что и обусловило кампанию объединения поселений, в том числе ради экономии бюджетных средств, имевшую негативные последствия для освоения территории (Нефедова, Глезер, 2020).

В период с 2002 по 2020 год значительно снизились количество и численность

сельских населенных пунктов с людностью до 2000 чел. Обезлюдение и исчезновение небольших сельских населенных пунктов Т.Г. Нефедова и О.Б. Глезер называют одной из длительно действующих тенденций сельского расселения в России (Нефедова, Глезер, 2020). Одновременно происходил рост количества и численности крупных сельских населенных пунктов с населением более 2000 чел., которые признаются наиболее устойчивыми (Зубаревич, 2013; Алексеев, Сафронов, 2015). За период между переписями 2002 и 2020 гг. их число увеличилось на 319, а численность проживающего в них населения возросла более чем на 2,5 млн чел. (на 2688,7 тыс. чел.). В результате в поселениях данного типа людности сконцентрировалось 42% всего сельского населения России. Таким образом, очевидна тенденция сокращения сети сельских населенных пунктов со стягиванием жителей в крупные сельские поселения.

Таблица 1. Группировка сельских населенных пунктов России по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 год		2010 год		2020 год		Изменение (+/-), 2020 год к 2002 году		Изменение (+/-), 2020 год к 2010 году	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число населенных пунктов, ед.										
Всего	155289	100,0	153124	100,0	153157	100,0	-2132	-	+33	-
Безлюдные	13086	8,4	19416	12,7	24751	16,2	+11665	+7,8	+5335	+3,5
до 10	34003	21,9	36225	23,7	35231	23,0	+1228	+1,1	-994	-0,7
11–200	68807	44,3	61227	40,0	59712	39,0	-9095	-5,3	-1515	-1,0
201–500	20475	13,2	18729	12,2	17510	11,4	-2965	-1,8	-1219	-0,8
501–1000	10836	7,0	9720	6,3	8511	5,6	-2325	-1,4	-1209	-0,7
1001–2000	5182	3,3	4737	3,1	4223	2,8	-959	-0,5	-514	-0,3
2001–5000	2093	1,3	2196	1,4	2217	1,4	+124	+0,1	+21	0,0
более 5000	807	0,5	874	0,6	1002	0,7	+195	+0,2	+128	+0,1
Численность населения, тыс. чел.										
Всего	38737,7	100,0	37542,8	100,0	37106,8	100,0	-1630,9	-	-436,0	-
до 10	168,3	0,4	167,3	0,4	154,4	0,4	-13,9	0,0	-12,9	0,0
11–200	4333,6	11,2	3956,8	10,5	3951,0	10,6	-382,6	-0,6	-5,8	+0,1
201–500	6617,8	17,1	6053,0	16,1	5620,3	15,1	-997,5	-2,0	-432,7	-1,0
501–1000	7570,6	19,5	6779,7	18,1	5923,1	16,0	-1647,5	-3,5	-856,6	-2,1
1001–2000	7049,8	18,2	6492,0	17,3	5771,7	15,6	-1278,1	-2,6	-720,3	-1,7
2001–5000	6267,5	16,2	6702,9	17,9	6797,2	18,3	+529,7	+2,1	+94,3	+0,4
более 5000	6730,1	17,4	7391,1	19,7	8889,1	24,0	+2159,0	+6,6	+1498,0	+4,3

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Сжатие освоенного сельского пространства в регионах России происходит крайне неравномерно. По данным переписи 2020 года, удельный вес безлюдных сельских населенных пунктов не превышал 5% в 35 регионах (включая Республику Крым и г. Севастополь), в 22 субъектах он достигал значения от 5 до 10%, в 6 – от 10 до 15%, в 6 – от 15 до 20% и в 14 – 20% и более. За рассматриваемый период увеличилось число регионов с максимальным удельным весом безлюдных сельских населенных пунктов (на 9) при одновременном сокращении количества регионов с минимальной долей таких поселений (на 12), даже несмотря на попадание в эту группу Республики Крым и г. Севастополя⁷. В 39 регионах доля безлюдных сельских поселений существенно не изменилась (осталась на том же уровне), в 35 их удельный вес изменился в худшую сторону (заметно вырос) и только в 7, напротив, сократился (рис. 1, 2).

Регионы с наибольшей долей (более 20%) безлюдных сельских поселений сконцентрированы в Центральной части России (Костромская, Ивановская, Орловская, Смоленская, Тверская, Ярославская области) и на Северо-Западе (Архангельская, Вологодская, Мурманская, Псковская, Новгородская области). При этом четыре региона из числа субъектов РФ с максимальным показателем (Вологодская, Костромская, Магаданская и Мурманская области) сохраняют свои позиции с 2002 года. За межпереписной период удельный вес безлюдных сельских населенных пунктов наиболее существенно вырос в Республике Ингушетия (на 56 п. п.), Костромской (на 22 п. п.), Псковской (на 20 п. п.), Смоленской (на 19 п. п.), Кировской (на 16 п. п.), Архангельской (на 16 п. п.), Орловской (на 15 п. п.), Брянской (на 15 п. п.) и Тверской (на 15 п. п.) областях. Увеличение числа безлюдных сельских населенных пунктов является еще одним подтверждением социально-экономического сжатия сельского пространства в России

(Румянцев и др., 2019). Выраженное снижение показателя зафиксировано в Чукотском АО (на 28 п. п.), Магаданской области (на 20 п. п.), Ямало-Ненецком АО (на 16 п. п.), Кабардино-Балкарской Республике (на 13 п. п.), Камчатском крае (на 12 п. п.), Республике Тыва (на 10 п. п.) и Ямало-Ненецком АО (на 10 п. п.). Но, как отмечают И.Н. Румянцев с соавторами, сокращение числа таких пунктов нельзя трактовать однозначно как процесс, свидетельствующий о позитивных изменениях в сельском расселении. Скорее всего, здесь играет роль административный фактор: пункты исключаются из списков по решению местных властей (Румянцев и др., 2019).

Малые сельские населенные пункты с численностью до 200 чел. в отношении обслуживания их населения в наибольшей степени зависят от ближайших более крупных поселений. Лишь выборочно (в одном малом поселке для целой территориальной группы их) могут быть созданы некоторые элементы общественного обслуживания (начальная школа, медицинский пункт, красный уголок, изба-читальня или клуб, сельский магазин)⁸. В 2020 году регионы России по доле сельского населения, проживающего в малолюдных населенных пунктах (до 200 чел.), распределились следующим образом⁹: в 39 регионах она составляла не более 10% от всего сельского населения, в 25 – от 10 до 20%, в 8 – от 20 до 30%, в 9 – от 30 до 40% и лишь в 2 – 40% и более (рис. 3). За межпереписной период роль малолюдных населенных пунктов в расселении сельских жителей существенно не изменилась: в подавляющем большинстве субъектов РФ (в 74 из 81 в 2002 году и в 77 из 83 в 2020 году) менее 1/3 сельского населения (рис. 4). Регионы с высоким вкладом жителей малолюдных поселений (более 30%) в общую численность сельского населения сконцентрированы в Центральной и Северо-Западной частях России – это Орловская (31%), Ивановская (32%), Вологодская (32%), Смоленская (33%), Костромская (33%), Яро-

⁷ Если в 2002 году число субъектов РФ, имеющих сельское население, составляло 81 (исключая Москву и Санкт-Петербург), то в 2020 году – 83 (включая Республику Крым и г. Севастополь).

⁸ Ковалев С.А. (2006). Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. № 255–256. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1 (дата обращения 16.08.2022).

⁹ Москва и Санкт-Петербург не учитывались, поскольку не имеют сельского населения.

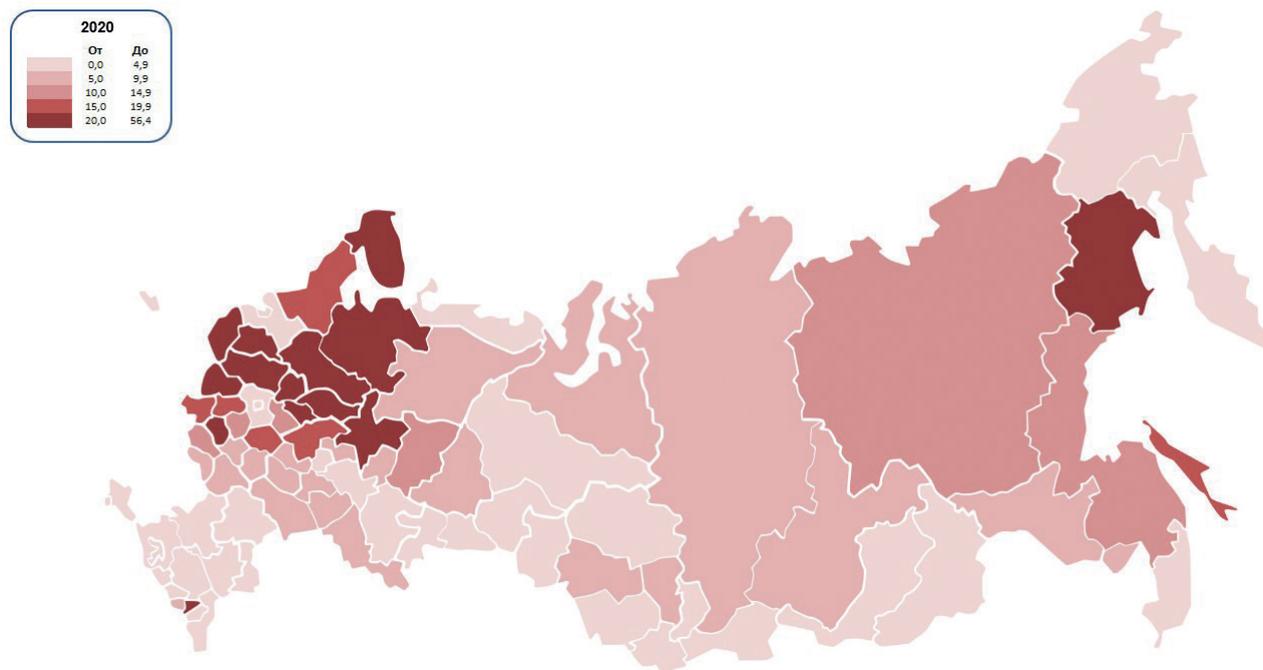

Рис. 1. Регионы России по доле безлюдных сельских населенных пунктов в 2020 году, % от общего числа сельских населенных пунктов

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

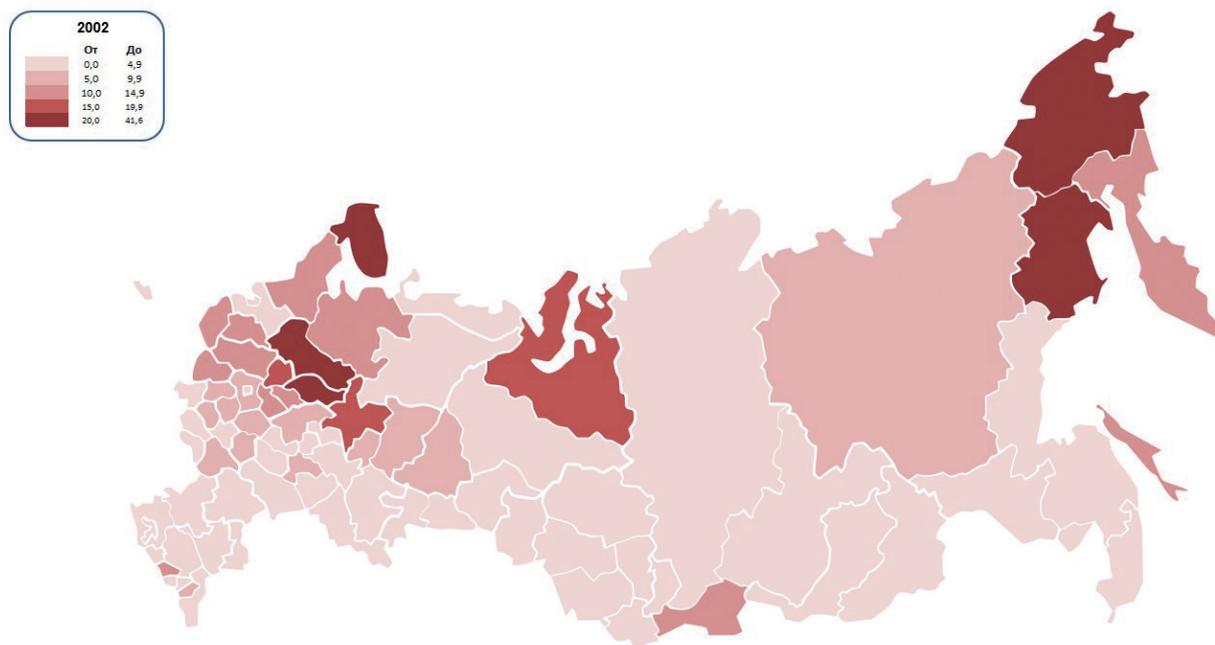

Рис. 2. Регионы России по доле безлюдных сельских населенных пунктов в 2002 году, % от общего числа сельских населенных пунктов

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

славская (35%), Новгородская (38%), Тверская (49%) и Псковская (52%) области.

Средние сельские поселения могут иметь минимальный набор обслуживающих учреж-

дений, но столь же малых размеров, представляющих населению сравнительно ограниченные возможности культурно-бытового обслуживания. Сельскохозяйственное поселе-

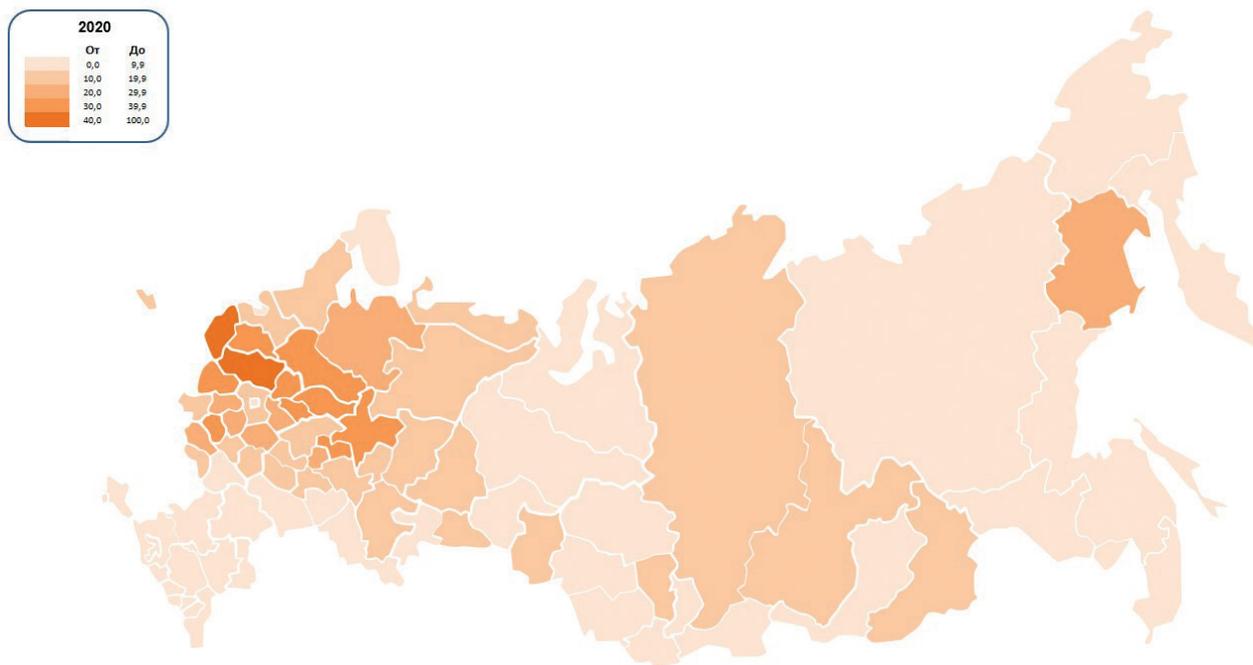

Рис. 3. Регионы России по доле населения малолюдных сельских населенных пунктов (до 200 жителей), 2020 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vprn_popul

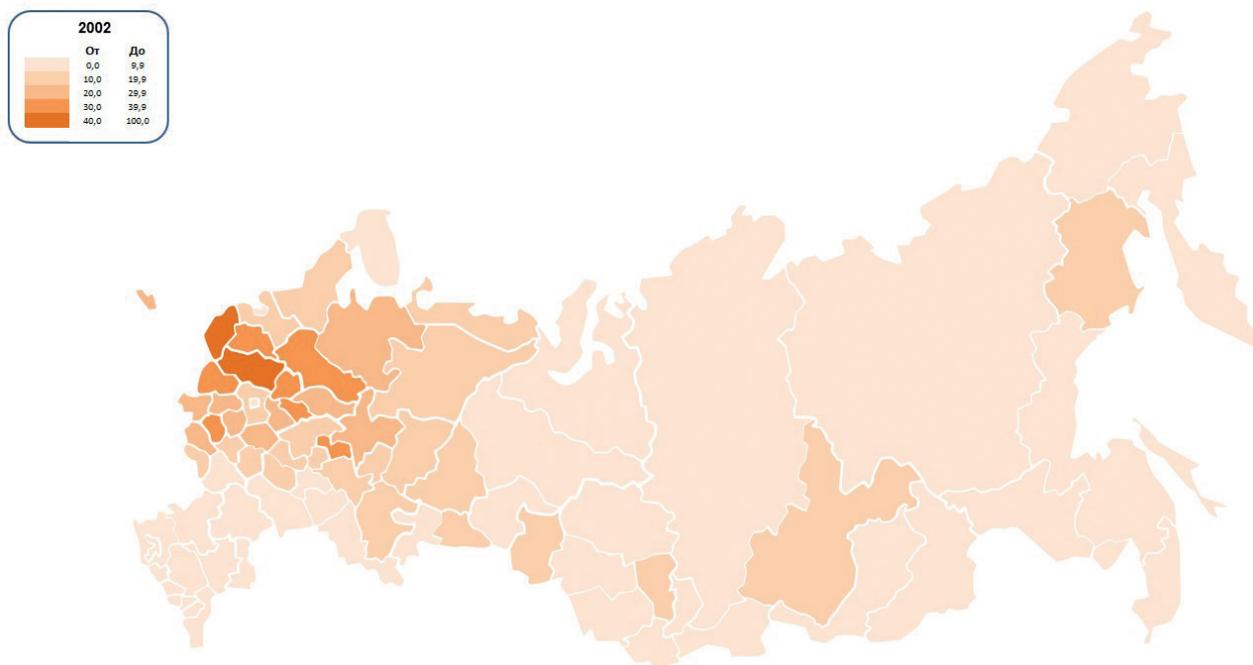

Рис. 4. Регионы России по доле населения малолюдных сельских населенных пунктов (до 200 жителей), 2002 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

ние такой величины в организационном отношении может служить базой определенной производственной единицы (бригада колхоза,

отделение или крупная ферма)¹⁰. В 2020 году доля жителей средних сельских поселений в 5 регионах России не превышала 10% от чис-

¹⁰ Ковалев С.А. (2006). Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. № 255–256. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1 (дата обращения 16.08.2022).

ленности всего сельского населения, в 5 – находилась в диапазоне от 10 до 20%, в 15 – от 20 до 30%, в 28 – от 30 до 40% и в 30 – от 40% и более (рис. 5). По сравнению с 2002 годом концентрация сельского населения в средних населенных пунктах несколько снизилась:

число регионов с их высокой долей в общей численности сельских жителей (40% и выше) сократилось на 12, тогда как возросло количество регионов с ее значением в диапазоне от 20 до 30% (на 8, включая Республику Крым и г. Севастополь), от 30 до 40% (на 7; рис. 6).

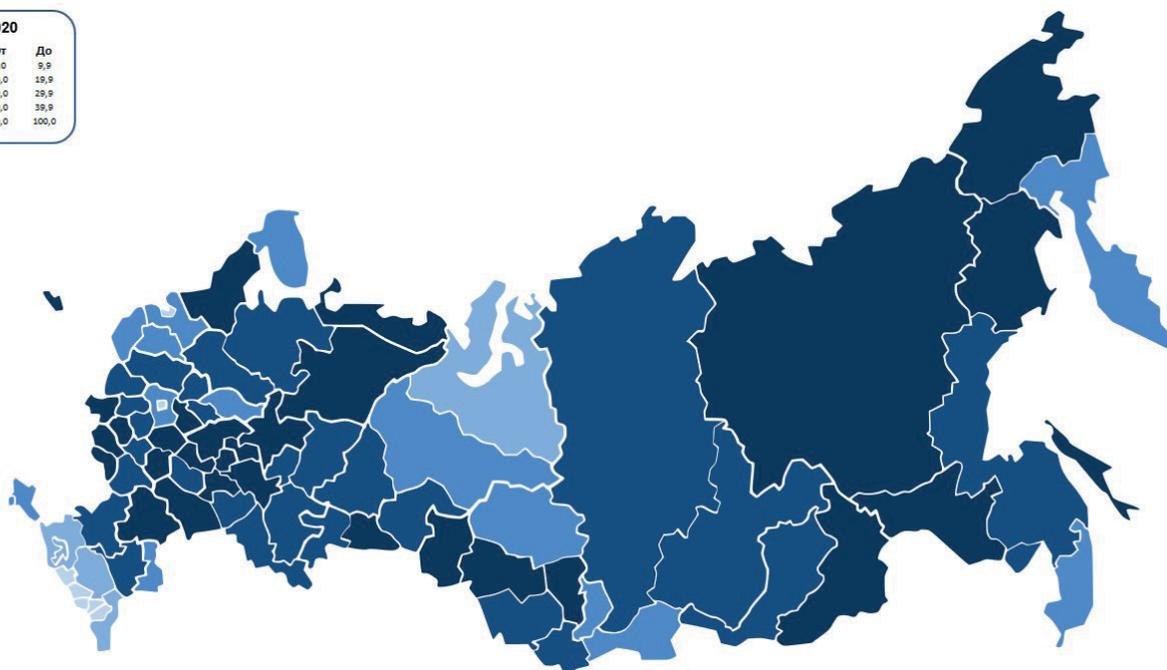

Рис. 5. Регионы России по доле населения средних сельских населенных пунктов (от 200 до 1000 жителей), 2020 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года //

Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Рис. 6. Регионы России по доле населения средних сельских населенных пунктов (от 200 до 1000 жителей), 2002 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Рис. 7. Регионы России по доле населения крупных сельских населенных пунктов (от 1000 жителей), 2020 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

В 2002 году регионы с высоким значением данного показателя были равномерно распределены по Европейской части России (преимущественно в Центральном и Приволжском федеральных округах), за исключением Северного Кавказа, где отмечался низкий удельный вес жителей средних сельских поселений, а также по Азиатской части (в Сибири и на Дальнем Востоке). В 2020 году распределение регионов по Европейской и Азиатской частям в зависимости от рассматриваемого показателя осталось примерно таким же.

В населенных пунктах с людностью 1–2 тыс. чел., являющихся для сельской местности уже крупными, создаются возможности заметного расширения круга обслуживающих учреждений, увеличения их размеров и технической оснащенности¹¹. В 2020 году субъекты РФ по доле населения крупных населенных пунктов в общей чис-

ленности сельских жителей распределились следующим образом: в 4 регионах она достигала не более 20%, в 23 – от 20 до 40%, в 29 – от 40 до 60%, в 18 – от 60 до 80% и в 9 – 80% и более (рис. 7). Максимальный удельный вес жителей крупных сельских поселений как в 2002, так и в 2020 году, отмечался в регионах Северного Кавказа и Юга России (республики Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечня, Ставропольский и Краснодарский края), а также Ямало-Ненецком АО (рис. 8). Концентрация сельского населения в крупных населенных пунктах этих регионов объясняется двумя факторами – высоким естественным приростом жителей в республиках юга, где сосредоточены самые крупные села, и административно-территориальными преобразованиями, а именно переводом поселков городского типа в сельский статус (Зубаревич, 2013).

¹¹ Ковалев С.А. (2006). Типология и районирование сельского расселения // Демоскоп Weekly. № 255–256. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0255/analit08.php#_FN_1 (дата обращения 16.08.2022).

Рис. 8. Регионы России по доле населения крупных сельских населенных пунктов (от 1000 жителей), 2002 год, % от общей численности сельского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Городское расселение

Разнообразие социально-географического пространства во многом связано с распределением сети городов и их разной ролью в организации территории (Нефедова, Глезер, 2020). За период между переписями 2002 и 2020 гг. заметно сократилось число поселков городского типа (на 663), снизилась численность их населения (на 3423,3 тыс. чел.), что во многом обусловлено их административным преобразованием в села. Большинство поселков городского типа имеют численность жителей менее 10 тыс. чел. (1002, или 85% от общего числа пгт), в них проживает 4311,2 тыс. чел. (более 60% от численности населения пгт), что позволяет говорить об их важности для сохранения общей освоенности территории (Нефедова, Глезер, 2020). Однако за период с 2002 по 2020 год сократилось как количество таких пгт (на 568), так и численность проживающего в них населения (на 2340,2 тыс. чел.).

За период между переписями 2002 и 2020 гг. существенно «поредела» сеть малых городов с численностью населения от 10 до 50 тыс.

чел., а также средних (от 50 до 100 тыс. чел.) и крупных (от 250 до 500 тыс. чел.) городов. Малые города с людностью от 10 до 50 тыс. чел. являются самым распространенным типом городов (54% в общем числе), однако в них проживает лишь 14% городского населения. Несмотря на это, малые города, так же как и пгт, играют важную роль в поддержании освоенности территорий (Нефедова, Глезер, 2020). Их количество в 2020 году по сравнению с 2002 годом сократилось на 37, а численность проживающего в них населения – на 1071,2 тыс. чел. Средних городов за рассматриваемый период стало меньше на 17, а численность их населения снизилась на 996,5 тыс. чел. Данный тип городских населенных пунктов составляет лишь 13% от общего их числа, в них сосредоточено 10% городского населения страны. Для сравнения: в США и ЕС в средних городах проживает до 38–39% городского населения (Трейвиш, 2009). Число крупных городов с людностью от 250 до 500 тыс. чел., многие из которых являются региональными центрами, за рассматриваемый период суще-

ственно не изменилось, а численность проживающего в них населения уменьшилась на 125,2 чел. Доля жителей таких городов в общей численности городского населения составляет 14%.

Одновременно с обозначенными тенденциями происходило увеличение доли и численности как самых малых городов с численностью до 10 тыс. чел., так и крупнейших (от 500 тыс. до 1 млн чел.) и городов-миллионников. Количество самых малых городов возросло на 70, а их население – на 470,2 тыс. чел. Число крупнейших городов в 2020 году осталось таким же, как и в 2002 году (20 городов), однако в 2010 году оно выросло до 25. Численность их жителей с 2002 по 2020 год сократилась на 218,2 тыс. чел. (в 2010 году по сравнению с 2002 годом выросла более чем на 3 млн чел.). В 2020 году по сравнению с 2002 годом количество городов-миллионников увеличилось с 13 до 16, а их население – более чем на 8 млн чел. (на 8091,0 тыс. чел.). По данным переписи 2020 года, 47% городского населения России проживает в крупнейших городах и городах-миллионниках (в 2002 году – 42%, в 2010 году – 45%). Тенденция увеличения численности городов-миллионников при одновременной деградации сети малых, средних и крупных городов свидетельствует о «стягивании» населения в региональные центры, что усиливает поляризацию и сжатие пространства, ослабляя опорный каркас территории страны.

В настоящее время малые города во многих регионах России сохраняют свое геополитическое значение. Они обеспечивают своеобразный «контроль» территории окружающих сельских районов, выполняют социально-культурные, социально-политические, оборонные функции в территориальной структуре российского государства (Черныш, 2020). С 2002 по 2020 год сократилось число регионов РФ, в которых малые города и поселки городского типа имели вклад в численность городского населения 40% и выше (с 22 до 17), а также от 20 до 40% (с 50 до 47), и выросло число регионов, в которых вклад численности малых городов и пгт менее 20% (с 11 до 21; табл. 3).

За период между переписями 2002 и 2020 гг. увеличилось число субъектов РФ, в которых крупные города не вносили вклад в общую численность населения, т. к. отсутствовали (с 41 до 49), одновременно с этим произошло сокращение числа регионов с долей населения крупных городов в общей численности городских жителей до 40% (с 19 до 10). Данный факт говорит о нарастающей деградации сети крупных городов, большинство которых являются региональными центрами. В свою очередь возросло количество субъектов РФ, где вклад крупнейших городов и городов-миллионников в численность городского населения составил 40% и более (с 22 до 29), что на фоне снижения роли малых и крупных городов говорит о стягивании населения в крупнейшие населенные пункты. Как отмечают Т.Г. Нефедова и О.Б. Глезер, основными фокусами притяжения и концентрации населения в настоящее время выступают центры регионов, особенно крупнейшие города с людностью свыше 500 тыс. чел. (их всего 36) и их агломерации. На последние приходится около $\frac{1}{4}$ всего миграционного прироста в городах; еще $\frac{1}{3}$ поглощают Москва и Санкт-Петербург в результате как межрегиональных, так и международных, в основном из бывших республик СССР, миграций (Нефедова, Глезер, 2020).

Наибольшее число малых городов и пгт в 2020 году отмечалось в Московской (109), Нижегородской (74), Иркутской (62), Свердловской (61) и Ленинградской (60) областях. По количеству средних городов лидировали Московская область (16) и Краснодарский край (11), больших городов – Московская (18) и Ростовская (6) области, крупных городов – Московская область (3), Ханты-Мансийский АО (2), Краснодарский край (2) и Вологодская область (2), крупнейших городов и городов-миллионников – Кемеровская (2) и Самарская (2) области, Республика Татарстан (2).

Как отмечалось ранее, малые города и поселки городского типа играют важную роль в освоенности территорий, выступая ее опорным каркасом. В 2020 году в число субъектов, чье городское население не проживает в малых городах и пгт, попали

Таблица 2. Группировка городских населенных пунктов России по численности населения (людности)

Группы по людности, чел.	2002 год		2010 год		2020 год		Изменение (+/-), 2020 год к 2002 году		Изменение (+/-), 2020 год к 2010 году	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Число населенных пунктов, ед.										
<i>Города</i>										
Всего	1098	100,0	1100	100,0	1118	100,0	+20	-	+18	-
до 5000	32	2,9	41	3,7	48	4,3	+16	+1,4	+7	+0,6
5000-9999	101	9,2	115	10,5	155	13,9	+54	+4,7	+40	+3,4
10000-19999	277	25,2	264	24,0	251	22,5	-26	-2,7	-13	-1,5
20000-49999	358	32,6	361	32,8	347	31,0	-11	-1,6	-14	-1,8
50000-99999	163	14,8	155	14,1	146	13,1	-17	-1,7	-9	-1,0
100000-249999	92	8,4	91	8,3	94	8,4	+2	0,0	+3	+0,1
250000-499999	42	3,8	36	3,3	41	3,7	-1	-0,1	+5	+0,4
500000-999999	20	1,8	25	2,3	20	1,8	0	0,0	-5	-0,5
1 млн и более	13	1,2	12	1,1	16	1,4	+3	+0,2	+4	+0,3
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	1842	100,0	1286	100,0	1179	100,0	-663	-	-107	-
до 5000	988	53,6	626	48,7	634	53,8	-354	+0,2	+8	+5,1
5000-9999	582	31,6	455	35,4	368	31,2	-214	-0,4	-87	-4,2
10000-19999	247	13,4	180	14,0	144	12,2	-103	-1,2	-36	-1,8
20000-49999	25	1,4	25	1,9	31	2,6	+6	+1,2	+6	+0,7
50000-99999	0	0,0	0	0,0	2	0,2	+2	+0,2	+2	+0,2
Численность населения, тыс. чел.										
<i>Города</i>										
Всего	95916,5	100,0	97526,8	100,0	102536,6	100,0	+6620,1	-	+5009,8	-
до 5000	110,8	0,1	144,0	0,1	160,5	0,2	+49,7	+0,1	+16,5	+0,1
5000-9999	771,6	0,8	898,8	0,9	1192,1	1,2	+420,5	+0,4	+293,3	+0,3
10000-19999	4093,7	4,3	3814,8	3,9	3691,8	3,6	-401,9	-0,7	-123,0	-0,3
20000-49999	11646,5	12,1	11586,5	11,9	10977,2	10,7	-669,3	-1,4	-609,3	-1,2
50000-99999	11083,2	11,6	10854,2	11,1	10086,7	9,8	-996,5	-1,8	-767,5	-1,3
100000-249999	13816,6	14,4	14105,2	14,5	14286,8	13,9	+470,2	-0,5	+181,6	-0,6
250000-499999	14574,5	15,2	12146,1	12,5	14449,3	14,1	-125,2	-1,1	+2303,2	+1,6
500000-999999	12403,5	12,9	15754,7	16,2	12185,3	11,9	-218,2	-1,0	-3569,4	-4,3
1 млн и более	27416,1	28,6	28222,5	28,9	35507,1	34,6	+8091,0	+6,0	+7284,6	+5,7
<i>Поселки городского типа (пгт)</i>										
Всего	10512,6	100,0	7787,0	100,0	7089,3	100,0	-3423,3	-	-697,7	-
до 5000	2543,1	24,2	1680,2	21,6	1715,0	24,2	-828,1	0,0	+34,8	+2,6
5000-9999	4108,3	39,1	3177,6	40,8	2596,2	36,6	-1512,1	-2,5	-581,4	-4,2
10000-19999	3230,8	30,7	2314,4	29,7	1878,2	26,5	-1352,6	-4,2	-436,2	-3,2
20000-49999	630,4	6,0	614,7	7,9	794,6	11,2	+164,2	+5,2	+179,9	+3,3
50000-99999	0,0	0,0	0,0	0,0	105,2	1,5	+105,2	+1,5	+105,2	+1,5

Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Таблица 3. Распределение регионов России по доле населения разных типов городских поселений (по плотности) в общей численности их городского населения*, число регионов

Год	Доля населения в общей численности городского населения региона				
	0%	до 20%	20–40%	40–60%	60% и более
Малые города и поселки городского типа (до 50 тыс. чел.)					
2002	2	9	50	18	4
2020	3	18	47	15	2
2020 к 2002 (+/-)	+1	+9	-3	-3	-2
Средние и большие города (от 50 до 250 тыс. чел.)					
2002	14	23	26	9	11
2020	16	23	23	11	12
2020 к 2002 (+/-)	+2	0	-3	+2	+1
Крупные города (от 250 до 500 тыс. чел.)					
2002	41	11	8	17	6
2020	49	5	5	14	12
2020 к 2002 (+/-)	+8	-6	-3	-3	+6
Крупнейшие города и города-миллионники (от 500 тыс. чел.)					
2002	52	0	9	13	9
2020	52	1	3	17	12
2020 к 2002 (+/-)	0	+1	-6	+4	+3

* В 2002 году число регионов РФ составляло 83, в 2020 году – 85 (включая Республику Крым и г. Севастополь). Город федерального значения Севастополь в составе имеет 3 городских населенных пункта – Балаклава (численность населения по данным ВПН-2020 – 35919 чел.), пгт Кача (численность населения – 6233 чел.) и г. Инкерман (численность населения – 13858 чел.), остальное городское население Севастополя (449467 чел.) проживает в 3 муниципальных округах (Гагаринском, Ленинском и Нахимовском), которые не имеют городских населенных пунктов, а следовательно, не учитывались при группировке.
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

города Москва и Санкт-Петербург, а также Республика Алтай, в 18 регионах доля городского населения в данном типе поселений не превышала 20%, в 47 находилась в диапазоне от 20 до 40%, в 15 – от 40 до 60%, в 2 (Ненецкий и Чукотский АО) – 60% и более (рис. 9). В большинстве регионов (61) удельный вес городского населения, сконцентрированного в малых городах и пгт, с 2002 года существенно не изменился (рис. 10). В 19 регионах доля населения, проживающего в малых городах и пгт, выросла, в 3 – сократилась.

Основная часть регионов со значительным вкладом населения малых городов в общую численность городских жителей (от 40%) сосредоточена в северных и арктических регионах России (Ненецкий, Чукотский и Ямало-Ненецкий АО, Мурманская, Ленин-

градская, Сахалинская области, республики Саха, Карелия и Коми). Малые города этих регионов чаще всего выполняют роль опорных пунктов северных и восточных нефтегазовых и горнорудных районов, а также портовых центров (Нефедова, Глезер, 2020). Кроме того, немало субъектов с высокой концентрацией городского населения в малых городах оказалось среди регионов Центральной части России (Брянская, Калужская, Смоленская, Тамбовская, Тверская области), что объясняется историей заселения староосвоенных и старопромышленных территорий (Нефедова, Глезер, 2020).

По данным переписи 2020 года, число российских регионов, не имеющих населения средних и больших городов, составило 16, в 23 субъектах удельный вес жителей таких

Рис. 9. Регионы России по доле населения малых городов и пгт, 2020 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

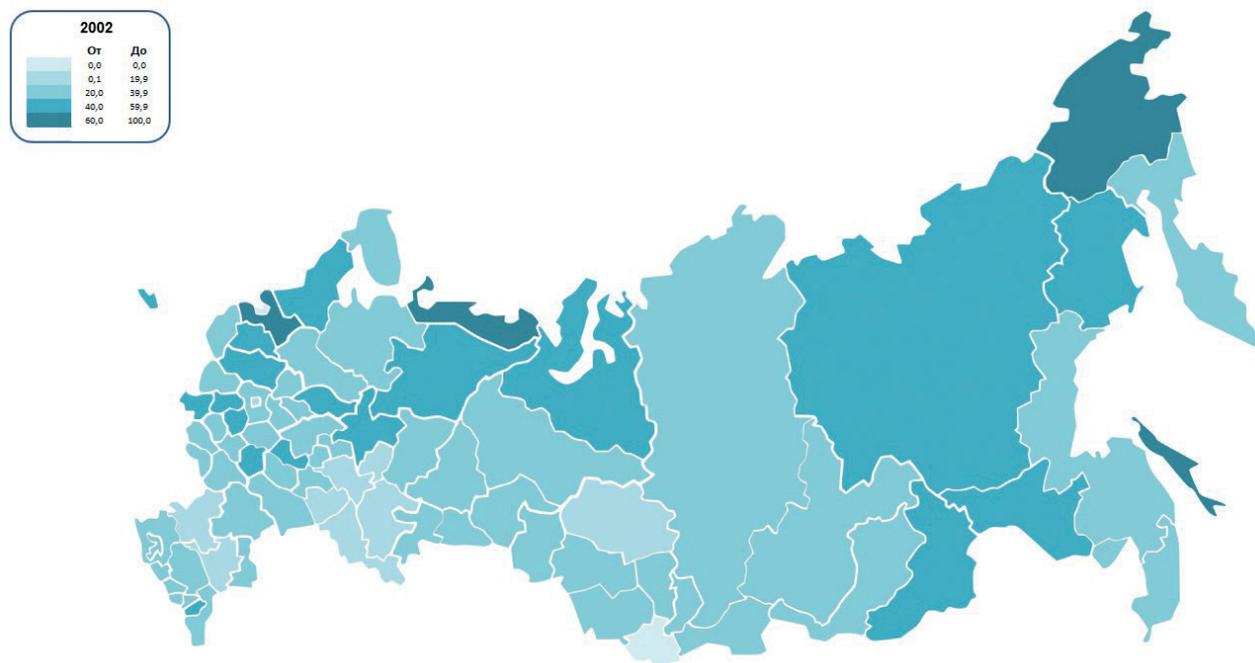

Рис. 10. Регионы России по доле населения малых городов и пгт, 2002 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

населенных пунктов не превышал 20%, в 23 субъектах он составлял от 20 до 40%, в 11 – от 40 до 60%, в 12 – более 60% (рис. 11). В большинстве регионов (в 61) этот показатель за 2002–2020 гг. существенно не изме-

нился (рис. 12). Самая высокая доля городского населения, проживающего в средних и больших городах, характерна для республик Алтай (100%), Калмыкия (82%), Адыгея (81%), Хакасия (71%), Тыва (69%), Ингушетия (66%),

Рис. 11. Регионы России по доле населения средних и больших городов, 2020 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpr_popul

Рис. 12. Регионы России по доле населения средних и больших городов, 2002 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Кабардино-Балкария (65%), Камчатского края (73%), Магаданской (69%) и Псковской (66%) областей, Еврейской автономной области (66%). Несмотря на то, что в России роль больших городов велика, сеть их ред-

кая, что усиливает поляризацию социально-географического пространства (Нефедова, Глезер, 2020).

В 2020 году более чем в половине субъектов РФ (49 из 85) отсутствовало городское

население крупных городов, в 5 регионах его удельный вес не превышал 20%, в 5 – составлял от 20 до 40%, в 14 – от 40 до 60% и в 12 – более 60% (рис. 13). За межпереписной период в большинстве регионов (57) удельный

вес городского населения крупных городов в общем числе городских жителей также существенно не изменился (рис. 14). Однако выросло количество субъектов, не имеющих городского населения крупных городов

Рис. 13. Регионы России по доле населения крупных городов, 2020 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vprn_popul

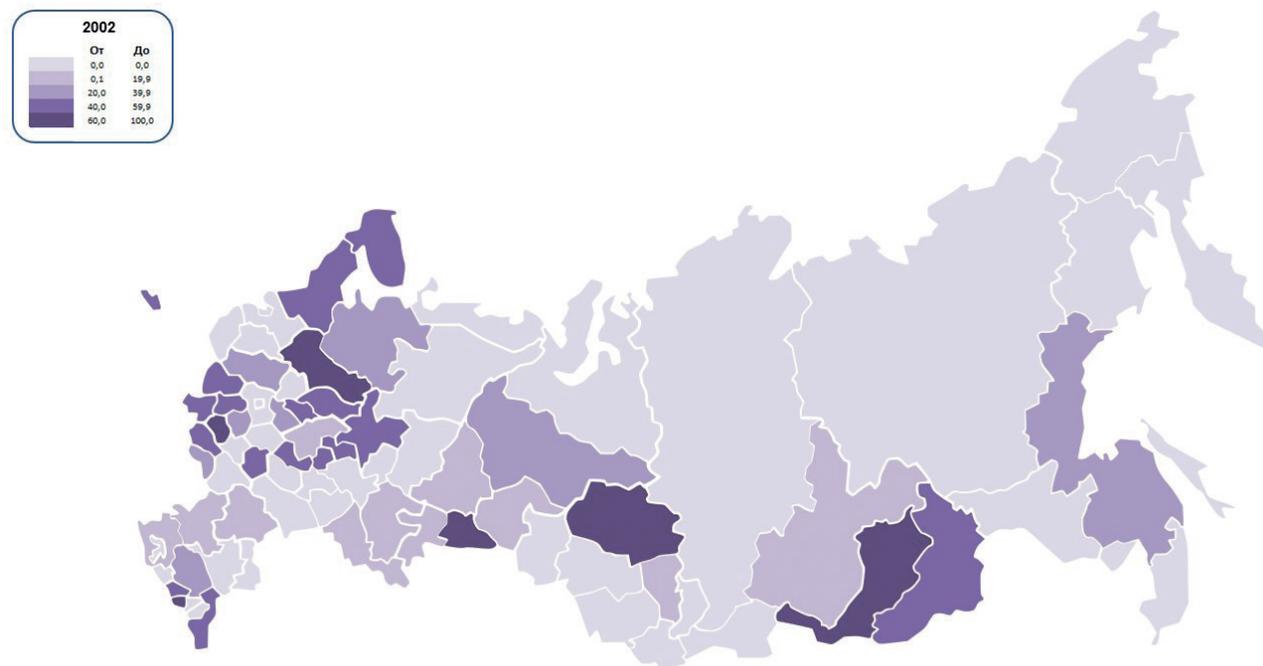

Рис. 14. Регионы России по доле населения крупных городов, 2002 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

(на 7), что говорит о тенденции деградации сети крупных городов.

Основная часть регионов с высоким удельным весом населения крупных городов (от 40%), сосредоточена в Центральной части России, где источниками притяжения населения выступают столицы регионов и их агломерации. Наибольшая доля городского населения крупных городов по данным переписи 2020 года отмечалась в Астраханской (77%), Вологодской (75%), Липецкой (69%), Орловской (64%), Курганской и Костромской (по 63%), Калининградской (62%) областях, республиках Бурятия (76%), Северная Осетия (69%), Чувашия (66%), Мордовия (64%), Марий Эл (61%).

Крупнейшие города чаще всего образуют агломерации, становятся узлами концентрации населения и, как следствие, приводят к опустошению территорий за пределами агломераций (Нефедова, Глезер, 2020). Города-миллионники также являются центрами притяжения для населения не только близлежащих, но и дальних территорий. В 2020 году число регионов, не имеющих городского населения крупнейших горо-

дов и городов-миллионников, составило 52, в 1 субъекте (Московской области) доля проживающего в таких городах населения не превышала 20%, в 3 субъектах находилась в диапазоне от 20 до 40%, в 17 – от 40 до 60% и в 12 – 60% и более (рис. 15). В период с 2002 по 2020 год наблюдалась тенденция концентрации городского населения в крупнейших центрах: выросло число регионов с удельным весом населения крупнейших городов и городов-миллионников в диапазоне 40% и более (на 7) и сократилось количество регионов с его долей до 40% (на 5; рис. 16). В 2020 году в числе регионов, в которых население крупнейших городов и городов-миллионников составляет свыше 60%, по сравнению с 2002 годом впервые оказались Томская (73% городского населения проживает в крупнейшем городе Томске, в 2002 году – 0%), Тюменская (78% городского населения проживает в крупнейшем городе Тюмени, в 2002 году – 20%), Воронежская (67% городского населения проживает в городе-миллионнике Воронеже, в 2002 году – 58%) области, республики Удмуртия (65% городского населения проживает в крупнейшем городе

Рис. 15. Регионы России по доле населения крупнейших городов и городов-миллионников, 2020 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

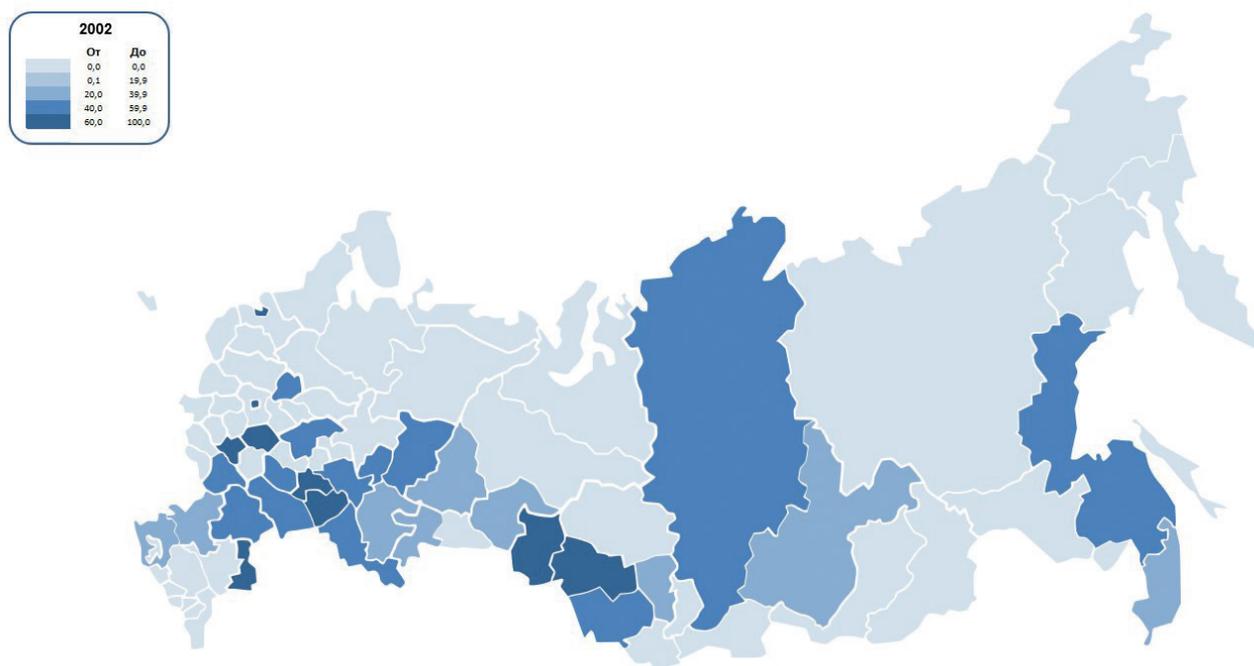

Рис. 16. Регионы России по доле населения крупнейших городов и городов-миллионников, 2002 год, % от общей численности городского населения

Рассчитано по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>

Ижевске, в 2002 году – 58%) и Татарстан (60% городского населения проживает в крупнейшем городе Казани, в 2002 году – 58%).

Основная часть регионов с высоким удельным весом населения крупнейших городов и городов-миллионников (более 40%), не считая города федерального значения – Москву и Санкт-Петербург, находится на юге Центральной части России, Поволжья, на Урале и в Сибири. Чаще всего это субъекты с крупнейшими городами-столицами.

Вклад сельских и городских поселений в динамику численности населения регионов России

За период с 2002 по 2020 год в большинстве регионов России (60 из 81) наблюдалось сокращение численности населения, в 46 из них – за счет убыли и городских, и сельских жителей, в 10 – за счет превышения убыли городского населения над приростом сельского и в 4, напротив, за счет превышения убыли сельского населения над приростом городского (табл. 4).

В 28 из 46 регионов первой группы основной вклад в сокращение численности населения вносило городское население, в 18 – сельское. В 17 регионах данной груп-

пы население убывало преимущественно за счет средних сельских населенных пунктов и малых городов. В 8 регионах (Пермский край, Смоленская, Амурская, Камчатская, Новгородская, Магаданская, Орловская области, Чувашская Республика) убыль населения обеспечивалась по большей части за счет жителей средних сельских поселений, средних и больших городов, в 6 (Нижегородская, Кемеровская, Иркутская, Ростовская, Курганская, Оренбургская области) – жителей средних сельских поселений и крупных городов, в 1 (Липецкая область) – жителей средних сельских поселений и крупнейших городов. В 7 регионах (республики Коми и Калмыкия, Приморский и Забайкальский края, Челябинская, Волгоградская и Тюменская области) наибольший вклад в убыль населения вносили крупные сельские населенные пункты и малые города, в 2 (Мурманская область и Алтайский край) – крупные сельские поселения, а также средние и большие города, в 2 (Хабаровский край и Республика Карелия) – крупные сельские поселения и крупные города.

В снижении численности населения 7 из 10 регионов второй группы (Самарская,

Таблица 4. Вклад сельских и городских населенных пунктов разной людности в сокращение численности населения регионов РФ* за период с 2002 по 2020 год

Регион	Сельские населенные пункты				Городские населенные пункты				
	мелкие (до 200)	средние (от 200 до 1000)	крупные (от 1000)	всего	малые и пгт (до 50 тыс.)	средние и большие (от 50 до 250 тыс.)	крупные (от 250 до 500 тыс.)	крупней- шие (от 500 тыс.)	всего
За счет убыли и сельского, и городского населения (46 регионов)									
Тверская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Ярославская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	↓	↓
Псковская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	-	↓
Архангельская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Кировская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Ивановская обл., Брянская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↓	-	↓
Ульяновская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	↓
Владимирская обл.	↑	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↓
Еврейская авт. обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Чукотский АО	↑	↓	↑	↓	↓	-	-	-	↓
Саратовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Омская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓	↓
Тамбовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Пензенская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	↓
Костромская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓	-	↓
Курская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑	-	↓
Вологодская обл., Республика Мордовия	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	-	↓
Рязанская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↑	↓
Пермский край	↓	↓	↑	↓	↓	↓	-	↑	↓
Смоленская обл.	↓	↓	↑	↓	↑	↓	↓	-	↓
Амурская обл., Камчатская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Новгородская, Магаданская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Орловская обл.	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	-	↓
Чувашская Республика	↑	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↓
Нижегородская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	↓
Кемеровская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓
Иркутская обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Ростовская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Оренбургская обл.	↑	↓	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↓
Курганская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↓
Липецкая обл.	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↑	↓	↓
Тюменская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓
Республика Коми	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Приморский край	↑	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Челябинская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Забайкальский край	↑	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↓
Республика Калмыкия	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	-	↓
Волгоградская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑	↓
Мурманская обл.	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↓	-	↓
Алтайский край	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↓
Хабаровский край	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↓
Республика Карелия	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↓	-	↓

За счет убыли городского населения (10 регионов)									
Свердловская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↓	↑	↓
Тульская обл.	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↓	-	↓
Удмуртская Республика	↓	↓	↑	↑	↓	↓	-	↓	↓
Сахалинская обл.	↓	↑	↑	↑	↓	↑	-	-	↓
Самарская обл.	↑	↓	↑	↑	↓	↓	-	↓	↓
Республика Башкортостан	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↑	↑	↓
Республика Бурятия	↑	↓	↑	↑	↓	-	↑	-	↓
Республика Хакасия	↑	↓	↑	↑	↑	↓	-	-	↓
Республика Северная Осетия – Алания	↑	↓	↑	↑	↓	-	↓	-	↓
Астраханская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	-	↑	↓	↓
За счет убыли сельского населения (4 региона)									
Красноярский край	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↑
Республика Марий Эл	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↑
Ненецкий АО	↓	↓	↓	↓	↑	-	-	-	↑
Воронежская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↓	-	↑	↑

* За исключением Республики Крым и г. Севастополя, которые вошли в состав РФ в 2014 году.
 Условные обозначения: ↑ – рост численности населения; ↓ – сокращение численности населения; выделение заливкой: – наибольший вклад в убыль численности; – наибольший вклад в увеличение численности; - населенные пункты данного типа отсутствуют.
 Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>;
 Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Сахалинская, Свердловская, Тульская области, республики Башкортостан, Бурятия и Удмуртия) основную роль играла убыль жителей малых городов. В Республике Хакасия население сокращалось по большей части за счет жителей средних и больших городов, в Республике Северная Осетия – крупных городов, в Астраханской области – крупнейших городов.

В третьей группе оказались Красноярский край, Республика Марий Эл, Ненецкий АО и Воронежская область. В первых трех регионах численность населения снижалась преимущественно за счет жителей средних сельских населенных пунктов, тогда как в Воронежской области – крупных сельских поселений.

За межпереписной период только в 23 субъектах РФ отмечался прирост численности населения, в 12 из них – вследствие увеличения численности как сельских, так и городских жителей, в 10 – компенсации убыли сельского населения приростом численности городских жителей и только в 1,

напротив, – вследствие компенсации убыли городского населения приростом численности сельских жителей (табл. 5).

Численность населения Белгородской области и Карачаево-Черкесской Республики увеличилась преимущественно за счет населения крупных сельских поселений и малых городов, Калужской и Ленинградской областей, республик Тыва и Адыгея – крупных сельских поселений, больших и средних городов, Калининградской и Московской областей, Ханты-Мансийского АО и Чеченской Республики – крупных сельских населенных пунктов и крупных городов. Рост численности населения Республики Дагестан и Краснодарского края обеспечивался жителями крупных сельских поселений и крупнейших городов.

В городах федерального значения Москве и Санкт-Петербурге с 2002 по 2020 год численность населения выросла. Население республик Алтай и Ингушетия, а также Ямало-Ненецкого АО увеличилось за счет жителей средних и больших городов, Республики

Таблица 5. Вклад сельских и городских населенных пунктов разной людности в увеличение численности населения регионов РФ* за период с 2002 по 2020 год

Регион	Сельские населенные пункты				Городские населенные пункты				
	мелкие (до 200)	средние (от 200 до 1000)	крупные (от 1000)	всего	малые и пгт (до 50 тыс.)	средние и большие (от 50 до 250 тыс.)	крупные (от 250 до 500 тыс.)	крупней- шие (от 500 тыс.)	всего
За счет прироста и сельского, и городского населения (12 регионов)									
Белгородская обл.	↓	↓	↑	↑	↑	↑	↑	-	↑
Карачаево-Черкесская Республика	↓	↓	↑	↑	↑	↓	-	-	↑
Калужская обл.	↓	↓	↑	↑	↑	↑	↑	-	↑
Республика Тыва	↓	↓	↑	↑	↑	↑	-	-	↑
Республика Адыгея	↑	↓	↑	↑	↓	↑	-	-	↑
Ленинградская обл.	↑	↑	↑	↑	↑	↑	-	-	↑
Калининградская обл.	↓	↓	↑	↑	↓	-	↑	-	↑
Ханты-Мансийский АО	↓	↓	↑	↑	↓	↓	↑	-	↑
Чеченская Республика	↑	↑	↑	↑	↓	↓	↑	-	↑
Московская обл.	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↑
Республика Дагестан	↑	↑	↑	↑	↑	↑	↓	↑	↑
Краснодарский край	↑	↓	↑	↑	↓	↓	↑	↑	↑
За счет прироста городского населения (10 регионов)									
Республика Алтай	↑	↓	↑	↓	-	↑	-	-	↑
Республика Саха (Якутия)	↓	↓	↑	↓	↓	↓	↑	-	↑
Томская обл.	↑	↓	↓	↓	↓	↓	↓	↑	↑
Новосибирская обл.	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	↑	↑
Республика Татарстан	↑	↓	↑	↓	↑	↑	-	↑	↑
Ямало-Ненецкий АО	↓	↓	↓	↓	↓	↑	-	-	↑
Республика Ингушетия	↓	↑	↓	↓	↑	↑	-	-	↑
Ставропольский край	↑	↓	↓	↓	↓	↑	↓	↑	↑
г. Санкт-Петербург	-	-	-	-	-	-	-	↑	↑
г. Москва	-	-	-	-	↓	↓	-	↑	↑
За счет прироста сельского населения (1 регион)									
Кабардино-Балкарская Республика	↑	↓	↑	↑	↓	↑	↓	-	↓

* За исключением Республики Крым и г. Севастополя, которые вошли в состав РФ в 2014 году.
Условные обозначения: ↑ – рост численности населения, ↓ – сокращение численности населения, выделение заливкой: – наибольший вклад в убыль численности, – наибольший вклад в увеличение численности; - населенные пункты данного типа отсутствуют.
Составлено по: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11>; Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul

Саха – жителей крупных городов, а Томской и Новосибирской областей, Ставропольского края и Республики Татарстан – крупнейших городов. Наибольший вклад в увеличение численности населения Кабардино-Балкарской Республики в этот период внесли жители крупных сельских поселений.

Заключение

Проведенное исследование позволило изучить особенности трансформации систем расселения в контексте пространственного развития России и выявить их региональную специфику. В ходе работы подтвержден тезис о сжатии освоенного пространства в России и сопровождающих его фрагментации и поляризации системы расселения. При этом установлено, что поляризация пространства происходит и в сельской, и в городской местности. В сельской местности она выражается в росте доли безлюдных сельских поселений, что, как следствие, приводит к обезлюдению сельских территорий, и в стягивании населения в крупные сельские населенные пункты, особенно с людностью от 2000 чел. Крупные сельские поселения наиболее устойчивы и благополучны для жизни и работы, но сеть их не так велика и в условиях недостаточной транспортной доступности не обеспечивает «связанности» сельских поселений. Поляризация пространства городской местности проявляется в концентрации населения страны в крупнейших городах и городах-миллионниках при одновременной деградации системы расселения малых, средних и крупных городов, служащих узлами опорного каркаса территорий. В результате значительные территории пустеют, а население стягивается преимущественно в благополучные по совокупности условий ареалы, что, как следствие, приводит к крайней степени поляризации – локализационному сжатию социально-экономического пространства (Глезер, Вайнберг, 2013).

Выявлена региональная специфика сельского и городского расселения и наблюдаемых в нем тенденций, обусловленная разнообразием природно-климатических условий, разной историей освоения и заселения

территорий, незавершенным характером урбанизации, выраженным социально-экономическим неравенством и особенностями административно-территориальных преобразований:

- выраженное обезлюдение сельских поселений в Центральной и Северо-Западной частях России и его нарастание за период с 2002 по 2020 год;

- концентрация сельского населения регионов Центра и Северо-Запада в малолюдных населенных пунктах, а сельского населения регионов Северного Кавказа и Юга – в крупных поселениях;

- равномерное распределение сельского населения средних населенных пунктов в Европейской (за исключением Северного Кавказа) и Азиатской частях России;

- высокий вклад населения малых городов в общую численность городских жителей в регионах Севера и Арктики, Центральной части;

- концентрация населения крупных и крупнейших городов в регионах Центра и Юга, Поволжья и Сибири.

За период с 2002 по 2020 год в большинстве регионов России (60 из 81) наблюдалось сокращение численности населения, в 46 из них – за счет убыли и городских, и сельских жителей. Основной вклад в сокращение численности сельского населения вносили жители средних сельских населенных пунктов, а городского – жители малых городов. Лишь в 23 субъектах РФ с 2002 по 2020 год произошел прирост населения, более чем в половине из них (в 12) – за счет увеличения численности и сельских, и городских жителей. В большей степени прирост сельского населения был обусловлен разрастанием крупных сельских населенных пунктов, а городского – средних, больших и крупнейших городов.

Обозначенные пространственные трансформации в системе расселения неизбежно приводят к изменениям в демографической ситуации – миграционной убыли с территорий-доноров и миграционному притоку на территории-акцепторы, трансформации возрастного состава населения (постарению населения территорий выбытия, «омоложению» населения принимающих территорий), из-

менению характеристик воспроизводства населения на них (рождаемости и смертности). Возникающие социально-демографические диспропорции влекут за собой снижение трудового потенциала малых городов и малых сельских поселений, концентрацию трудовых ресурсов в крупных населенных пунктах. Наблюдаемые явления усиливают социально-экономическое неравенство, так как положение населения периферии становится уязвимым как в части доступности социальных объектов и цифровых технологий, так и в части реализации возможностей на рынке труда.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие представлений о современных

тенденциях трансформации системы городского и сельского расселения в России и их региональных особенностях. Кроме того, в работе определен вклад городских и сельских поселений разной людности в демографическую динамику субъектов РФ. Полученные результаты могут лечь в основу научно обоснованной системы управленческих решений по нивелированию возможных негативных последствий трансформаций системы расселения в рамках проводимой социально-экономической, демографической и миграционной политики, в том числе в отношении занятости населения.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев А.И., Сафронов С.Г. (2015). Изменение сельского расселения в России в конце XX – начале XXI века // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. № 2. С. 66–76.
- Глезер О.Б., Вайнберг Э.И. (2013). Пространство жизнедеятельности населения и расселение как факторы и условия модернизации России // Регион: экономика и социология. № 3. С. 21–38.
- Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. Памяти Вениамина Петровича Семенова-Тян-Шанского (2001) / под ред. Т.Г. Нефедовой, П.М. Поляна, А.И. Трейвиша. Москва: ОГИ. 558 с.
- Егоров Д.О. (2020). Пространственное сжатие и поляризация сельского пространства Республики Татарстан на фоне депопуляции населения // Региональные исследования. № 4 (70). С. 32–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-3
- Зайончковская Ж.А. (1991). Демографическая ситуация и расселение. Москва: Наука. 132 с.
- Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В. (2013). Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. Москва: ИД Кодекс. С. 188–223.
- Зубаревич Н.В. (2010). Регионы России. Неравенство, кризис, модернизация. Москва: Независимый институт социальной политики. 160 с.
- Зубаревич Н.В. (2013). Трансформация сельского расселения и сети услуг в сельской местности // Известия РАН. Сер. геогр. № 3. С. 26–38.
- Карачурина Л.Б. (2013). Демографические трансформации городов постсоветской России // Региональные исследования. № 3. С. 23–36.
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В. (2013). Изменение численности населения административных районов и городов России (1989–2010 гг.): центр-периферийные соотношения // Вопросы географии. Сб. 135: География населения и социальная география / отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. Москва: ИД Кодекс. С. 82–107.
- Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2016). Поляризация пространства центрально-русского мегалополиса и мобильность населения // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5: География. № 5. С. 77–85.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России (2016) / под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. Москва: Новый хронограф. 504 с.
- Мкртчян Н.В. (2011). Миграционный баланс российских городов: к вопросу о влиянии размера и положения в системе центр-периферийных отношений // Научные труды: Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН / гл. ред. А.Г. Коровкин. Москва: МАКС Пресс. С. 416–430.

- Мкртчян Н.В. (2018). Региональные столицы России и их пригороды: особенности миграционного баланса // Известия РАН. Сер. геогр. № 6. С. 26–38.
- Моргунов Е.В., Шутов О.Л., Фатуллаев С.Т. (2021). Теоретико-методологические подходы к определению городской агломерации как пространственно-локализованной подсистемы российских регионов // Вестник МИРБИС. № 3 (27). С. 28–36. DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3
- Нефедова Т.Г. (2013). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. Москва: URSS. 456 с.
- Нефедова Т.Г. (2018). Факторы и тенденции изменения сельского расселения в России // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. № 7. С. 1–12.
- Нефедова Т.Г. (2021). Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. № 1. С. 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153
- Нефедова Т.Г., Глезер О.Б. (2020). Трансформация социально-географического пространства России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / ред. В.М. Котляков, А.Н. Швецов, О.Б. Глезер. Москва: Товарищество научных изданий КМК. С. 214–251.
- Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. (2015). Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. № 12. С. 60–69.
- Нефедова Т.Г., Старикова А.В. (2020). Миграции населения как способ его адаптации к поляризации пространства в Центре России // Социологические исследования. № 10. С. 24–38. DOI: 10.31857/S013216250009567-6
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. (2020). Поляризация и сжатие освоенных пространств в центре России: тренды, проблемы, возможные решения // Демографическое обозрение. № 7 (2). С. 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138
- Румянцев И.Н., Смирнова А.А., Ткаченко А.А. (2019). Сельские населенные пункты «без населения» как географический и статистический феномен // Вестник Московского ун-та. Сер. 5: География, 1, 29–37.
- Соловьева Т.С. (2022). Особенности занятости населения России в контексте пространственного развития территорий // Экономика труда. Т. 9. № 7. С. 1147–1166. DOI: 10.18334/et.9.7.114801
- Трейвиш А.И. (2009). Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. Москва: Новый хронограф. 372 с.
- Черныш М.Ф., Маркин В.В., Ардальянова А.Ю. [и др.] (2020). Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: монография / отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ РАН. Москва: ФНИСЦ РАН. 523 с.
- Baron M. [et al.] (2010). *Villes et Regions Europeennes en Decroissance, Maintenir la Cohesion Territorial*. Paris, Lavoisier.
- Borsdorf A., Salet W. (2007). Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. *Belgeo*, 1, 3–14. DOI: 10.4000/belgeo.11604
- Christaller W. (1933). *Die Zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer.
- Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, 155, 60–69. DOI: 10.2307/635381
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Boston: The MIT Press.
- Geyer Y.S., Kontuly T. (1993). The Theoretical Foundation of the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, 15 (3), 157–177. DOI: 10.1177/016001769301500202

- Haase A. [et al.] (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A*, 46, 1519–1534. DOI: 10.1068/a46269
- Krugman P. (1998). Spase: The final frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 12 (2), 161–174.
- Lösch A. (1954). *The Economics of Location*. New Haven: Yale University Press.
- Nam C.W., Richardson H.W. (2014). *Shrinking Cities: A global Perspective (Regions and Cities Series)*. New York, Routledge.
- Pallagst K., Martinez-Fernandez C., Wiechmann (Hrsg) Th. (2013). *Shrinking Cities – International Perspectives and Policy Implications*. Routledge Publishers.
- Partridge M. [et al.] (2006). Does the new economic geography explain U.S. core-periphery population dynamics? *Paper Prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association*, March 30 – April 1, St. Augustine, Florida.
- Polese M., Shearmur R. (2006). Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies. *Papers in Regional Science*, 85, 23–46. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2006.00024.x
- Richardson H.W. (1993). *Regional Growth Theory*. London: Macmillan.
- Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2009). Spatial impacts of demographic change in Germany. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, 33, 181–205. DOI: 10.1007/s12523-009-0010-9

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александра Владимировна Короленко – научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: coretra@yandex.ru)

Korolenko A.V.

SPATIAL TRANSFORMATIONS OF RUSSIA'S TERRITORIES: TRENDS AND REGIONAL DIFFERENCES IN RESETTLEMENT

The population of Russia is unequally distributed over its territory: $\frac{3}{4}$ of the country's inhabitants live on $\frac{1}{4}$ of the area and, on the contrary, $\frac{3}{4}$ of the area is inhabited by $\frac{1}{4}$. One of the tasks of the Strategy for spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025 is to reduce the level of inter-regional differentiation in socio-economic development of the subjects of the Russian Federation by increasing the stability of the settlement system. However, the basic framework of settlement in Russia covers a small part of the territory, has gaps and is fragmented in places, which increases the polarization of the socio-geographical space of the country and regions. The purpose of the study was to identify trends and regional features of the changes in the settlement system in the context of spatial transformations of the Russian territories. Main methods are spatial and temporal analysis, methods of grouping and data visualization by cartography. Information base is the data from the 2002, 2010, and 2020 All-Russian Population Censuses. The study confirms the thesis of the contraction of mastered space in Russia and the accompanying polarization of the settlement system in both rural and urban areas. Regional specifics of rural and urban settlement have been revealed: pronounced depopulation of rural settlements in Central and Northwestern parts of Russia and its increasing; concentration of the rural population of the regions of the Center and Northwest in small settlements, rural population of the regions of the North Caucasus and the South – in large settlements; equal concentration of rural population of medium settlements in the European (except for the North Caucasus) and Asian parts of Russia; high contribution of the small town population to the total number of urban residents

in the regions of the North and the Arctic, the Central part; concentration of the population of large and major cities in the regions of the Center and South, the Volga region and Siberia. It has been established that in most Russian regions the population decreased in 2002–2020, mainly due to a simultaneous loss of both rural and urban residents. The main share in the loss of rural population for the period between the censuses was contributed by the inhabitants of medium-sized rural settlements, and the loss of urban population by the inhabitants of small towns.

Spatial transformations, resettlement, rural settlements, urban settlements, population, population size, regions of Russia.

REFERENCES

- Alekseev A.I., Safronov S.G. (2015). Changes in rural settlement patterns in Russia during the late 20th – early 21st centuries. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.5. Geografiya=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography, 2*, 66–76 (in Russian).
- Baron M. et al. (2010). *Villes et Regions Europeennes en Decroissance, Maintenir la Cohesion Territoriale*. Paris: Lavoisier.
- Borsdorf A., Salet W. (2007). Spatial reconfiguration and problems of governance in urban regions of Europe: An introduction to the Belgeo issue on advanced service sectors in European urban regions. *Belgeo*, 1, 3–14. DOI: 10.4000/belgeo.11604
- Chernysh M.F., Markin V.V., Ardal'yanova A.Yu. et al. (2020). *Prostranstvennoe razvitie malykh gorodov: sotsial'nye strategii i praktiki: monografiya* [Spatial Development of Small Towns: Social Strategies and Practices: A Monograph]. Moscow: FCTAS RAS.
- Christaller W. (1933). *Die Zentralen Orte in Süddeutschland*. Jena: Gustav Fischer.
- Egorov D.O. (2020). Spatial shrinking and polarization of rural space in the Republic of Tatarstan in the context of population depopulation. *Regional'nye issledovaniya*, 4(70), 32–45. DOI: 10.5922/1994-5280-2020-4-3 (in Russian).
- Fielding A. (1989). Migration and counter urbanization in Western Europe since 1950. *Geographical Journal*, 155, 60–69. DOI: 10.2307/635381
- Friedmann J. (1966). *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Boston: The MIT Press.
- Geyer Y.S., Kontuly T. (1993). The theoretical foundation of the concept of differential urbanization. *International Regional Science Review*, 15 (3), 157–177. DOI: 10.1177/016001769301500202
- Glezer O.B., Vainberg E.I. (2013). The population's living space and settlement patterns as the factors and conditions of modernization in Russia. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya=Region: Economics and Sociology*, 3, 21–38 (in Russian).
- Haase A. et al. (2014). Conceptualizing urban shrinkage. *Environment and Planning A*, 46, 1519–1534. DOI: 10.1068/a46269
- Karachurina L.B. (2013). The demographic transformation of post-Soviet Russian cities. *Regional'nye issledovaniya*, 3, 23–36 (in Russian).
- Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V. (2013). Change of population numbers in administrative units and cities of Russia (1989–2010): Centre-periphery relationships. In: *Voprosy geografii. Sb.135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya* [Problems of Geography. Vol.135: Geography of Population and Social Geography]. Moscow: ID Kodeks. (in Russian).
- Krugman P. (1998). Space: The final frontier. *Journal of Economic Perspectives*, 12 (2), 161–174.
- Lösch A. (1954). *The Economics of Location*. New Haven: Yale University Press.
- Makhrova A.G., Nefedova T.G., Treivish A.I. (2016). The central Russian megalopolis: Polarization of space and population mobility. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.5. Geografiya=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography, 5*, 77–85 (in Russian).

- Mkrtchyan N.V. (2011). Migration balance of Russian cities: On the role of population size and position in the system of central-peripheral relations. In: *Nauchnye trudy: In-t narodnokhoz. prognozirovaniya RAN* [Scientific Works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences]. Moscow: MAKS Press (in Russian).
- Mkrtchyan N.V. (2018). Regional capitals and their suburbs in Russia: Net migration patterns. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya=Proceedings of the RAS. Geographic Series*, 6, 26–38 (in Russian).
- Morgunov E.V., Shutov O.L., Fatullaev S.T. (2021). Theoretical and methodological approaches to the definition of urban agglomeration as a spatially localized subsystem of Russian regions. *Vestnik MIRBIS*, 3(27), 28–36. DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.3.3 (in Russian).
- Nam C.W., Richardson H.W. (2014). *Shrinking Cities: A global Perspective (Regions and Cities Series)*. New York, Routledge.
- Nefedova T.G. (2013). *Desyat' aktual'nykh voprosov o sel'skoi Rossii. Otveti geografa* [Ten topical Issues about Rural Russia. A Geographer's Viewpoint]. Moscow: URSS. 456 с.
- Nefedova T.G. (2018). Factors and trends of the structure of rural settlements in Russia. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Vestnik Assotsiatsii rossiiskikh geografov-obshchestvedov*, 7, 1–12 (in Russian).
- Nefedova T.G. (2021). Polarization of the social-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of central Russia. *Krest'yanovedenie=Peasant Studies*, 1, 126–153. DOI: 10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153 (in Russian).
- Nefedova T.G., Averkieva K.V., Makhrova A.G. (Eds.). (2016). *Mezhdum domom i ... domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobil'nost' naseleniya Rossii* [Between Home and... Home. The Return Spatial Mobility of Population in Russia]. Moscow: Novyi khronograf.
- Nefedova T.G., Glezer O.B. (2020). Transformation of the socio-geographic space of Russia. In: *Vyzovy i politika prostranstvennogo razvitiya Rossii v 21 veke* [Challenges and Policy of Russia's Spatial Development in the 21st Century]. Moscow: KMK Scientific Press Ltd. (in Russian).
- Nefedova T.G., Pokrovskii N.E., Treivish A.I. (2015). Urbanization, desurbanization and rural-urban communities in the face of growing horizontal mobility. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12, 60–69 (in Russian).
- Nefedova T.G., Polyana P.M., Treivish A.I. (Eds.) (2001). *Gorod i derevnya v Evropeiskoi Rossii: sto let peremen. Pamyati Veniamina Petrovicha Semenova-Tyan-Shanskogo* [The Town and the Country in European Russia: One Hundred Years of Changes. In Memory of Veniamin Petrovich Semenov-Tyan-Shanskii]. Moscow: OGI.
- Nefedova T.G., Starikova A.V. (2020). Migrations as a way of population adaptation to polarization of space at the center of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 10, 24–38. DOI: 10.31857/S013216250009567-6 (in Russian).
- Nefedova T.G., Treivish A.I. (2020). Polarization and shrinkage of active space in the core of Russia: Trends, problems and possible solutions. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, (2), 31–53. DOI: 10.17323/demreview.v7i2.11138 (in Russian).
- Pallagst K., Martinez-Fernandez C., Wiechmann (Hrsg) Th. (2013). *Shrinking Cities—International Perspectives and Policy Implications*. Routledge Publishers.
- Partridge M. et al. (2006). Does the new economic geography explain U.S. core-periphery population dynamics? *Paper Prepared for the 45th Annual Meetings of the Southern Regional Science Association*, March 30–April 1, St. Augustine, Florida.
- Polese M., Shearmur R. (2006). Why some regions will decline: A Canadian case study with thoughts on local development strategies. *Papers in Regional Science*, 85, 23–46. DOI: 10.1111/j.1435-5957.2006.00024.x
- Richardson H.W. (1993). *Regional Growth Theory*. London: Macmillan.

- Rumyantsev I.N., Smirnova A.A., Tkachenko A.A. (2019). Rural settlements “without population” as a geographical and statistical phenomenon. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.5. Geografiya=Moscow University Bulletin. Series 5, Geography*, 1, 29–37 (in Russian).
- Soloveva T.S. (2022). Features of the Russian population employment in the context of spatial development. *Ekonomika truda=Labor Economics*, 9(7), 1147–1166. DOI: 10.18334/et.9.7.114801 (in Russian).
- Swiaczny F., Graze P., Schlömer C. (2009). Spatial impacts of demographic change in Germany. *Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, 33, 181–205. DOI: 10.1007/s12523-009-0010-9
- Treivish A.I. (2009). *Gorod, raion, strana i mir. Razvitie Rossii glazami stranoveda* [City, District, Country and World. Development of Russia through the eyes of a country studies specialist]. Moscow: Novyi khronograf.
- Zaionchkovskaya Zh.A. (1991). *Demograficheskaya situatsiya i rasselenie*. [Demographic Situation and Settlement]. Moscow: Nauka.
- Zaionchkovskaya Zh.A., Ioffe G.V. (2013). Dynamics of settlement pattern in the Moscow oblast as a reflection of post-soviet transformations. In: *Voprosy geografii. Sb. 135: Geografiya naseleniya i sotsial'naya geografiya*. [Problems of Geography. Vol.135: Geography of Population and Social Geography]. Moscow: ID Kodeks (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2010). *Regiony Rossii. Neravenstvo, krizis, modernizatsiya* [Regions of Russia. Inequality, Crisis, Modernization]. Moscow: Nezavisimyi institut sotsial'noi politiki.
- Zubarevich N.V. (2013). Transformation of rural settlement pattern and service network in rural areas. *Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya=Proceedings of the RAS. Geographic Series*, 3, 26–38 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandra V. Korolenko – Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: coretra@yandex.ru)

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.5

УДК 336.225 | ББК 65.261.4

© Пугачев А.А.

ВЗАИМОСВЯЗЬ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ С РЕГИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЕЙ В РОССИИ: ПОДХОД К ОЦЕНКЕ НА ОСНОВЕ НАЛОГОВЫХ ИНДИКАТОРОВ

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ПУГАЧЕВ

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Ярославль, Российская Федерация

e-mail: andrxim@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7989-6353

В России сегодня достаточно остро стоят проблемы региональной и социальной дифференциации и поиска путей их преодоления, одним из которых может быть развитие потенциала налоговых инструментов сглаживания неравенства. Цель исследования – определение налоговых индикаторов неравенства регионов России по поступлениям НДФЛ для оценки взаимосвязи подоходного налогообложения с региональной и социальной дифференциацией. Приращение научного знания в рамках настоящего исследования состоит в разработке и апробации подхода к оценке уровня дифференциации регионов России и граждан на основе показателей концентрации и вариации по среднему душевому налоговому поступлениям, являющихся налоговыми индикаторами неравенства граждан по доходам и неравенства субъектов Федерации по поступлениям НДФЛ. В рамках исследования с использованием пакета «Анализ данных» табличного процессора MS Excel рассчитаны 7 показателей дифференциации, концентрации и вариации по 85 регионам за 16 лет с 2006 по 2021 год на основе данных Росстата и Федеральной налоговой службы РФ. В результате сформирован единый Data set, включающий около 10 тыс. показателей. Расчет и анализ налоговых индикаторов позволил доказать, что НДФЛ в России не только не сглаживает неравенство граждан по доходам, но и, наоборот, усиливает его. В региональном разрезе неравенство граждан проявляется более ярко вследствие существенной дифференциации субъектов Федерации. С позиций сглаживания неравенства граждан по доходам, а также региональной дифференциации по налоговым поступлениям целесообразными могут быть такие меры

Для цитирования: Пугачев А.А. (2023). Взаимосвязь налогообложения с региональной и социальной дифференциацией в России: подход к оценке на основе налоговых индикаторов // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 76–91. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.5

For citation: Pugachev A.A. (2023). Relationship of taxation with regional and social differentiation in Russia: Assessment approach based on tax indicators. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 76–91. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.5

в области подоходного налогообложения, как усиление прогрессии НДФЛ, введение необлагаемого минимума, корректировка системы налоговых вычетов, переход к уплате НДФЛ по месту регистрации налогоплательщика. Поиск действенных инструментов преодоления неравенства в России открывает широкие перспективы для дальнейших исследований.

НДФЛ, неравенство, дифференциация, концентрация, вариация, налоговые индикаторы, бюджет, сглаживание, коэффициент Джини.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации № МК-2397.2022.2.

Введение

Новейшая история России остро поставила проблемы дифференциации по экономическому положению как для регионов, так и для граждан. Несмотря на предпринимаемые меры, сгладить неравенство не удается на протяжении 30 лет. Социальное неравенство по доходам становится критичным: по различным оценкам, до 20% граждан живут за чертой бедности, в то же время 0,0001% взрослого населения в России – около 500 «сверхбогатых» граждан – владеют 40% всех финансовых активов россиян, или суммой \$640 млрд¹.

Уровень благосостояния в регионах России существенно дифференцирован. Коэффициент Джини по субъектам Федерации отличался в 2021 году на 0,10 п. от 0,42–0,44 в Тюменской области, Ямало-Ненецком и Ненецком автономных округах и Москве до 0,33–0,34 в республиках Ингушетии, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Карелии, Удмуртии, Хакасии, Чувашии, а также в Тверской, Мурманской, Новгородской, Владимирской, Кировской, Костромской, Челябинской областях и Еврейской автономной области². Среднедушевые денежные доходы населения по регионам в 2021 году, по данным Росстата, различались до 6 раз. Например, при 18 тыс. руб. на человека в месяц в Республике Ингушетии, 20 тыс. руб. – в Республике Тыва и 20,5 тыс. руб. – в Карачаево-Черкесской Республике в автономных округах они со-

ставляют 97,4 тыс. руб. – в Чукотском, 96 тыс. руб. – в Ямало-Ненецком, 85,2 тыс. руб. – Ненецком и 88 тыс. руб. – в Москве³.

Действующая система выравнивания бюджетной обеспеченности регионов приводит к рискам иждивенческих настроений бедных регионов при отсутствии стимула развития у традиционных регионов-доноров. При этом дифференциация не остается постоянной, в связи с чем необходимы индикаторы динамики дифференциации регионов и граждан в зависимости от воздействующих факторов, в частности от подоходного налогообложения.

Проявление региональной и социальной дифференциации в налоговых показателях не становилось предметом отдельных исследований. Вместе с тем вопросы диспропорций регионального развития, социального неравенства граждан, воздействия налогообложения на неравенство достаточно глубоко рассмотрены как отечественной, так и зарубежной наукой.

Социальные аспекты и справедливость налогообложения исследуются в работах отечественных ученых со времен имперской России XIX–XX вв.: И.Е. Горлова, А.А. Исаева, Д.М. Львова, Н.И. Тургенева, И.И. Янжула. Среди современных ученых значительный вклад внесли И.В. Караваева, Л.И. Гончаренко, Н.И. Малис, И.А. Майбуров, М.Р. Пинская, Ю.Д. Шмелев и др.

Экономист, декабрист Н.И. Тургенев считал справедливым соразмерное распреде-

¹ Эксперты оценили стоимость активов 500 «сверхбогатых» россиян // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economic/s/10/06/2021/60c0c14f9a79476c014a3263> (дата обращения 04.11.2022).

² Коэффициент Джини / ЕМИСС. Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения 04.11.2022).

³ Среднедушевые денежные доходы населения по субъектам Российской Федерации // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397?print=1> (дата обращения 04.11.2022).

ление налогов, соответствующее доходам граждан (Сперанский и др., 1998).

И.В. Караваева приходит к выводу, что в России «адаптивность социально ориентированных налогов задачам социальной защиты населения нельзя считать удовлетворительной». Основной особенностью применения налоговых методов социальной поддержки населения является стремление компенсировать ухудшение социально-экономической ситуации наращиванием доли социальных расходов, для чего наращены объемы отчислений в государственные фонды социального страхования. При этом практически игнорируется возможность использования социально ориентированных налогов и, прежде всего, формирования адресной системы подоходного налогообложения (Караваева, 2012).

Н.И. Малис и Л.П. Грундел отмечают: «Назрела необходимость изменения подхода к налогообложению доходов и имущества физических лиц и ужесточению контроля за сбором налогов» (Малис, Грундел, 2021).

И.А. Майбуров подчеркнул, что переход к пропорциональной модели НДФЛ практически не повлиял на его фискальную значимость, не принес ожидаемого эффекта легализации заработных плат и кардинального снижения доли скрытой оплаты труда. Еще в 2015 году ученый отмечал, что «реформа подоходного налогообложения может не оправдать ожидания малоимущих слоев населения и расслоение российского общества по доходам не уменьшится, так как предлагается использование слишком мягкой шкалы прогрессии» (Майбуров, 2015).

М.Р. Пинская приходит к выводу, что «существующая социально-экономическая дифференциация населения обусловлена недостатками системы налогообложения доходов физических лиц» (Пинская, 2015).

В.Г. Пансков подчеркивает: «Справедливой может считаться только такая налоговая система, при которой после уплаты налогов достигается сокращение неравенства в экономическом положении плательщиков» (Пансков, 2020). Ю.Д. Шмелев также заключает, что справедливость налоговой полити-

ки необходимо оценивать по ее способности уменьшать степень неравенства в распределении доходов и богатства (Шмелев, 2017).

В исследовании потенциала налогообложения в сокращении неравенства сегодня не сформирован комплексный подход, имеется существенный интерес к этой теме. Классикой становятся исследования Дж. Ролза, концепция справедливости которого допускает определенное неравенство в налогообложении, если оно способствует повышению благосостояния менее обеспеченных слоев общества. В частности, Ролз писал: «То, что некоторые должны иметь меньше, чтобы остальные процветали, может быть и рационально, но не справедливо. Но нет никакой несправедливости в больших преимуществах, заработанных немногими, при условии, что менее удачливые тем самым улучшают свое положение» (Rawls, 1999).

Эмпирические исследования в основном доказывают, что прогрессивное подоходное налогообложение сглаживает неравенство. Например, ученые показали, что рост неравенства в США коррелирует со снижением прогрессивности налогов: в период снижения прогрессии подоходного налога с 1980 по 2014 год доля доходов после уплаты налогов, полученная наиболее обеспеченными 10% граждан США, выросла с 30 до 40%, а до уплаты налогов – с 35 до 47% (Piketty et al., 2018).

Представители научной школы Финансового университета при Правительстве РФ (Л.И. Гончаренко, В.Г. Пансков, Н.П. Мельникова, Е.В. Балацкий, А.В. Тихонова, Ю.В. Малкова, Н.А. Назарова, А.С. Адвокатова, Е.Н. Екимова) исследуют влияние подоходного налогообложения на социальное неравенство, а также налоговых вычетов по НДФЛ на его сокращение. Или сделан вывод об отсутствии воздействия НДФЛ на социальное неравенство в России. Разработана модель подоходного налогообложения, позволяющая максимизировать фискальный эффект НДФЛ и нивелировать дифференциацию уровня доходов различных слоев населения, а также произведена оценка ее влияния на социальное неравенство в России (Мельникова, Тихонова, 2018; Адвокатова и др., 2019).

В.В. Громов исследует вероятные бюджетные потери от введения в России необлагаемого подоходным налогом минимума и приходит к выводу, что введение необлагаемого минимума по НДФЛ при преобладании налогоплательщиков с низкими доходами приведет к существенным потерям для региональных бюджетов, а значительные региональные диспропорции создают риск того, что такая налоговая реформа усугубит региональное неравенство (Gromov, 2021).

Н.В. Зубаревич рассматривает особенно-сти неравенства в России в территориальном разрезе и оценивает их взаимосвязь с показателями бюджетной обеспеченности регионов. Она доказывает, что внутрирегиональные различия обусловлены устойчивым центр-периферийным неравенством, а воздействие на него государства посредством бюджетного перераспределения является слабым (Зубаревич, 2019; Зубаревич, 2021).

Вопросы территориальной дифференциации, обусловленные в том числе особенностями налогообложения и налоговой конкуренции регионов, изучены Л.Б. Парфеновой. Сформирован вывод о том, что в России налоги являются не причиной региональной дифференциации, а инструментом ее компенсации (Parfenova et al, 2016).

В рамках настоящего исследования мы ставим цель по определению налоговых индикаторов неравенства регионов России по поступлениям подоходного налога для оценки взаимосвязи подоходного налогообложения с региональной и социальной дифференциацией.

Выводя за периметр исследования вопросы многообразия и различий подходов к терминологическому определению региональной и социальной дифференциации, подчеркнем, что региональную дифференциацию в статье мы будем рассматривать с позиций ее бюджетных проявлений как различия между субъектами Федерации по уровню среднедушевых налоговых поступлений, а под социальной дифференциацией – неравенство граждан по уровню благосостояния и доходов, в том числе в региональном разрезе.

Приращение научного знания в рамках настоящего исследования состоит в разработ-

ке и апробации подхода к оценке уровня и динамики дифференциации регионов России и граждан на основе показателей концентрации и вариации по среднедушевым налоговым поступлениям. Они выступают в качестве налоговых индикаторов неравенства граждан по доходам и неравенства субъектов Федерации по поступлениям НДФЛ. Предлагается оценивать динамику и соотношение размаха вариации, стандартного отклонения, коэффициента вариации, децильного коэффициента фондов, децильного коэффициента дифференциации, квинтильного коэффициента фондов, аналога коэффициента Джини по среднедушевым поступлениям НДФЛ в консолидированный бюджет субъектов Федерации, налоговым доходам в целом и ВРП. Помимо уровня дифференциации регионов налоговые индикаторы помогут оценить влияние налогообложения на региональное и социальное неравенство.

Методология и данные для исследования

Разработка подхода к оценке взаимосвязи и проявления региональной и социальной дифференциации на основе налоговых индикаторов призвана определить влияние подоходного налогообложения на региональное и социальное неравенство в России. В качестве индикаторов использованы стандартные для оценки расслоения статистические показатели. В рамках исследования они впервые применены к данным по среднедушевым налоговым поступлениям по НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации и среднедушевым налоговым поступлениям во все уровни бюджетной системы в региональном разрезе. Определение их соотношения со среднедушевым ВРП с помощью показателей динамики и коэффициента опережения позволяет оценить позитивное или негативное влияние налогообложения на неравенство регионов и граждан в России. Это альтернативная, по сравнению с традиционно применяемыми в этой области исследований корреляционно-регрессионным или факторным анализом, оценка проявлений регионального и социального неравенства на основе налоговых индикаторов, а также влияния налогообложения на неравенство.

В рамках исследования проведен расчет индикаторов неравенства. Совокупность показателей неравенства, выбранных для анализа, представлена в табл. 1. Они призваны

Таблица 1. Индикаторы неравенства регионов России по среднему душевым поступлениям НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации

Индикатор	Характеристика	Формула расчета
Размах вариации	Разность между максимальным и минимальным значением поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет субъекта РФ на душу населения	$r = x_{max} - x_{min}$ где: x – поступления НДФЛ в консолидированный бюджет субъекта РФ на душу населения
Стандартное отклонение	Показатель степени дисперсии случайной величины. Демонстрирует, насколько значения из совокупности отличаются от среднего значения	$\sigma = \sqrt{\frac{1}{n} \sum_{i=1}^n (x_i - \bar{x})^2}$ где: n – число субъектов РФ
Коэффициент вариации	Мера относительного разброса случайной величины. Показывает, какую долю среднего значения величины составляет ее средний разброс	$V = \frac{\sigma}{\bar{x}} \cdot 100\%$
Децильный коэффициент фондов	Отношение доходов по НДФЛ в расчете на душу населения 10% регионов с наибольшими поступлениями к 10% наименее обеспеченных регионов	$k_1 = \frac{\bar{x}_{10}}{x_1}$ где: \bar{x}_{10} – доходы по НДФЛ на душу населения 10% регионов с наибольшими поступлениями; \bar{x}_1 – доходы по НДФЛ на душу населения 10% регионов с наименьшими поступлениями
Децильный коэффициент дифференциации	Отношение самого низкого значения среднему душевым поступлений по НДФЛ среди 10% наиболее обеспеченных регионов к самому высокому значению среди 10% наименее обеспеченных регионов	$k_2 = \frac{x_9}{x_1}$ где: x_9 – доходы по НДФЛ на душу населения в самом бедном среди 10% регионов с наибольшими поступлениями; x_1 – доходы по НДФЛ на душу населения в самом богатом среди 10% регионов с наименьшими поступлениями
Квintильный коэффициент фондов	Отношение доходов по НДФЛ в расчете на душу населения 20% регионов с наибольшими поступлениями к 20% наименее обеспеченных регионов. Аналог децильного коэффициента фондов, но позволяет отследить изменения в большем числе регионов за счет охвата данных уже по 40% субъектов	$k_3 = \frac{\bar{x}_5}{\bar{x}_1}$ где: \bar{x}_5 – доходы по НДФЛ на душу населения 20% регионов с наибольшими поступлениями; \bar{x}_1 – доходы по НДФЛ на душу населения 20% регионов с наименьшими поступлениями
Аналог коэффициента Джини	Показатель концентрации. Демонстрирует, насколько фактическое распределение налоговых поступлений по НДФЛ отклоняется от полностью равномерного их распределения между регионами. Принимает значения от 0 до 1, где 0 – ситуация абсолютного равенства, а 1 – абсолютного неравенства. Позволяет отследить изменения в группе средних регионов	$k_4 = \frac{2 \operatorname{covar}(x, p_x)}{n \cdot \bar{x}}$ где: $2 \operatorname{covar}(x, p_x)$ – ковариация между поступлениями НДФЛ и рангами регионов; p_x – ранг региона по уровню поступлений от минимального $p_x = 1$, до максимального $p_x = n$

Составлено по: (Салмина, 2019; Pyatt et al., 1980; Burkholder 2003; Klasen et al., 2016; Pugachev, 2022).

охарактеризовать распределение субъектов Федерации по уровню поступлений в консолидированный бюджет по НДФЛ на душу населения в динамике.

Анализ приведенных в табл. 1 индикаторов призван способствовать оценке уровня дифференциации и концентрации поступлений по НДФЛ между регионами в динамике. Использование более широкого спектра показателей неравенства необходимо для достоверной и полноценной оценки неравенства субъектов Федерации по уровню налоговых поступлений в консолидированный бюджет на душу населения.

В качестве показателя концентрации мы рассчитали также аналог коэффициента Джини. Он демонстрирует, насколько фактическое распределение налоговых поступлений по НДФЛ на душу населения в субъектах Федерации отклоняется от полностью равномерного их распределения, то есть показывает степень неравномерности распределения налоговых доходов. Этот коэффициент весьма распространен в настоящее время в исследовании различных проявлений неравенства (Салмина, 2019). Среди существующих способов его расчета выбран наиболее популярный (Pyatt et al., 1980) – посредством ковариации. Он не показывает, в сторону каких групп регионов происходит перекосяк, поэтому наряду с ним важно оценить и более простые коэффициенты: децильные и квинтильные, не учитывающие, в свою очередь, изменений в группе средних регионов, к изменениям, по которым как раз более чувствителен аналог коэффициента Джини. Таким образом, представленные показатели неравенства дополняют и нивелируют недостатки друг друга, что способствует отражению более полной картины.

Расчеты проведены для регионов России за 2006–2021 гг. Период ограничен наличием данных ФНС РФ по поступлениям по отдельным видам налогов в территориальном раз-

резе. В результате сформирован единый Data set, включающий около 10 тыс. показателей по 85 субъектам РФ за 16 лет. Используются официальные данные ФНС РФ по поступлению налогов и сборов в бюджеты субъектов Федерации (отчет 1-НМ «Отчет о начислении и поступлении налогов, сборов, страховых взносов и иных обязательных платежей в бюджетную систему Российской Федерации»⁴), данные Росстата о валовом региональном продукте (ВРП)⁵ и численности населения в регионах⁶.

Дифференциация регионов России по показателям налоговых поступлений

Результаты расчетов показателей неравенства субъектов Федерации по поступлениям НДФЛ в консолидированные бюджеты представлены в табл. 2.

Размах вариации r по поступлениям НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации на душу населения является существенным. Например, в 2021 году он достиг 126,5 тыс. руб. на человека в год: максимум 132,1 тыс. руб. на человека в Чукотском автономном округе, а минимум 5,6 тыс. руб. на человека в Республике Ингушетии. Коэффициент вариации V поступлений НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации имел разнонаправленную динамику в рассматриваемом периоде, оставаясь в диапазоне 82–104%. Это подтверждает высокую степень дифференциации регионов по налоговым поступлениям НДФЛ, поскольку значение $V > 33\%$ свидетельствует о неоднородности исследуемой совокупности.

Децильный коэффициент фондов k_1 составил от 9,6 в 2012 году до 17,5 в 2006 году. Он демонстрирует, что поступления по НДФЛ на душу населения в 10% наиболее обеспеченных регионов в 9,6–17,5 раза выше, чем в 10% наименее обеспеченных регионов. Например, в 2021 году этот коэффициент со-

⁴ Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения 10.11.2022).

⁵ Валовой региональный продукт на душу населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения 10.11.2022).

⁶ Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения 10.11.2022).

Таблица 2. Динамика дифференциации регионов России по среднедушевым поступлениям НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации в 2006–2021 гг.

Год	Размах вариации, тыс. руб. / чел.	Стандартное отклонение, тыс. руб. / чел.	Коэффициент вариации	Децильный коэффициент фондов	Децильный коэффициент дифференциации	Квинтильный коэффициент фондов	Аналог коэффициента Джини
	r	σ	V	k_1	k_2	k_3	k_4
2006	32,7	6,1	97	17,49	3,67	5,94	0,248
2007	46,4	7,8	92	13,13	3,94	5,50	0,290
2008	68,4	10,8	93	12,37	4,52	5,76	0,319
2009	98,2	13,1	104	13,02	4,36	6,62	0,374
2010	51,2	10,2	84	10,88	4,30	5,79	0,356
2011	62,2	11,7	86	11,00	4,17	5,88	0,359
2012	65,6	12,8	82	9,59	3,91	5,42	0,348
2013	77,5	14,5	84	9,66	4,07	5,43	0,349
2014	80,6	15,3	84	9,69	4,04	5,42	0,349
2015	82,2	15,5	84	10,10	4,34	5,63	0,350
2016	85,7	16,9	85	10,38	4,40	5,72	0,355
2017	90,0	17,9	85	10,71	4,54	5,76	0,357
2018	93,6	19,4	83	10,44	4,29	5,67	0,355
2019	100,5	20,7	83	10,57	4,31	5,75	0,357
2020	112,4	22,6	84	10,59	4,66	5,77	0,358
2021	126,5	25,3	85	10,81	4,68	5,84	0,360
Абсолютное изменение, 2006–2021	93,8	19,2	-13	-6,68	1,01	-0,10	0,111
Относительное изменение, 2006–2021, %	286,8	311,7	-13,1	-38,2	27,6	-1,7	44,9
Коэффициент опережения по сравнению с ВРП				0,85	1,29	1,27	1,62
Рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения 10.11.2022); Валовой региональный продукт на душу населения. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/42928 (дата обращения 10.11.2022); Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/31557 (дата обращения 10.11.2022).							

ставил 10,8. В восьми наименее обеспеченных регионах (республики Адыгея, Северная Осетия – Алания, Калмыкия, Карачаево-Черкесия, Чечня, Дагестан, Кабардино-Балкария, Ингушетия) поступления НДФЛ составили в среднем 9,1 тыс. руб. на человека в год, в то время как в восьми наиболее богатых – 98,1 тыс. руб. (города Москва и Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий, Ненецкий и Чукотский автономные округа, Сахалинская и Магаданская области, Камчатский край).

Децильный коэффициент дифференциации k_2 имеет меньшее значение относительно децильного коэффициента фондов: от 3,7 в 2006 году до 4,7 в 2021 году. Это объясняется тем, что относительно k_1 из рас-

чета k_2 исключаются самые бедные и самые богатые регионы. Так, например, в 2021 году он составил 4,7 как отношение среднедушевых налоговых поступлений по НДФЛ в Мурманской области 63 тыс. руб. на человека к поступлениям в Республике Адыгея – 12,7 тыс. руб.

Поскольку квинтильный коэффициент фондов k_3 затрагивает 40% регионов, а не 20%, как децильный k_1 , также имеет меньшие значения: от 5,4 в 2012–2014 гг. до 6,6 в 2019 году. Соответственно, поступления НДФЛ на душу населения в 20% наиболее обеспеченных регионов превышали поступления в 20% наименее обеспеченных в 5,4–6,6 раза. Например, в 2021 году он составил

5,8. В семнадцати наименее обеспеченных регионах поступления НДФЛ составили в среднем 11,8 тыс. руб. на человека в год, в то время как в семнадцати наиболее богатых в 5,8 раза больше – 68,9 тыс. руб.

Рассчитанные коэффициенты концентрации отражают высокую дифференциацию регионов России по поступлениям НДФЛ в консолидированный бюджет на душу населения. Их недостатком является учет только «крайних» точек в совокупности, поэтому для анализа изменений в группе регионов со средними налоговыми доходами по НДФЛ рассчитан более к ним чувствительный показатель – аналог коэффициента Джини k_4 . В 2006–2021 гг. он находился на высоком уровне и возрастал: от 0,248 в 2006 году до 0,360 в 2021 году. Это высокое значение коэффициента, отражающее чрезмерный уровень дифференциации субъектов Федерации по среднему душевому поступлению НДФЛ в консолидированные бюджеты.

Интерес представляет также динамика оцениваемых индикаторов неравенства. За исследуемые 16 лет показатели продемонстрировали разнонаправленную динамику. Так, коэффициент вариации сократился на 13 п. п. до 85%, что свидетельствует о сближении однородности регионов, но все еще высоком уровне вариации. Децильный коэффициент фондов сократился с 17,49 до 10,81 (на 6,68), а децильный коэффициент дифференциации, напротив, вырос с 3,67 до 4,68 (на 1,01, или 27,6%), следовательно, разрыв между самыми обеспеченными по среднему душевому поступлению НДФЛ и самыми бедными сократился, но между восьмым регионом с конца и с начала ранжированного списка разница возросла, то есть ближе к середине группы регионов дифференциация усиливается. Это подтверждает и квинтильный коэффициент фондов, поскольку он за 16 лет сократился незначительно по сравнению с децильным коэффициентом фондов – на 1,7% против 38,2%, или в абсолютном выражении с 5,94 до 5,84 (на 0,1). Аналог коэффициента Джини, как показатель, учитывающий изменения в группе средних регионов, возрос с 0,248 в 2006 году до 0,36

в 2021 году, или на 0,111 (44,9%). Это очень существенный рост показателя, свидетельствующий о нарастании неравенства регионов по уровню налоговых поступлений НДФЛ в консолидированный бюджет субъектов Федерации.

Важно также, что коэффициенты дифференциации k_2, k_3, k_4 , за исключением децильного коэффициента фондов (k_1), на протяжении 16 лет прирастали сильнее (снижались медленнее), чем аналогичные показатели дифференциации регионов по среднему душевому ВРП. Это доказывают коэффициенты опережения. Данный факт позволяет констатировать, что неравенство регионов по среднему душевому поступлению НДФЛ нарастает быстрее, чем неравенство по уровню экономического развития. Следовательно, подоходное налогообложение в России не сглаживает неравенство, а, напротив, способствует его нарастанию.

Таким образом, все рассчитанные показатели подтвердили высокую территориальную дифференциацию в России по поступлениям НДФЛ на душу населения, что свидетельствует о ярко выраженном в региональном разрезе неравенстве граждан по доходам. Максимальные значения большинства рассчитанных показателей пришлось на 2009 год. Причинами этого, очевидно, являются кризисы в экономике и их последствия при отсутствии действенных инструментов развития отстающих регионов и механизма снижения зависимости налоговых поступлений в наиболее обеспеченных регионах от добывающих отраслей, нарастающая урбанизация и аккумуляция капиталов в крупных агломерациях.

Интересной представляется сравнительная оценка показателей дифференциации субъектов Федерации по НДФЛ и по налоговым доходам в целом, зачисляемым в бюджеты всех уровней бюджетной системы. Результаты расчетов показателей неравенства субъектов Федерации по налоговым доходам в целом представлены в *табл. 3*.

Показатели неравенства субъектов Федерации по уровню налоговых доходов в целом, зачисляемых в бюджеты всех уровней

Таблица 3. Динамика дифференциации регионов России по среднему душевым налоговым поступлениям в бюджеты всех уровней в 2006–2021 гг.

Год	Размах вариации, тыс. руб. / чел.	Стандартное отклонение, тыс. руб. / чел.	Коэффициент вариации	Децильный коэффициент фондов	Децильный коэффициент дифференциации	Квинтильный коэффициент фондов	Аналог коэффициента Джини
	r	σ	V	k_1	k_2	k_3	k_4
2006	825,3	129,3	223	63,41	5,50	23,99	0,553
2007	823,4	125,4	205	50,01	4,73	18,41	0,531
2008	1 005,8	156,6	208	51,02	6,32	19,86	0,541
2009	554,4	98,2	181	36,58	4,71	14,51	0,519
2010	900,6	136,7	191	43,69	5,91	16,44	0,521
2011	1 178,1	185,5	200	54,65	5,96	19,64	0,541
2012	1 339,4	215,4	205	52,79	5,34	19,04	0,539
2013	1 223,4	210,4	203	45,74	6,02	17,73	0,538
2014	1 310,9	230,6	198	49,19	6,09	18,41	0,544
2015	1 443,4	249,7	197	52,42	6,42	20,11	0,555
2016	1 509,8	242,5	187	43,71	6,07	17,23	0,530
2017	2 119,0	313,2	200	46,55	6,37	18,78	0,531
2018	2 733,4	456,4	222	62,92	7,29	24,30	0,569
2019	2 945,6	463,1	213	66,06	7,60	24,05	0,564
2020	2 239,7	324,1	184	45,89	7,32	20,12	0,533
2021	3 479,8	550,7	209	56,41	7,39	24,07	0,561
Абсолютное изменение, 2006–2021	2 654,5	421,4	-14	-7,00	1,88	0,08	0,008
Относительное изменение, 2006–2021, %	321,6	325,8	-6,5	-11,0	34,2	0,3	1,4
Коэффициент опережения по сравнению с ВРП				1,22	1,36	1,30	1,13

Рассчитано по: Данные по формам статистической налоговой отчетности // ФНС РФ. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms (дата обращения 10.11.2022); Валовой региональный продукт на душу населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения 10.11.2022); Численность постоянного населения на 1 января // ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31557> (дата обращения 10.11.2022).

бюджетной системы, демонстрируют высокое расслоение регионов по уровню реализованного налогового потенциала. Коэффициент вариации V составил от 181% в 2009 году до 223% в 2006 году. Децильный коэффициент фондов k_1 – от 36,6 в 2009 году до 66,1 в 2019 году. Децильный коэффициент дифференциации k_2 – от 4,7 в 2007 и 2009 гг. до 7,6 в 2019 году. Квинтильный коэффициент фондов k_3 – от 14,5 в 2009 году до 24,3 в 2018 году. Аналог коэффициента Джини k_4 – от 0,519 в 2009 году до 0,569 в 2018 году.

Относительно динамики индикаторов неравенства регионов по среднему душевому уровню налоговых доходов в целом отметим, что здесь они возросли не так силь-

но, как по НДФЛ. Децильный коэффициент фондов снизился на 7,0 с 63,41 до 56,41, или на 11%. Децильный коэффициент дифференциации возрос до 7,39 на 1,88, или на 34,2%. Квинтильный коэффициент фондов практически не изменился: 24,07 (+0,08, или 0,3%). Аналог коэффициента Джини также существенно не изменился: 0,561 (+0,008, или 1,4%). Коэффициенты опережения также оказались выше, чем для среднестатистического ВРП, что свидетельствует об отсутствии сглаживающего неравенства воздействия у налоговой системы в России. Она его усугубляет, как и подоходное налогообложение в частности.

Сопоставим рассчитанные индикаторы региональной дифференциации с соответ-

ствующими индикаторами по ВРП, которые представлены в *табл. 4*.

Уровень расслоения по ВРП достиг сопоставимого уровня расслоения по среднедушевым налоговым поступлениям НДФЛ, но остается существенно ниже, чем по налоговым доходам в целом. Децильный коэффициент фондов k_1 не превысил 17,3. Децильный коэффициент дифференциации k_2 находился в диапазоне 3,6–4,5. Квintильный коэффициент фондов k_3 – 6,8–8,9. Аналог коэффициента Джини k_4 – 0,423–0,471. Это тоже весьма высокие значения индикаторов неравенства регионов России. Более низкие значения показателей дифференциации по ВРП, нежели чем по налоговым доходам в целом, свидетельствуют о том, что действующая налоговая система усиливает неравенство. Логично, что в связи с этим значение межбюджетных трансфертов для регионов из федерального бюджета в последнее время возрастает.

Различие и единство индикаторов неравенства регионов России и социального

неравенства проиллюстрированы на примере соотношения коэффициента Джини по доходам населения России как показателя неравенства граждан по доходам с рассчитанными в рамках исследования аналогами коэффициента Джини (*рис.*).

Все представленные показатели в динамике отражают высокую степень территориальной дифференциации и монетарного неравенства в России. В рассматриваемом периоде они находились на стабильно высоком уровне с некоторым снижением в 2008–2010 гг. Коэффициент Джини Росстата составлял от 0,403 до 0,422. Аналог коэффициента Джини для ВРП на душу населения – от 0,434 в 2013 году до 0,471 в 2006 и 2018 гг.; для среднедушевых налоговых доходов, зачисляемых в бюджеты всех уровней бюджетной системы, – от 0,519 в 2009 году до 0,569 в 2018 году; для среднедушевых поступлений НДФЛ в консолидированные бюджеты субъектов Федерации – от 0,248 в 2006 году до 0,360 в 2021 году. Трендовый анализ в рамках рассматриваемого периода показы-

Таблица 4. Динамика дифференциации регионов России по среднедушевому ВРП в 2006–2021 гг.

Год	Децильный коэффициент фондов	Децильный коэффициент дифференциации	Квintильный коэффициент фондов	Аналог коэффициента Джини
	k_1	k_2	k_3	k_4
2006	17,29	4,11	8,87	0,471
2007	16,43	3,66	8,53	0,467
2008	14,61	3,83	7,80	0,442
2009	15,06	3,56	8,11	0,462
2010	15,12	3,66	8,05	0,457
2011	15,27	3,92	7,71	0,455
2012	13,77	3,84	7,14	0,439
2013	12,92	3,67	6,83	0,434
2014	15,61	3,67	7,50	0,443
2015	15,66	4,01	7,80	0,449
2016	15,05	4,45	7,81	0,453
2017	15,57	4,54	8,06	0,457
2018	15,93	4,45	8,30	0,471
2019	15,37	4,41	8,03	0,464
2020	12,65	4,07	6,87	0,423
Абсолютное изменение, 2006–2021	-4,64	-0,04	-2,00	-0,049
Относительное изменение, 2006–2022, %	-26,9	-1,0	-22,5	-10,4

Рассчитано по: Валовой региональный продукт на душу населения. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения 10.11.2022).

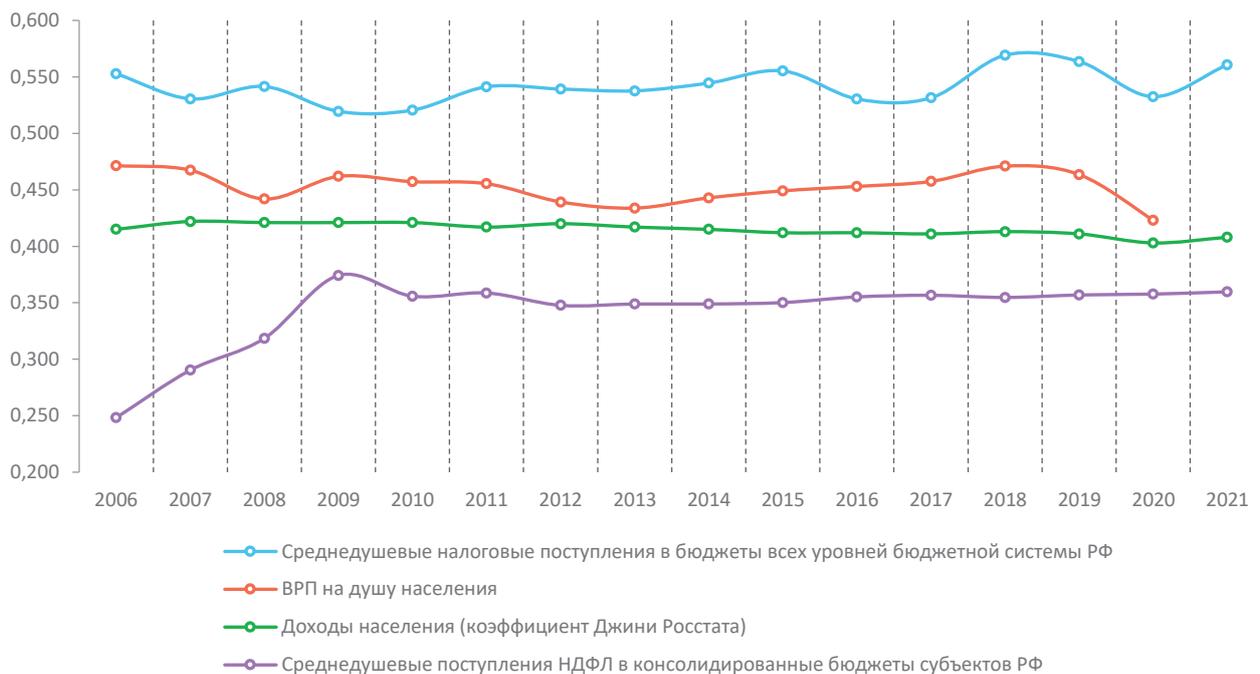

Рис. Динамика аналогов коэффициента Джини по среднему душевому поступлению НДФЛ в консолидированный бюджет субъектов Федерации, налоговым доходам в целом, ВРП на душу населения, коэффициента Джини в 2006–2021 гг.

Составлено по: данные таблиц 2–4; Коэффициент Джини // ЕМИСС. Государственная статистика.
URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31165> (дата обращения 04.11.2022).

вает отсутствие значимой тенденции роста или снижения региональной дифференциации по аналогам коэффициента Джини для среднему душевых ВРП, поступлений НДФЛ и налоговых доходов, которые остаются на стабильно высоком уровне.

Таким образом, налогообложение в России в 2006–2021 гг. не способствовало сглаживанию неравенства, а, напротив, усиливало его, и подоходное налогообложение было одним из усугубляющих факторов. В рассматриваемом периоде не происходило также и сглаживания неравенства по доходам граждан в территориальном разрезе.

В 2021 году, спустя 20 лет, в России вновь введена прогрессивная шкала НДФЛ. Она представлена двухступенчатой шкалой: 13 и 15%. В отношении доходов до 5 млн руб. в год сохранена ставка 13%, а в отношении доходов более 5 млн руб. в год налог составляет 650 тыс. руб. и 15% с суммы доходов, превышающей 5 млн руб.⁷ Эта мера пока не оказывает и вряд ли окажет существенное

влияние на сглаживание неравенства граждан по текущим доходам вследствие того, что неравенство в России достаточно велико, а прогрессия мягкая, слабо воздействующая на сглаживание «шпиля» доходов наиболее богатых граждан. Социальная значимость перераспределения доходов за счет налоговой прогрессии в совокупности с увеличением государственных расходов тем выше, чем выше уровень социальной дифференциации (Майбуров, Иванов, 2021).

Среди государственных финансовых инструментов социальные трансферты в России оказывают более существенное влияние на сглаживание неравенства, чем налогообложение, за счет повышения доходов наименее обеспеченных граждан. Позитивными здесь являются тенденции усиления адресности социальной защиты за счет более точечного определения нуждающихся категорий граждан. Например, с 1 апреля 2021 года для назначения выплат

⁷ Страховые выплаты, доходы от продажи и дарения имущества, продажи ценных бумаг не подпадают под повышенную ставку независимо от суммы.

на детей от 3 до 7 лет учитываются доходы и имущество граждан⁸.

Введение с 2021 года прогрессивной ставки НДФЛ – 13 и 15%, ужесточение условий налогообложения доходов по процентам от вкладов – это первый необходимый, но не достаточный шаг с позиций сглаживания неравенства в России. Для этого целесообразно дальнейшее повышение прогрессии и введение необлагаемого минимума.

Фактором, негативно воздействующим на неравенство граждан по уровню доходов, имплементированным в систему подоходного налогообложения в России, является регрессивный характер налогообложения, к которому приводят налоговые вычеты. Они существенно снижают эффективную ставку НДФЛ для граждан, которые приобретают недвижимость и осуществляют долгосрочные инвестиции (имущественный и инвестиционный налоговые вычеты), а это в большинстве своем далеко не нуждающиеся бедные граждане, а обеспеченные и граждане среднего класса. Это также подтверждает целесообразность необлагаемого минимума.

Вместе с тем введение необлагаемого минимума по НДФЛ не способствует сокращению неравенства доходов граждан в региональном разрезе, а, возможно, усилит его. Это опасение обусловлено тем, что в наименее обеспеченных с точки зрения поступлений НДФЛ регионах многие налогоплательщики имеют невысокие доходы, а необлагаемый минимум будет составлять их весомую часть, что приведет к существенному выпадению доходов бюджета по НДФЛ. Для наиболее обеспеченных регионов выпадение доходов вследствие введения необлагаемого минимума не будет критичным. Таким образом, важно при введении необлагаемого минимума учесть риск усиления региональных диспропорций. Возможно, смягчению этого риска способствует переход к уплате НДФЛ по месту регистрации налогоплательщика, а не по месту работы. Это поможет перераспределить налоговые

поступления НДФЛ от регионов – центров притяжения рабочей силы в пользу регионов – доноров рабочей силы, то есть регионов с низким уровнем доходов. Центрами притяжения рабочей силы традиционно являются Москва и Санкт-Петербург, города-миллионники, а также добывающие регионы Севера, где граждане чаще работают вахтовым методом, прежде всего это автономные округа (Ханты-Мансийский – Югра и Ямало-Ненецкий в составе Тюменской области, Ненецкий в составе Архангельской области и Чукотский).

Кризисные условия 2022 года в России могут существенно и негативно отразиться на уровне неравенства граждан. При прогнозируемом снижении ВВП и потребительского спроса на фоне ускорившейся инфляции благосостояние граждан будет снижаться, что, при более значительном влиянии на низкодоходные слои населения, приведет к нарастанию неравенства. Так, вследствие мирового финансово-экономического кризиса 2008 года в России в 2009 году индикаторы неравенства регионов по среднедушевым налоговым доходам в целом существенно сократились, а по среднедушевым поступлениям НДФЛ, напротив, возросли. С 2010 года ситуация диаметрально развернулась. То есть в период экономической рецессии дифференциация по налоговым поступлениям НДФЛ растет, а по общим налоговым доходам – сокращается.

Отягчающими для России в условиях нынешнего кризиса становятся условия геоэкономической неопределенности, а также тот факт, что благосостояние в экономиках, находящихся под санкционным давлением, не растет в долгосрочной перспективе. Например, в Иране на протяжении последних 15 лет ВВП на душу населения стабильно находится в диапазоне 4,6–4,8 тыс. долл. (в постоянных ценах)⁹. Все это накладывает определенные условия на разработку инструментов сглаживания неравенства в России для обеспечения их эффективности.

⁸ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2021 г. № 489 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2020 г. № 384».

⁹ GDP per capita (constant 2015 US\$) – Iran, Islamic Rep. The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD?locations=IR> (accessed 17.11.2022).

Выводы

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие обобщающие выводы.

1. Разработанный и апробированный подход позволил на основе налоговых индикаторов оценить уровень регионального и социального неравенства и определить влияние налогообложения на неравенство в России. Подтверждено, что социальная и региональная дифференциация в России находятся на стабильно высоком уровне.

2. Уровень региональной дифференциации в России тесно связан с уровнем неравенства граждан. Поступления по НДФЛ выступают проявлением первого и индикатором второго, что обуславливает возможность формирования совокупности налоговых индикаторов региональной и социальной дифференциации. Для этого использованы показатели вариации, дифференциации и концентрации: размах вариации, стандартное отклонение, коэффициент вариации, децильный коэффициент фондов, децильный коэффициент дифференциации, квинтильный коэффициент фондов, аналог коэффициента Джини.

3. С помощью расчета и анализа налоговых индикаторов доказано, что в России налогообложение, и НДФЛ в частности, не только не сглаживает неравенство граждан по доходам, но и, наоборот, усиливает его. Это демонстрируют рассчитанные аналоги

коэффициента Джини: дифференциация регионов по среднему налоговому поступлению в бюджеты всех уровней значительно выше, чем по среднему ВРП ($0,561 > 0,423$). Также это подтверждают и рассчитанные коэффициенты опережения децильного коэффициента фондов (1,22), децильного коэффициента дифференциации (1,36), квинтильного коэффициента фондов (1,30) и аналога коэффициента Джини (1,13) среднегодового налогового поступлений в бюджетную систему по сравнению с ВРП. Поскольку все они превышают 1, это говорит об опережающем нарастании неравенства по среднему налоговому поступлению по сравнению с неравенством по среднему ВРП. В региональном разрезе неравенство граждан проявляется более ярко вследствие существенной дифференциации субъектов Федерации.

Полагаем, что с позиций сглаживания неравенства граждан по доходам, а также региональной дифференциации по налоговым поступлениям целесообразными могут быть такие меры в области подоходного налогообложения, как усиление прогрессии НДФЛ, введение необлагаемого минимума, корректировка системы налоговых вычетов, а также переход к уплате НДФЛ по месту регистрации налогоплательщика. Поиск действенных инструментов преодоления неравенства в России открывает широкие перспективы для дальнейших исследований.

ЛИТЕРАТУРА

- Адвокатова А.С., Балацкий Е.В., Гончаренко Л.И. [и др.] (2019). Влияние подоходного налогообложения на социальное неравенство в России / под ред. Л.И. Гончаренко. Москва: Кнорус. 224 с.
- Зубаревич Н.В. (2019). Неравенство регионов и крупных городов России: что изменилось в 2010-е годы? // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7
- Зубаревич Н.В. (2021). Возможности децентрализации в год пандемии: что показывает бюджетный анализ? // *Региональные исследования*. № 1 (71). С. 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4
- Караваева И.В. (2012). Теория социально ориентированного налогообложения: генезис, пути развития, особенности применения // *Научные труды МИМ ЛИНК*. № 28. С. 189–211.
- Майбуров И.А. (2015). К 100-летию подоходного налога в России: теоретический анализ основных этапов реформы // *Journal of Tax Reform*. Т. 1. № 2-3. С. 161–176. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.2.010
- Майбуров И.А., Иванов Ю.Б. (2021). Теоретико-методологический конструктив индивидуального подоходного налогообложения: монография для магистрантов, обучающихся по программам направлений «Экономика», «Государственный аудит» и «Финансы и кредит». Москва: Юнити-Дана. 327 с.

- Малис Н.И., Грундел Л.П. (2021). Современные тренды повышения доходной базы региональных бюджетов в условиях нестабильной экономики // *Экономические системы*. Т. 14. № 1. С. 159–166. DOI: 10.29030/2309-2076-2021-14-1-159-166
- Мельникова Н.П., Тихонова А.В. (2018). Имущественные налоговые вычеты и справедливость налогообложения доходов физических лиц // *Международный бухгалтерский учет*. № 18. С. 1100–1112. URL: <http://elib.fa.ru/art2018/bv1698.pdf>
- Пансков В.Г. (2020). О новой ставке НДФЛ // *Финансы*. № 8. С. 25–29.
- Пинская М.Р. (2015). Подходы к пониманию налоговой справедливости // *Journal of Tax Reform*. Т. 1. № 1. С. 90–99. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.1.006
- Салмина А. (2019). Сравнительный анализ показателей неравенства – их особенности и применение // *Общество и экономика*. Вып. 7. С. 35–58. DOI: 10.31857/S020736760005832-4
- Сперанский М.М., Тургенев Н.И., Орлов М.Ф. (1998). У истоков финансового права. Москва: Статут. 427 с.
- Шмелев Ю.Д. (2017). О критериях оценки эффективности и справедливости налоговой политики государства // *Экономика. Налоги. Право*. № 2. С. 113–120.
- Gromov V.V. (2021). Introduction of the personal tax-free allowance in Russia and its budget implications. *Journal of Tax Reform*, 7 (1), 20–38. DOI: <https://doi.org/10.15826/jtr.2021.7.1.088>
- Klasen S., Scholl N., Lahoti R., Ochmann S., Vollmer S. (2016). Inequality – worldwide trends and current debates. *Courant Research Centre: Poverty, Equity and Growth*, 209. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/142156/1/86139593X.pdf>
- Parfenova L., Pugachev A., Podvieszko A. (2016). Comparative analysis of tax capacity in regions of Russia. *Technological and Economic Development of Economy*, 22 (6), 905–925. DOI: <https://doi.org/10.3846/20294913.2016.1216019>
- Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018). Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, 133 (2), 553–609. Available at: <https://doi.org/10.1093/qje/qjx043>
- Pugachev A.A. (2022). Taxation-based indicators as a measure of income inequality in Russian Regions. *Journal of Tax Reform*, 8 (1), 40–53. DOI: <https://doi.org/10.15826/jtr.2022.8.1.107>
- Pyatt G., Chen C.-N., Fei J. (1980). The distribution of income by factor components. *Quarterly Journal of Economics*, 11, 451–473. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/843001468178771126/pdf/REP162000The0d0by0factor0components.pdf>
- Rawls D. (1999). *A Theory of Justice*. Oxford University Press. 538 p.
- Savchenko Y.Y., Korchagina I.A., Goleva O.G. (2019). The results of the Russian mechanical engineering movement on the path of new industrialization. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 240, 600–604. DOI: <https://dx.doi.org/10.2991/sicni-18.2019.122>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Александрович Пугачев – кандидат экономических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Российская Федерация, 150000, г. Ярославль, ул. Комсомольская, д. 3; e-mail: andraxim@yandex.ru)

Pugachev A.A.

RELATIONSHIP OF TAXATION WITH REGIONAL AND SOCIAL DIFFERENTIATION IN RUSSIA: ASSESSMENT APPROACH BASED ON TAX INDICATORS

In contemporary Russia, the problems of regional and social differentiation and the search for ways to overcome them are quite acute, one of which may be the development of the potential of tax instruments to smooth inequality. The purpose of the research is to determine the tax indicators of inequality of Russia's regions in terms of personal income tax receipts to assess the relationship of income taxation with regional and social differentiation. The scientific knowledge increment in the framework of this study consists in developing and testing an approach to assessing the differentiation rate of Russian regions and citizens based on concentration and variation indicators for per capita tax revenues, which are tax indicators of citizens' income inequality and inequality of Russia's entities in personal income tax receipts. As part of the study using the Data Analysis package of the MS Excel spreadsheet processor, we have calculated 7 indicators of differentiation, concentration and variation for 85 regions over 16 years from 2006 to 2021 based on data from Rosstat and the Federal Tax Service of the Russian Federation. As a result, we have formed a single Data set, including about 10 thousand indicators. The calculation and analysis of tax indicators allowed proving that the personal income tax in Russia does not smooth out the citizens' income inequality, but, on the contrary, strengthens it. In the regional context, the citizens' inequality is more pronounced due to the significant differentiation of Russia's entities. From the standpoint of smoothing the citizens' income inequality, as well as regional differentiation in tax revenues, such measures in the field of income taxation as strengthening the progression of personal income tax, the introduction of a tax-free minimum, adjusting the system of tax deductions, the transition to the payment of personal income tax at the place of registration of the taxpayer may be appropriate. The search for effective tools to overcome inequality in Russia opens up broad prospects for further research.

Personal income tax, inequality, differentiation, concentration, variation, tax indicators, budget, smoothing, Gini coefficient.

REFERENCES

- Advokatova A.S., Balatsky E.V., Goncharenko L.I. et al. (2019). *Vliyanie podokhodnogo nalogooblozheniya na sotsial'noe neravenstvo v Rossii* [The Impact of Income Taxation on Social Inequality in Russia]. Moscow: Knorus.
- Gromov V.V. (2021). Introduction of the personal tax-free allowance in Russia and its budget implications. *Journal of Tax Reform*, 7(1), 20–38. DOI: 10.15826/jtr.2021.7.1.088
- Karavaeva I.V. (2012). Theory of socially-oriented taxation: Genesis, ways of development, features of application. *Nauchnye trudy MIM LINK*, 28, 189–211 (in Russian).
- Klasen S., Scholl N., Lahoti R., Ochmann S., Vollmer S. (2016). Inequality – worldwide trends and current debates. *Courant Research Centre: Poverty, Equity and Growth*, 209. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/142156/1/86139593X.pdf>
- Maiburov I.A., Ivanov Yu.B. (2021). *Teoretiko-metodologicheskii konstruktiv individual'nogo podokhodnogo nalogooblozheniya: monografiya dlya magistrantov, obuchayushchikhsya po programam napravlenii "Ekonomika", "Gosudarstvennyi audit" i "Finansy i kredit"* [Theoretical and Methodological Constructive of Individual Income Taxation: Monograph for Undergraduates Studying in the Programs of the Directions "Economics", "State Audit" and "Finance and Credit"]. Moscow: Yuniti-Dana.

- Malis N.I., Grundel L.P. (2021). Modern trends of increasing the income base of regional budgets in the conditions of an unstable economy. *Ekonomicheskie sistemy*, 14(1), 159–166. DOI: 10.29030/2309-2076-2021-14-1-159-166 (in Russian).
- Mayburov I.A. (2015). Making the century of income tax in Russia: Theoretical analysis of key stages of the reform. *Journal of Tax Reform*, 1(2-3), 161–176. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.2.010 (in Russian).
- Mel'nikova N.P., Tikhonova A.V. (2018). Property tax deductions and fairness of personal income taxation. *Mezhdunarodnyi bukhgalterskii uchët=International Accounting*, 21(18), 1100–1112. Available at: <http://elib.fa.ru/art2018/bv1698.pdf> (in Russian).
- Panskov V.G. (2020). About the new personal income tax rate. *Finansy=Finance*, 8, 25–29 (in Russian).
- Parfenova L., Pugachev A., Podviezko A. (2016). Comparative analysis of tax capacity in regions of Russia. *Technological and Economic Development of Economy*, 22(6), 905–925. DOI: 10.3846/20294913.2016.1216019
- Piketty T., Saez E., Zucman G. (2018). Distributional national accounts: Methods and estimates for the United States. *The Quarterly Journal of Economics*, 133(2), 553–609. Available at: <https://doi.org/10.1093/qje/qjx043>
- Pinskaya M.R. (2015). Approaches to understanding the tax equity. *Journal of Tax Reform*, 1(1), 90–99. DOI: 10.15826/jtr.2015.1.1.006 (in Russian)
- Pugachev A.A. (2022). Taxation-based indicators as a measure of income inequality in Russian regions. *Journal of Tax Reform*, 8(1), 40–53. DOI: 10.15826/jtr.2022.8.1.107
- Pyatt G., Chen C.-N., Fei J. (1980). The distribution of income by factor components. *Quarterly Journal of Economics*, 11, 451–473. Available at: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/843001468178771126/pdf/REP162000The0d0by0factor0components.pdf>
- Rawls D. (1999). *A Theory of Justice*. Oxford University Press.
- Salmina A. (2019). Comparative analysis of inequality indicators: Characteristics and applications. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*, 7, 35–58. DOI: 10.31857/S020736760005832-4 (in Russian).
- Savchenko Y.Y., Korchagina I.A., Goleva O.G. (2019). The results of the Russian mechanical engineering movement on the path of new industrialization. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 240, 600–604. DOI: 10.2991/sicni-18.2019.122
- Shmelev Yu.D. (2017). On criteria for assessing the effectiveness and fairness of the state tax policy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 2, 113–120 (in Russian).
- Speranskii M.M., Turgenev N.I., Orlov M.F. (1998). *U istokov finansovogo prava* [At the Origins of Financial Law]. Moscow: Statut.
- Zubarevich N.V. (2019). Inequality of regions and large cities of Russia: What was changed in the 2010s? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 4, 57–70. DOI: 10.31857/S086904990005814-7 (in Russian).
- Zubarevich N.V. (2021). Possibilities of decentralization during the year of pandemic: What does the analysis of public budget reveal? *Regional'nye issledovaniya*, 1(71), 46–57. DOI: 10.5922/1994-5280-2021-1-4 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei A. Pugachev – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor P.G. Demidov Yaroslavl State University (3, Komsomolskaya Street, Yaroslavl, 150000, Russian Federation; e-mail: andrxim@yandex.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.6
 УДК 334.012.64:336.02 | ББК 65.261.411.11

© Теребова С.В.

НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ МАЛОГО БИЗНЕСА В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА ТЕРЕБОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Вологда, Российская Федерация
 e-mail: svetlana-ter@mail.ru
 ORCID: [0000-0002-2044-9521](https://orcid.org/0000-0002-2044-9521)

Актуальность поставленной проблемы продиктована тем, что в условиях экономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19, усилением санкционного давления, возрастает значимость развития сектора малого бизнеса, в первую очередь как инструмента, обеспечивающего создание рабочих мест в регионах страны. В то же время предприятия рассматриваемого сектора наиболее подвержены негативному влиянию факторов внешней среды, последствия воздействия которых могут быть смягчены с помощью государственной налоговой политики. Цель исследования заключается в разработке предложений по налоговому стимулированию малого бизнеса в условиях текущей экономической нестабильности. Рассмотрены теоретические аспекты применения специальных режимов налогообложения, а также зарубежный и отечественный опыт их корректировки. Особое внимание уделено реализации инструментов налогового стимулирования малого бизнеса на региональном уровне. В статье доказывается необходимость проведения государством налоговой политики, направленной на поддержку сектора малого и среднего бизнеса, что приобретает особую остроту в субъектах страны, где такие предприятия обеспечивают значительную долю рабочих мест. Для этого предлагается использовать ряд мер, таких как продление пониженной ставки по упрощенной системе налогообложения, увеличение «порога» дохода, позволяющего ее применять, меры по смягчению последствий отмены единого налога на вмененный доход и др. Новизна исследования заключается в комплексном рассмотрении теоретических и практических вопросов налогового регулирования, в обосновании необходимости поиска путей его совершенствования с точки зрения развития сектора малого и среднего предпринимательства.

Малый бизнес, регион, налог, система налогообложения, налоговые льготы, экономический кризис.

Для цитирования: Теребова С.В. (2023). Налоговое стимулирование малого бизнеса в условиях экономической нестабильности // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 92–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.6

For citation: Terebova S.V. (2023). Fiscal expansion of small business in the economic instability. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 92–112. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.6

Введение

Последние годы (2020–2022 гг.) ознаменовались усугублением кризисных процессов в российской экономике, что было вызвано распространением коронавирусной инфекции, ужесточением антироссийских санкций со стороны стран Запада. Центральный банк РФ прогнозировал снижение ВВП в 2022 году на 4–6% (снижение прогнозируется и в 2023 году)¹; по оценкам фонда «Центр стратегических разработок», к концу 2022 года ожидался прирост безработицы в части регионов².

Особенно уязвимы перед изменениями внешней среды и рыночной конъюнктуры предприятия малого бизнеса. По расчетам аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, за март – июнь текущего года, когда начали действовать санкции, в России закрылись 113,5 тыс. коммерческих предприятий (более 90% из них относятся к малому и микробизнесу). Это на 17,5% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года³.

В то же время вклад малого и среднего бизнеса в ВВП составляет порядка 22%⁴. Руководством страны поставлена задача увеличить этот показатель до 40%, а число занятых в секторе – с 19 до 25 млн человек. Однако в связи с тем, что малый бизнес – явление социально значимое, отрицательные тенденции в его функционировании имеют негативные последствия в целом для развития российских территорий. В сложившихся условиях ключевая роль принадлежит государственной поддержке сектора малого бизнеса.

Так, по оценкам российских предпринимателей, в новых экономических условиях

в списке факторов, препятствующих активизации ведения бизнеса, первую строчку занимает «чрезмерное налогообложение» (Теребова, Устинова, 2022). Об этом свидетельствуют и данные специального доклада Президенту РФ о предпринимательстве в период пандемии COVID-19, где отражено мнение предпринимателей касательно ключевых мер, которые могут позволить обеспечить экономический рост в стране. Среди главных мер называются снижение налоговой нагрузки на предприятия (86% опрошенных предприятий), ограничение роста тарифов на услуги инфраструктурных и сырьевых монополий (82%), снижение административного давления на бизнес (82%) и др.⁵

Таким образом, одним из ключевых условий «выживания» в новых экономических условиях обозначается снижение налогового бремени. В то же время государству необходимо обеспечить наполняемость бюджета в размере, достаточном для решения общественных задач. Поиск путей обеспечения баланса в данном вопросе в кризисных условиях является весьма актуальной проблемой.

Цель исследования заключается в разработке предложений по налоговому стимулированию малого бизнеса в условиях текущей экономической нестабильности. Поставленная цель определила следующие задачи: 1) изучить теоретические аспекты налогообложения субъектов малого бизнеса; 2) проанализировать действующую систему налогообложения малого бизнеса в России; 3) определить направления совершенствования налогообложения малого бизнеса с точки зрения поддержки развития сектора.

¹ Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 22 июля 2022 года. URL: http://www.cbr.ru/collection/collection/file/42180/forecast_220722.pdf (дата обращения 31.07.2022).

² Аналитики дали прогноз по безработице в России. URL: <https://lenta.ru/news/2022/06/10/bezrab> (дата обращения 31.07.2022).

³ За санкционные месяцы в России закрылись свыше 110 тыс. компаний. URL: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2022/zakr-110-tys-komp> (дата обращения 31.07.2022).

⁴ Росстат впервые раскрыл долю малого и среднего бизнеса в экономике. URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/02/2019/5c5948c59a794758389cfd7> (дата обращения 31.07.2022). Для сравнения: доля малого и среднего бизнеса в ВВП развитых стран составляет 50–60%. Так, в Великобритании это 51%, Германии – 53%, Финляндии – 60%, Нидерландах – 63%.

⁵ МСП/Постковид. Время системных решений: спец. доклад Президенту РФ. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения 31.07.2022).

Научная новизна работы состоит в том, что на основе анализа налоговых режимов, предусмотренных законодательством о налогах и сборах, и динамики развития сектора за 2019–2022 гг. предложены пути совершенствования налогообложения субъектов малого бизнеса в условиях экономической нестабильности. Предметом исследования выступают налоговые отношения в сфере функционирования малого бизнеса, объектом – сфера малого предпринимательства России в целом и субъектов Северо-Западного федерального округа в частности.

Методология

В работе применяется методология системного анализа, суть которой заключается в рассмотрении объекта исследования как составной части общей социально-экономической системы с учетом действующих внутри нее взаимосвязей и динамики ключевых параметров, анализирующихся с применением современных методов исследования (включая методы статистического анализа).

Теоретико-методологические аспекты исследования базируются на результатах, полученных российскими и зарубежными учеными-экономистами, а также на собственных результатах и выводах автора.

Аналитические материалы представлены на примере субъектов Северо-Западного федерального округа и более детально на примере Вологодской области. Оценка текущего состояния малого бизнеса проведена с использованием официальных статистических данных (Росстат), а также сведений Единого реестра субъектов малого предпринимательства. С опорой на эти источники в работе проанализированы основные показатели, помогающие охарактеризовать состояние малого и среднего предпринимательства (МСП): динамика общего количества МСП, среднесписочная численность работников, число вновь созданных, ликвидированных субъектов, уровень закредитованности и др., что позволило сделать выводы о развитии сектора в период коронакризиса. Анализ уплаты субъектами МСП налогов в рамках применения специ-

альных налоговых режимов строился на данных Федеральной налоговой службы, Управления налоговой политики и доходов Департамента финансов Вологодской области. Для решения аналитических задач применялись общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение и систематизация, а также графический и табличный.

Для анализа нормативно-правовой документации, регламентирующей налогообложение МСП, а также изучения федеральных и региональных законов, постановлений, устанавливающих меры налоговой поддержки в условиях COVID-19, использовалась СПП «КонсультантПлюс».

Кроме того, в целях обоснования актуальности и более полного раскрытия проблематики исследования в качестве информационных источников применялись сведения следующих организаций: Министерство финансов России, Банк России, аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza.

Предлагаемые в работе направления развития системы налогообложения базируются на выводах, полученных в ходе анализа субъектов предпринимательства и т. д.

Теоретические аспекты применения специальных режимов налогообложения субъектов малого предпринимательства

В рамках исследования категории «малый бизнес», «малый и средний бизнес» «малое предпринимательство», «малые и средние предприятия», «субъекты МСП» используются как синонимы. В общем в контексте проводимой работы под малым бизнесом понимается совокупность экономических субъектов рынка – независимых средних, малых, микропредприятий и ИП, деятельность которых направлена на извлечение прибыли и способствует развитию экономики государства.

Согласно законодательству РФ, к субъектам МСП относятся зарегистрированные в установленном порядке и отвечающие определенным требованиям хозяйственные

Таблица 1. Критерии отнесения субъекта к малому и среднему бизнесу

Категория МСП	ССЧ за предыдущий год, чел.	Доход за предыдущий год без НДС по данным налогового учета, млн руб.	Состав уставного капитала	
			доля физлиц и других малых предприятий	доля государства, субъектов РФ и (или) НКО
Микропредприятие	до 15	до 120		
Малое предприятие	до 100	до 800		
Среднее предприятие	до 250 до 1000 – предприятия легкой промышленности из специального перечня до 1500 – организации в сфере общественного питания	до 2000	не менее 51% капитала (акций)	не более 25% (суммарно)

Составлено по: О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356

субъекты и индивидуальные предприниматели⁶. В качестве основных требований законом установлено соответствие субъекта МСП определенным лимитам по числу сотрудников и обороту (табл. 1).

Указанные в табл. 1 критерии в 2022 году распространялись и на официально зарегистрированных индивидуальных предпринимателей. В случае если ИП ведет деятельность без привлечения работников, критерием выступает его годовой доход.

Некоторые исследователи, полагают, что «критерий отнесения субъектов предпринимательства к малому бизнесу должен быть индивидуален для каждой отрасли, поскольку отрасли экономики неоднородны и им присущи специфические черты» (Воротникова, Рожкова, 2016, с. 27).

Если говорить о зарубежном опыте установления критериев отнесения к МСП, то можно заключить, что общих принципов не существует, диапазон значений параме-

тров (оборот, численность сотрудников и др.) достаточно широкий и зависит от общеэкономической ситуации в стране, целей и задач развития государства и т. п. Так, например, в Китае к среднему предприятию⁷ может относиться хозяйствующий субъект с численностью сотрудников до 2 тыс. чел.⁸, а в Сирии для отнесения производственного предприятия к среднему достаточно, чтобы на предприятии трудились 26 чел. (с верхней границей – в 150 чел.)⁹.

Установление четких границ критериев отнесения к МСП при проведении политики налогообложения играет ключевую роль. В рамках работы параметрами отнесения к МСП считаются критерии, установленные российским законодательством.

Особенностью малых предприятий является их высокая чувствительность к реализуемой в стране бюджетной и налоговой политике. В России неопределенность такой политики препятствует развитию исследу-

⁶ О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (ред. от 28.06.2022). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52144/08b3ecbcdc9a360ad1dc314150a6328886703356 (дата обращения 01.07.2022).

⁷ В зависимости от вида экономической деятельности.

⁸ Алиев Т. (2017). Вклад МСП в экономику и экспортный потенциал в регионе АТЭС // Вестник АТЭС. Издание Российского центра исследований АТЭС. № 5. С. 11–16.

⁹ Проблемы и перспективы развития малого бизнеса в Сирийской Арабской Республике. URL: <https://rep.bntu.by/bitstream/handle/data/89611/15-16.pdf;jsessionid=9F8A715F9C650401D85B83A84B08A795?sequence=1> (дата обращения 31.08.2022).

емого сектора (Дорошина, 2012; Ашмарина, 2015; Божечкова, 2017), что усиливает значимость налогового стимулирования МСП (Зотиков, 2018), т. к., несмотря на незначительный вклад в ВВП, такие предприятия обеспечивают рабочими местами экономически активное население.

В работе налог рассматривается в качестве экономической категории, основной функцией которой заключается в формировании денежных средств государства. Согласно Налоговому кодексу РФ, «налог – обязательный, индивидуальный безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения, принадлежавших им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств, в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований»¹⁰.

В числе классиков теории налогообложения можно назвать Д. Кейнса, А. Маршалла, Д. Рикардо, А. Смита. А. Маршалл одним из первых обосновал, что налоги, наряду с тем что являются фискальным инструментом, влияют на экономическое развитие, в частности через снижение инвестиционных возможностей предпринимателей при взимании налогов и воздействие на потребление посредством косвенных налогов¹¹.

Стимулирующая функция налога реализуется органами государственной власти путем предоставления, как правило, налоговых льгот для отдельных категорий налогоплательщиков, что позволяет создать более благоприятные условия для функционирования определенных видов экономической деятельности и территорий¹². Направления (сферы деятельности предприятий, их количественные параметры и т. д.) задаются налоговой политикой государства и коррелируют с общими задачами его развития (Иванова, Кацюба, 2016).

При осуществлении политики налогообложения малого бизнеса ключевыми параметрами выступают четко поставленная

цель и определенные критерии ее достижения. Цели налоговой политики зависят от общей ситуации, сложившейся в государстве (условия для ведения бизнеса, отраслевая структуры экономики и т. п.), и состояния самого сектора (вклад МСП в ВВП, доля теневого сектора и т. п.) (Абрамова, 2017). Дискуссионным в теории налогообложения остается вопрос о том, что является более приоритетным: повышение налогов и на основе этого увеличение государственного бюджета либо же применение фискальных мер для снижения налоговой нагрузки на бизнес в целях его стимулирования. Во втором случае налоговые ставки должны побуждать налогоплательщиков к внедрению передовых достижений научно-технического прогресса, к наращиванию и развитию производства и т. п. Здесь следует обратить внимание на то, что избыточное государственное стимулирование сектора способно привести к дроблению предприятий.

В числе целей рассматриваемой политики можно выделить следующие: снижение налоговой нагрузки на субъекты МСП и издержек, связанных с уплатой налогов; создание преимуществ малому бизнесу; снижение издержек вхождения на рынок, развитие конкуренции; стимулирование развития определенных (приоритетных) отраслей; снижение уклонения от налогообложения субъектов МСП.

В развитых странах, с учетом того что налоговые издержки зависят от масштаба предприятия, методы налогового регулирования весьма разнообразны. Наибольшее распространение получили специальные налоговые режимы. Их суть состоит в том, что субъект налогообложения освобождается от уплаты некоторых налогов (чаще всего НДС). Ключевая цель введения специальных налоговых режимов – стимулирование развития сектора МСП. Как правило, поступления в бюджет от налогов по специальным режимам не являются основными среди налогов, образующих доход.

¹⁰ СПП «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671 (дата обращения 10.07.2022).

¹¹ Маршалл А. (1993). Принципы экономической науки. Москва: Прогресс. 594 с.

¹² Миляков Н.В. (2006). Налоги и налогообложение. Москва: ИНФРА-М. 509 с.

В России одним из главных инструментов налогового стимулирования МСП, относящихся к спецрежиму, является упрощенная система налогообложения (УСН). Впервые она была введена в действие в 1995 году¹³. Такая система предполагает замену уплаты трех налогов единым налогом. Тем самым УСН обеспечивает снижение налоговой нагрузки на предприятия. Согласно действующему российскому законодательству, субъект налогообложения может применять УСН, пока он не перестанет соответствовать необходимым для этого условиям.

Изучая исторический контекст, следует отметить, что введение института УСН позволило стимулировать рост числа МСП. Так, за период 1995–2022 гг. их количество выросло с 877,3 тыс. (Ширяева, 2008) до 5,74 млн ед.¹⁴ Однако сама эта система налогообложения постоянно трансформируется (меняются требования, условия, ставки, сами налоги, относящиеся к упрощенной системе, и т. п.) и остается предметом для дискуссии как в научной среде, так и со стороны ее непосредственных «пользователей» – налогоплательщиков. Причем взгляды на этот вопрос у теоретиков и практиков бывают диаметрально противоположными. Так, например, отмечается: «Следует иметь в виду, что наличие альтернативных способов определения налоговых обязательств и возможность легкого выбора между ними могут приводить к уклонению от налогообложения крупного и среднего бизнеса посредством заключения определенных сделок между предприятиями с разными системами учета» (Шкробела, 2008, с. 16).

Авторы считают излишним наличие такого количества (четырёх) специальных упрощенных налогов: «Лучшая практика – это отсутствие множественности налоговых режимов» (Шкробела, 2008, с. 7).

В.Г. Пансков говорит о необходимости реализации мер, направленных на карди-

нальную перестройку действующих специальных налоговых режимов. В частности, «следовало бы ограничить сферы деятельности, переход на которые позволяет предприятиям применять упрощенную систему налогообложения. Речь должна идти исключительно о приоритетных отраслях экономики, таких как разработка и внедрение инновационных технологий, промышленное производство, прикладная наука и т. д.» (Пансков, 2018, с. 116, 118). Он предлагает ввести для всех МСП, не работающих на специальных режимах налогообложения, прогрессивную шкалу ставок по налогу на прибыль.

Следует отметить, что «применение специальных налоговых режимов освобождает налогоплательщиков от уплаты ряда налогов. Например, организации, применяющие УСН, ЕСХН, не платят налог на прибыль, НДС, налог на имущество; индивидуальные предприниматели – НДФЛ, налог на имущество физических лиц (по имуществу, используемому в предпринимательской деятельности), НДС»¹⁵.

В научной литературе зачастую критике подвергается исключение при использовании спецрежимов необходимости уплаты НДС. Так, Н.И. Малис отмечает: «Налогоплательщики налога, взимаемого в связи с применением УСН, в отличие от налогоплательщиков, применяющих нулевую ставку по НДС, не имеют права принять к вычету сумму входного НДС, а включают его в стоимость приобретенных товаров, которая не может быть учтена в расходах в случае выбора объекта налогообложения «Доходы» (Малис, 2013, с. 76).

Освобождение от уплаты НДС при применении УСН может быть сопряжено со сложностью реализации продукции покупателям, использующим ОСНО, что обусловлено тем, что они не могут принять к вычету сумму «входного» НДС с ее стоимости (Малис, 2013;

¹³ Об упрощенной системе налогообложения, учета и отчетности для субъектов малого предпринимательства: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 222-ФЗ (посл. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8795 (дата обращения 10.07.2022).

¹⁴ Единый реестр субъектов малого предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 10.07.2022).

¹⁵ Представителям малого и среднего бизнеса разъяснили особенности применения специальных налоговых режимов. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/activities_fts/8038526 (дата обращения 02.09.2022).

Кравченко, Мялкина, 2015; Мандрощенко, 2015). Поэтому субъекты, применяющие УСН, как правило, осуществляют реализацию товаров/услуг населению либо другим налогоплательщикам УСН.

К недостаткам применения УСН некоторые исследователи (Морозова, 2012; Тимофеев, 2015) также относят лимиты по величине остаточной стоимости основных средств.

Еще одним дискуссионным вопросом остается объем максимальной суммы дохода, позволяющей налогоплательщикам применять УСН (Алагаева, 2014; Тимофеев, 2015). Несмотря на неоднократное увеличение данной суммы, до сих пор ее уровень соответствует лишь критериям отнесения к субъектам микропредпринимательства. Это может приводить к дроблению бизнеса с целью сохранения льготного режима налогообложения. Здесь следует отметить, что если субъект МСП теряет право на применение специального налогового режима, то он обязан уплатить налоги, от которых был освобожден на условиях УСН.

Ряд современных ученых-экономистов отмечает, что с помощью налогов возможны стабилизация, антициклическое регулирование развития экономики (Капканщиков, 2020), осуществляемые путем фискального стимулирования спроса на инвестиции в период экономического спада и его ограничения во время экономического подъема.

«В период ликвидации негативных последствий финансово-экономического кризиса задача обеспечения роста налоговой активности субъектов предпринимательской деятельности вызывает необходимость разработки эффективных инструментов налогового стимулирования» (Туфетулов, 2016).

Одним из последних кризисов, ставших для МСП «шоковым потрясением», выступил экономический кризис, вызванный пандемией COVID-19. Правительства госу-

дарств отреагировали на него принятием соответствующих мер поддержки предприятий, среди которых важную роль сыграли меры налоговой поддержки.

Так, в США был принят пакет мер государственной поддержки сектора МСП, пострадавшего в связи с пандемией COVID-19¹⁶ (Weltman, 2022). Некоторые из них все еще действуют, срок действия других уже истек (табл. 2).

В исследовании¹⁷ представлен обзор мер по оказанию помощи МСП в связи с COVID-19, принятых странами ЕС. Наиболее упоминаемыми из них были временное снижение и отсрочка НДС и приостановление судебных процедур. С одной стороны, это эффективно поддержало денежные потоки компаний и освободило их от административного бремени. С другой стороны, компаниям пришлось корректировать цены и адаптироваться к новым сложным процедурам, что привело к увеличению внутренних временных затрат, от которых в первую очередь пострадали МСП. Представители предприятий, опрошенные¹⁸ в ходе цитируемого исследования, признают, что сохранение бизнеса, в частности для МСП, было во многом обусловлено налоговыми мерами.

Таким образом, государство с помощью налоговых инструментов оказывает регулятивное воздействие на сектор МСП. Вектор такого воздействия задается направлением и целями государственной политики, а также зависит от текущей социально-экономической ситуации в стране. С нашей точки зрения, в условиях экономической нестабильности перестройка системы налогообложения в части сокращения числа специальных налоговых режимов для МСП может негативно отразиться на функционировании сектора. Что касается сложностей, связанных с освобождением от уплаты НДС при применении УСН, видится, что в качестве альтернативы для предприятия при необходимости применения вычета по НДС

¹⁶ Dublino J. (2022). Business News Daily Small Business Taxes: What to Expect in 2022. URL: <https://www.businessnewsdaily.com/7720-small-business-taxes.html>

¹⁷ Legge A.Di, Ceccanti D. (2022). Tax compliance costs for SMEs: An update and a complement. Final Report. European Innovation Council and SMEs Executive Agency. DOI: 10.2873/180570.

¹⁸ Проведено интервью с представителями 3500 предприятий во всех странах, входящих в Евросоюз.

Таблица 2. Меры налоговой поддержки МСП в США в условиях коронакризиса

Мера	Краткая характеристика
Отсрочка налогов на социальное обеспечение	В 2020 году Закон о помощи, облегчении и экономической безопасности при коронавирусе разрешил работодателям отсрочить внесение части налогов на социальное обеспечение, подлежащих уплате в период с 27.03.2020 по 31.12.2020. Половина этих отложенных налогов должна быть уплачена до 31.12.2021, оставшаяся часть – до 31.12.2022
Правила чистой операционной деятельности	Если у компании был чистый операционный убыток в 2018, 2019 или 2020 гг., который переносится на 2021 год, он будет ограничен 80% налогооблагаемого дохода
Правила ограничения коммерческих потерь	Благодаря временной приостановке действия правил Закона о сокращении налогов и занятости в 2019 и 2020 гг. предприятия могли переносить чистые операционные убытки на пять лет назад или на неопределенный срок в будущем. Однако эти правила вновь вступили в силу в 2021 налоговом году
Правило ограничения процентных расходов	Налоговое правило, действие которого было временно приостановлено во время пандемии. Вновь вступило в силу в 2021 налоговом году. Ограничивает налогооблагаемый доход текущим налоговым годом и уменьшает вычет по процентным расходам с 50 до 30% от скорректированного налогооблагаемого дохода
Закон о реагировании на коронавирус «Семья прежде всего»	Обязывает определенные предприятия предоставлять оплачиваемые отпуска по болезни и по семейным обстоятельствам сотрудникам, пострадавшим от COVID-19, до 31.03.2021. Предприятия, которые произвели эти выплаты, имеют право на налоговые вычеты в размере 100% стоимости оплаты отпуска по болезни, по семейным обстоятельствам, а также расходов на запланированное квалифицированное медицинское обслуживание и доли работодателя в налогах на заработную плату для расходов на отпуск по болезни, которые они понесли

Составлено по: Di Legge A., Ceccanti D., Foronda F.H. [et al.] Tax compliance costs for SMEs: An update and a complement. Final report. Available at: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/70a486a9-b61d-11ec-b6f4-01aa75ed71a1/language-en> (accessed 29.08.2022).

такой субъект может воспользоваться общей системой налогообложения (ОСНО).

Зарубежный опыт свидетельствует, что льготные режимы налогообложения стимулируют развитие сектора, а также оказывают ему значимую поддержку в кризисных условиях.

Действующая система налогообложения малого бизнеса в России

В целях поддержки и стимулирования малого бизнеса в России введены специальные режимы налогообложения. Так, еще в 2004 году в Налоговом кодексе РФ были установлены пять упрощенных систем налогообложения (табл. 3). Кроме того, наряду с ними субъекты малого предпринимательства вправе применять общую систему налогообложения. Согласно ОСНО, налог на прибыль облагается по ставке 20% для юрлиц, а также уплачивается НДС (20%) и для индивидуальных предпринимателей НДФЛ (13%).

Введение специальных режимов налогообложения позволяет предприятиям сократить налоговые издержки. Так, в частности, индивидуальные предприниматели, применяющие патентную систему налогообложения, освобождены от налогового и бухгалтерского учета, а ИП и юрлица, использующие упрощенную систему налогообложения, не ведут бухгалтерский учет.

Среди предпринимателей, ведущих свою деятельность в области торговли, общественного питания, оказания услуг (в совокупности предприятия данных сфер в структуре МСП занимают до 70%), одним из наиболее востребованных был единый налог на вмененный доход. Его несомненным преимуществом являлась возможность не уплачивать налог на прибыль, имущество и добавленную стоимость – для организаций, и налог на имущество и НДФЛ – для ИП. При этом уплачивался единый налог по ставке 15% от потенциально возможного дохода, не зависящий от выручки. Несмотря на популярность, с января 2021 года ЕНВД

Таблица 3. Специальные (упрощенные) режимы налогообложения субъектов малого бизнеса

Наименование налога	Налогооблагаемые субъекты	Налоговая база	Ставка, %
Упрощенная система налогообложения (УСН)			
– доходы за вычетом расходов	Организации и ИП	Доходы за вычетом расходов	15
– доходы		Доход	6
Единый налог на вмененный доход (ЕНВД)	Организации и ИП, в которых не больше 100 сотрудников*	Вмененный доход**	15
Патентная система налогообложения (ПСН)	ИП	Потенциальный доход	6
Единый сельскохозяйственный налог (ЕСН)	Организации и ИП, с долей дохода от реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции не менее 70%	Доходы за вычетом расходов	6
Налог на профессиональный доход (НДП)	Физические лица, ИП, работающие в одной сфере бизнеса (самозанятые)	Доход	4, 6
* Виды деятельности, попадающие под ЕНВД, определялись местными властями с ориентацией на п. 3 ст. 346.29 НК РФ (розничные услуги, торговля).			
** Вмененный доход – это потенциально возможный доход налогоплательщика, который определяется с учетом совокупности условий, непосредственно влияющих на его получение. URL: https://data.nalog.ru/create_business/ul/in_progress/envd			

был отменен. Все применявшие его налогоплательщики должны перейти на другой (по собственному выбору) режим налогообложения.

Следует отметить, что при применении УСН в случае выбора варианта расчета налога «доходы минус расходы», если за налоговый период предприятие получило убыток (сумма расходов превысила сумму доходов), то налогоплательщик уплачивает со всех налогооблагаемых доходов налог в размере 1%.

Изменения специальных режимов налогообложения МСП проводятся в соответствии с задачами развития государства. Так, по заявлению представителей Правительства РФ налоговая политика страны на 2016–2018 гг. определялась как стимулирующая.

На 2019–2021 гг. цели и задачи бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики обозначены в «Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-

тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 гг.»¹⁹. В документе указывается, что ключевым направлением является содействие в достижении поставленной Президентом России национальной цели развития «повышение качества жизни и благосостояния граждан...». Кроме того, говорится о необходимости устойчивого ускорения экономического роста. Задачи по развитию малого бизнеса входят в блок документа «Расширение потенциала экономики». Новым в отношении данного сектора за этот период, как было показано выше, стало отмена в 2021 году ЕНВД. С 2019 года в пилотных субъектах РФ, а затем и по всей стране был введен новый специальный налоговый режим – налог на профессиональный доход. Согласно данным ФНС, если в январе 2020 года число самозанятых, использующих НПД, равнялось 1,5 млн чел., то по состоянию на июнь 2022 года их количество

¹⁹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 гг.: утв. Минфином России. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_308390/b09b17ca7d790cdfaf880b02fad5e29bc157489a5 (дата обращения 08.09.2022).

Таблица 4. Меры налоговой поддержки в России

Мера	Краткая характеристика меры
Снижение страховых взносов	С апреля 2020 года совокупный размер тарифа страховых взносов на ОПС, ВНиМ, ОМС уменьшен с 30 до 15%. Изменение применяется только к той части выплат, которая в каждом месяце превышает МРОТ*
Налоговые каникулы	Внесены изменения в НК РФ, устанавливающие для субъектов МСП, включенных в список пострадавших отраслей, «налоговые каникулы»: субъекты МСП были освобождены от уплаты налогов, авансовых платежей и страховых взносов за II квартал 2020 года**
Продление сроков уплаты налогов	Продление сроков уплаты налогов и предоставления налоговых деклараций, авансовых платежей по налогам, страховым взносам (по разным видам налогов, для разных категорий плательщиков, на разные сроки); продление сроков предоставления налоговых деклараций (для всех налогоплательщиков)***
Приостановление назначения и проведения налоговых проверок	В отношении всех налогоплательщиков
Предоставление отсрочки и рассрочки по уплате налогов	Новые правила предоставления отсрочки и рассрочки по уплате налогов: максимальный срок отсрочки увеличен до 1 года, а рассрочки – до 5 лет
Отмена налоговой санкции	Отмена налоговой санкции по ст. 126 НК РФ за непредставление налоговому органу сведений, необходимых для осуществления налогового контроля, совершенное в период с 1 марта по 30 июня 2020 года
Освобождение от плановых проверок	Только для малого бизнеса. Правительство запретило включать субъекты МСП в ежегодные планы проверок на 2021 и 2022 гг.****

* П. 2.1 ст. 427 Налогового кодекса Российской Федерации; О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 102-ФЗ.

** О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 172-ФЗ.

*** О мерах по обеспечению устойчивого развития экономики: Постановление Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 409.

**** Об особенностях проведения в 2022 году плановых контрольных (надзорных) мероприятий, плановых проверок в отношении субъектов малого предпринимательства и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2021 г. № 1520; Об особенностях формирования ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей на 2021 год, проведения проверок в 2021 году и внесении изменений в пункт 7 Правил подготовки органами государственного контроля (надзора) и органами муниципального контроля ежегодных планов проведения плановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: Постановление Правительства РФ от 30 ноября 2020 г. № 1969.

достигло 5 млн чел. Кроме того, с января 2019 года был изменен порядок исчисления и уплаты налога на имущество организаций²⁰.

В России принят широкий спектр мер федеральной налоговой поддержки субъектов МСП в условиях COVID-19 (табл. 4).

На 2022–2023 гг. задачи бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики, закрепленные документом²¹, были скор-

ректированы с учетом изменения условий ведения бизнеса под влиянием пандемии COVID-19: «борьба с пандемией и содействие восстановлению экономики; структурная трансформация экономики; операционная эффективность использования бюджетных средств; развитие межбюджетных отношений; таможенно-тарифное регулирование»²². Цель политики в данном документе не обо-

²⁰ С 2019 года изменится порядок налогообложения объектов недвижимости организаций. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/news/activities_fts/8248178

²¹ Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 гг. (утв. Минфином России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/bffa19c2aee741b3cd2ecae2c40e1a3f0af26184

²² Там же.

значена. В его разделе, посвященном мерам налоговой поддержки субъектов МСП, запланированы следующие меры:

- уменьшение страховых взносов;
- для смягчения последствий перехода ИП с ЕНВД на патентную систему налогообложения предусмотрено расширение области применения ПСН на виды деятельности, в которых применялся режим ЕНВД;
- до 2024 года продлено право регионов вводить «налоговые каникулы» в виде нулевой ставки (УСН, ПСН) для впервые зарегистрированных ИП в производственной, социальной, научной сферах, в сфере бытовых услуг населению;
- налогоплательщики, применяющие УСН с объектом налогообложения «доходы» и использующие контрольно-кассовую технику, освобождаются от обязанности представления налоговой декларации.

Последняя из перечисленных задач говорит о новом налоговом режиме – автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН). Пилотный проект по ее внедрению на срок до 2027 года осуществляется в четырех субъектах: Москва, Республика Татарстан, Московская и Калужская области. Суть системы АУСН в том, что функция исчисления налога от субъектов налогообложения переходит к сотрудникам органов налоговой инспекции.

В целом можно сделать общее заключение о том, что изменения в налоговой политике в стране в условиях кризиса направлены преимущественно на вывод предпринимателей «из тени». При этом на уровне субъекта страны налоги могут корректироваться в рамках установленных для регионов полномочий.

Статистическая оценка общего состояния и налогообложения малого бизнеса в России

В рассматриваемом периоде (рис.) в 2020 году относительно 2019 года общее число субъектов МСП (включая ИП) по стране сократилось на 4%, или 240 тыс. ед. Начиная с 2021 года фиксируется рост их числа: на 0,5%

в 2021 году и на 1% в 2022 году относительно 2020 года – года начала пандемии. В структурном разрезе наблюдается снижение числа малых и средних предприятий и увеличение численности микропредприятий и ИП.

Рис. Динамика российского сектора малого бизнеса в 2015, 2018–2022 гг., млн ед.

Примечание: для сопоставимости данные за каждый год представлены по состоянию на 10 августа.
Источники: Единый реестр субъектов малого предпринимательства URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 10.09.2022); Сплошное статистическое наблюдение малого и среднего бизнеса (за 2010 и 2015 гг.) URL: https://rosstat.gov.ru/small_business (дата обращения 06.11.2022).

Анализ данных статистики по СЗФО показывает, что в 2022 году в округе количественный показатель числа субъектов МСП находится на уровне ниже 2018 года, за исключением Ленинградской области. Также наиболее благоприятная по данному индикатору ситуация наблюдается в Санкт-Петербурге. Однако относительно 2021 и 2020 гг. в 2022 году в большинстве рассматриваемых территорий показатель вырос. В то же время ряд субъектов (Республика Коми, Вологодская, Архангельская, Псковская области) и в 2022 году не достигли уровня 2020 года (табл. 5).

На федеральном уровне и уровне округа наблюдается снижение среднесписочной численности (ССЧ) работников в субъектах МСП на 5%. В 2021 году относительно 2019 года наибольшее снижение ССЧ произошло в Архангельской (на 14%), Мурманской (9%), Вологодской (6%), Псковской (6%) областях, Республике Коми (10%), Республике Карелии (7%).

Таблица 5. Динамика субъектов МСП в СЗФО РФ в 2015, 2018–2022 гг., тыс. ед.

Субъект Федерации	Год										
	2015	2018	2019	2020	2021	2022	2022 к 2015	2022 к 2018	2021 к 2020	2022 к 2020	2022 к 2021
Северо-Западный федеральный округ	524	684	678	649	650	659	126	96	100	102	101
Республика Карелия	24	26	26	25	25	25	104	95	98	98	100
Республика Коми	31	29	28	26	25	24	77	83	95	93	98
Архангельская область	40,5	38	37	35	33	33	81	86	96	95	99
Вологодская область	39,6	53	51	48	47	45	114	86	97	94	97
Калининградская область	51	58	56	54	53	54	106	94	99	100	101
Ленинградская область	46	57	61	62	65	69	150	121	106	112	106
Мурманская область	24	26	25	24	23	24	100	91	98	100	102
Новгородская область	20,6	22	21	20	20	20	97	91	98	98	100
Псковская область	20	23	22	21	20	20	100	87	97	95	99
г. Санкт-Петербург	225	351	349	333	338	344	153	98	101	103	102

Источники: Единый реестр субъектов малого предпринимательства. URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics.html> (дата обращения 10.09.2022); Сплошное статистическое наблюдение малого и среднего бизнеса (за 2010 и 2015 гг.). URL: https://rosstat.gov.ru/small_business (дата обращения 06.11.2022).

В 2020–2022 гг. фиксируется ухудшение демографии предприятий малого бизнеса²⁵. Так, по итогам 2021 года наибольшее превышение числа ликвидированных субъектов над количеством созданных наблюдается в следующих субъектах: Мурманской области и Республике Коми – в три раза; Республике Карелии, Вологодской и Архангельской областях – более чем в два раза.

Сложной остается ситуация с привлечением денежных средств для МСП. Растет уровень закредитованности предприятий. Рост объема выданных кредитов составил на федеральном уровне – 1,4 раза, на уровне округа – 1,9 раза. Уровень закредитованности в разрезе субъектов СЗФО показывает, что в Калининградской, Ленинградской областях и Республике Карелии он превышал средний по стране и по округу. В Вологодской области с 2020 года снижается количество выданных кредитов, а уровень закредитованности продолжает расти на всем рассматриваемом отрезке²⁴.

Таким образом, динамика становления сектора МСП является разноплановой. С одной стороны, начиная с 2020 года прослеживается рост числа субъектов, с другой стороны – у представителей сектора нет финансовых и кадровых ресурсов для перехода на новый качественный уровень развития.

Рассмотрим динамику уплаты налогов по основным специальным режимам для малого и среднего бизнеса (УСН, ЕНВД, ЕСХН) за период 2018–2020 гг. в соответствии с представленной ФНС статистикой.

Наиболее распространенным является применение упрощенной системы налогообложения. Ее в 2020 году применяли более 3,5 млн субъектов МСП (или 63% от их общего числа). Сумма исчисленного налога составила 659 млрд руб. В динамике за три года (2018–2020) число субъектов МСП, применяющих данную систему, выросло на 9%, а сумма исчисленного налога – на 23%²⁵. Те же показатели относительно 2015 года составляют 25 и 204% соответственно²⁶.

²⁵ Статистика государственной регистрации. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/regstats (дата обращения 06.09.2022).

²⁴ Официальный сайт Банка России. URL: <https://cbr.ru/search>

²⁵ В текущих ценах.

²⁶ Там же.

Среди субъектов СЗФО наибольший уровень налоговой нагрузки при использовании данного режима зафиксирован в г. Санкт-Петербурге и Калининградской области, наименьший – в Мурманской области и Республике Коми (табл. 6).

Вторым «по популярности» среди субъектов МСП был единый налог на вмененный доход. До момента его отмены (в 2019 году) эту систему уплаты налогов применяли почти 2 млн предпринимателей (34% от общего числа субъектов МСП), сумма уплаченного налога в 2019 году составила 136,9 млрд руб. В 2020 году показатели ниже: 1,6 млн предпринимателей и 114 млрд руб. соответственно, что обусловлено постепенным переходом налогоплательщиков на другие режимы налогообложения.

Среди субъектов СЗФО наибольший уровень налоговой нагрузки при использовании данного режима был в Калининградской, Архангельской, Вологодской областях, Республике Коми, наименьший – в Ленинградской области и г. Санкт-Петербурге (табл. 7).

Рядом субъектов МСП, ведущих деятельность в сфере сельского хозяйства, применяется единый сельскохозяйственный на-

лог. Их доля в общем числе МСП невелика и составляет 1,6%. Кроме того, число субъектов МСП, использующих ЕСХН, начиная с 2015 года сокращается.

С января 2019 года предприятия, уплачивающие ЕСХН, признаются и налогоплательщиками НДС.

Согласно данным ФНС, среди субъектов СЗФО наибольшая налоговая нагрузка при применении ЕСХН наблюдалась в Мурманской и Архангельской областях, Республике Карелии, наименьшая – в Новгородской области и г. Санкт-Петербурге (табл. 8).

Достаточно широко предприятиями используется патентная система налогообложения. В 2018 году потенциально возможный к получению ИП годовой доход равнялся 241,8 млрд руб., а по состоянию на 01.01.2022 его размер, исчисленный исходя из срока действия патента, составил более 1 млрд руб.

Количество индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, за последние три года выросло в шесть раз. Такие темпы прироста, в частности, связаны с отменой ЕНВД. Высокий рост показателя в Архангельской (в 14 раз), Ленинградской (14), Новгородской (17)

Таблица 6. Количество налогоплательщиков и сумма исчисленного налога, уплачиваемого в связи с применением упрощенной системы налогообложения, за 2015, 2018–2020 гг.

Территория	2015 год		2018 год		2019 год		2020 год	
	к-во нал./пл., тыс. ед.	сумма налога, млн руб.	к-во нал./пл., тыс. ед.	сумма налога, млн руб.	к-во нал./пл., тыс. ед.	сумма налога, млн руб.	к-во нал./пл., тыс. ед.	сумма налога, млн руб.
РФ	2818	323053	3241	535494	3386	628751	3536	659827
Северо-Западный федеральный округ	336	37948	391	64938	425	79220	441	79378
Республика Карелия	17	1396	18	2063	19	2362	19	2534
Республика Коми	20	2202	19	2687	19	2966	19	1735
Архангельская область	27	2720	28	4162	27	4604	27	3676
Вологодская область	28	2067	30	3329	31	3839	31	4027
Калининградская область	41	4707	41	6600	43	7541	43	8757
Ленинградская область	25	2183	32	4072	38	5464	42	6248
Мурманская область	15	1550	16	2216	16	2556	17	963
Новгородская область	11	984	11	1444	12	1637	12	1 659
Псковская область	11	919	12	1488	12	1675	13	1863
г. Санкт-Петербург	140	19096	178	36737	203	46382	212	47816

Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения 29.08.2022).

Таблица 7. Количество налогоплательщиков, представивших налоговые декларации по ЕНВД, и сумма исчисленного единого налога на вмененный доход для отдельных видов деятельности за 2015, 2018–2020 гг.

Территория	2015 год		2018 год		2019 год		2020 год	
	к-во нал./пл., ед.	сумма налога, млн руб.						
РФ	2094	142233	2072	135487	1968	136980	1637	114023
Северо-Западный федеральный округ	207	16246	213	15762	202	15876	174	13837
Республика Карелия	10	861	9	844	8	820	6	687
Республика Коми	15	1527	13	1255	12	1 201	10	1 085
Архангельская область	16	1824	17	1786	15	1810	12	1286
Вологодская область	17	1770	17	1613	18	1616	14	1460
Калининградская область	17	1482	17	1672	17	1677	13	1558
Ленинградская область	27	1520	28	1432	27	1444	24	1281
Мурманская область	11	782	10	708	9	686	8	586
Новгородская область	11	911	10	762	8	731	8	762
Псковская область	10	850	9	795	9	775	7	647
г. Санкт-Петербург	68	4603	76	4799	75	5016	67	4410

Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения 29.08.2022).

Таблица 8. Количество налогоплательщиков (ед.) и сумма исчисленного единого сельскохозяйственного налога (тыс. руб.) за 2015, 2018–2020 гг.

Территория	2015 год		2018 год		2019 год		2020 год	
	к-во нал./пл., ед.	сумма налога, тыс. руб.						
РФ	98310	9586628	97034	15101528	94 633	15131758	91111	19330925
Северо-Западный федеральный округ	2 694	1977320	2609	3362596	2426	3196486	2292	3793908
Республика Карелия	155	224296	191	311238	205	272874	192	415710
Республика Коми	343	26918	250	42088	208	25534	221	12545
Архангельская область	241	160533	193	148140	157	169476	133	162825
Вологодская область	245	13266	240	18469	197	21536	197	16933
Калининградская область	408	297165	468	305720	493	365819	456	485703
Ленинградская область	359	44634	373	50327	322	48693	307	25928
Мурманская область	114	1062783	114	2399379	101	2236167	102	2609652
Новгородская область	442	12942	390	18003	388	16992	364	8207
Псковская область	287	5163	265	6175	242	6744	216	8009
г. Санкт-Петербург	77	76648	99	17143	91	2456	86	2721

Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения 29.08.2022).

областях, наименьший темп прироста (в три раза) в Мурманской области (табл. 9).

Таким образом, можно говорить о тенденции наращивания числа «пользователей» налоговых режимов УСН и ПНС на фоне со-

кращения числа налогоплательщиков, применяющих ЕНВД и ЕСХН. Наибольший прирост налоговых поступлений в консолидированный бюджет РФ и рассматриваемых субъектов обеспечивается при применении УСН.

Таблица 9. Число индивидуальных предпринимателей, применяющих патентную систему налогообложения, в 2015, 2018–2021 гг., количество патентов

Территория	Год				
	2015*	2018	2019	2020	2021
РФ	145573	439088	340226	493606	2060046
Северо-Западный федеральный округ	5365	25074	22219	30964	177034
Республика Карелия	575	1992	1586	2259	8877
Республика Коми	1313	2466	1988	2749	9619
Архангельская область	350	873	754	1010	11258
Вологодская область	430	3700	2423	3086	20027
Калининградская область	372	1732	1768	2438	17582
Ленинградская область	90	1622	1996	2941	29326
Мурманская область	912	2772	2321	2922	6278
Новгородская область	120	474	447	640	7776
Псковская область	265	1004	725	717	6461
г. Санкт-Петербург	878	8339	8102	12113	59 685

* За 2015 год ед. изм. – количество индивидуальных предпринимателей.
Составлено по: данные Федеральной налоговой службы. URL: <https://www.nalog.gov.ru> (дата обращения 29.08.2022).

Следует отметить, что, несмотря на некоторые отрицательные значения ряда показателей развития сектора, по данным Федеральной налоговой службы РФ, поступление налогов, предусмотренных специальными налоговыми режимами, выросло. Так, например, в Вологодской области в 2021 году по сравнению с 2020 годом увеличение составило 29,2% (с 3,9 до 5,04 млрд руб.)²⁷. Поступления платежей по налогам на совокупный доход следующие:

- по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения, в 2021 году на 40% больше, чем в 2020 году (значения соответственно составили 4,5 и 3,12 млрд руб.);

- по налогу, взимаемому в связи с применением патентной системы налогообложения, в 2021 году больше в 3,5 раза, чем в 2020 году (212,9 и 61,2 млн руб.);

- по налогу на профессиональный доход в 2021 году больше в 77 раз, чем в 2020 году (59,6 и 0,775 млн руб.);

- платежей по единому налогу на вмененный доход для отдельных видов деятельности в 2021 году почти в

четыре раза меньше, чем в 2020 году (197,3 и 671,8 млн руб.).

Поступления по страховым взносам на обязательное социальное страхование в Вологодской области за рассматриваемый период увеличились на 6,8% (с 52,8 до 56,39 млрд руб.).

Как отмечают сами предприниматели, значительную роль в росте налоговой нагрузки сыграли отмена ЕНВД и вызванный этим переход на УСН и ПНС, ОСНО²⁸. Кроме того, это отрицательно сказалось на увеличении издержек предприятий и ИП. Руководством региона с учетом сложившихся обстоятельств в целях минимизации последствий распространения коронавирусной инфекции были приняты необходимые меры по поддержке бизнеса. Ключевой из них для МСП стало снижение ставки налога по УСН. В 2020 году для наиболее пострадавших видов деятельности снижение ставки составило по объектам налогообложения «доходы минус расходы» с 15 до 5%, по объектам налогообложения «доходы» – с 6 до 2% (в аналогичном размере были снижены ставки в 2021 году для организаций, применявших ЕНВД в 2020 году), для стратеги-

²⁷ ФНС. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn35/related_activities/statistics_and_analytics/forms/9777595 (дата обращения 30.06.2022).

²⁸ Более половины предпринимателей столкнулись с повышением налоговой нагрузки при переходе с ЕНВД. URL: https://buh.ru/news/uchet_nalogi/125237 (дата обращения 30.06.2022).

чески важных видов деятельности – с 15 до 10% и с 6 до 4% соответственно²⁹.

Всего, по данным Управления налоговой политики и доходов Департамента финансов Вологодской области, объем предоставленных льгот по УСН в Вологодской области в 2020 году составил 169,4 млн руб., количество получателей – 686 ед., большая часть из них (68%) расположены в крупных городах региона Вологде и Череповце.

Кроме того, предоставлена отсрочка по уплате УСН для отдельных отраслей (обрабатывающие производства, деятельность в области культуры, спорта, организации досуга и развлечений, демонстрация кинофильмов, деятельность туристических агентств, деятельность в области здравоохранения, парикмахерские услуги и салоны красоты) на 6 месяцев. Сумма отсрочки в бюджет региона за 2021 год составила 81 млн руб., за первый квартал 2022 года – 79 млн руб.

В Вологодской области также были установлены налоговые преференции в отношении объектов имущества, облагаемых налогом по кадастровой стоимости. Внесенным изменением снижен на 2021 год размер налоговых ставок до размера ставок, действующих в 2020 году, для организаций, применяющих до 1 января 2021 года ЕНВД и перешедших с этой даты на ОСНО³⁰.

В отношении данной категории налогоплательщиков на 1 год продлен период поэтапного увеличения налоговых ставок³¹. Сохранен понижающий коэффициент 0,5 ставки налога на имущество, исчисляемого исходя из кадастровой стоимости, для организаций, применяющих УСН и ведущих деятельность в отраслях экономики, наиболее пострадав-

ших от распространения коронавирусной инфекции.

Для предпринимателей, применяющих ПНС, были введены двухлетние налоговые каникулы. Они могут быть предоставлены в период регистрации налогоплательщика в 2021–2024 гг. (включая год регистрации). Виды деятельности, для которых предоставляются налоговые льготы: производственная, социальная, научная сферы, сфера бытовых услуг населению. В 2021 году данной мерой в Вологодской области воспользовались 267 индивидуальных предпринимателей, сумма налоговой льготы составила чуть более 1 млн руб.³²

Таким образом, как на федеральном, так и на региональном уровне были предприняты меры соответствующей налоговой поддержки сектора малого бизнеса. Реализованные шаги позволили смягчить влияние сложных экономических условий на исследуемый сектор. Однако полностью избежать отрицательных тенденций в его развитии не удалось. Ввиду этого, а также стремления к недопущению дальнейшего сокращения числа малых предприятий и сохранению рабочих мест целесообразно продолжать реализацию налоговой политики, направленной на поддержку предприятий.

Заключение. Направления совершенствования налогообложения субъектов малого бизнеса в условиях экономической нестабильности

Сектор малого бизнеса играет важную роль в социально-экономическом развитии территорий. Изменения условий ведения предпринимательской деятельности в

²⁹ Данные меры предусмотрены на период 2020–2022 гг. Изначально ставка была установлена до 2021 года. Продлена до 2022 года. Закон Вологодской области «Об установлении на территории Вологодской области налоговых ставок по налогу, взимаемому в связи с применением упрощенной системы налогообложения» от 26 октября 2018 г. № 4424-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550221350> (в ред. законов Вологодской области от 11 декабря 2020 г. № 4817-ОЗ, от 12 января 2022 г. № 5040-ОЗ).

³⁰ С 1,5 до 1% – в отношении объектов имущества, расположенных в городских округах и административных центрах муниципальных районов, с 0,6 до 0,4% – в отношении объектов имущества, расположенных в сельской местности. Закон Вологодской области от 13 мая 2021 г. № 4894-ОЗ «О внесении изменений в статью 2 закона области «О налоге на имущество организаций».

³¹ В части объектов имущества, расположенных в городских округах и административных центрах муниципальных районов, – 1,5% в 2022 году, в 2023 году и последующие годы – 2%; в части объектов имущества, расположенных в сельской местности, дальнейшее увеличение налоговой ставки на 0,2% установлено до 2029 года.

³² По данным Управления налоговой политики и доходов Департамента финансов Вологодской области.

2020–2022 гг., вызванные распространением коронавирусной инфекции и усилением санкционного давления на экономику России, негативно повлияли на рассматриваемый сектор, что выразилось в ухудшении демографии малых предприятий, росте их закредитованности, снижении среднесписочной численности работников субъектов МСП. Все это актуализирует необходимость реализации как федеральных, так и региональных мер поддержки, направленных на стабилизацию ведения предпринимательской деятельности. В числе ключевых мер – корректировка системы налогообложения МСП.

Проведенное исследование показывает, что множественность режимов налогообложения, с одной стороны, увеличивает риски уклонения от уплаты налогов в соответствующем объеме; с другой стороны, изменения «правил игры» в условиях экономической нестабильности могут негативно отразиться на состоянии сектора МСП. В целом налоговая политика в отношении субъектов МСП последние годы была направлена на вывод их «из тени» (об этом, в частности, свидетельствует отмена ЕНВД, введение института самозанятых).

В то же время в условиях экономического кризиса для доведения доли МСП в экономике до трети требуется стимулирование акселерации микро- и малых предприятий до уровня средних. Необходимо создание благоприятных условий ведения предпринимательской деятельности и реформирования существующих мер поддержки. Кроме того, важна роль МСП в сохранении рабочих мест в регионах страны. В этих целях предлагается на период до стабилизации макроэкономических условий использовать в российской налоговой системе на региональном уровне следующие меры, направленные на поддержку сектора.

1. В большинстве регионов страны в период коронакризиса были понижены ставки по уплате УСН. Льготы предоставлялись в основном наиболее пострадавшим субъектам в зависимости от их основного вида деятельности. Снижение ставок по налогу варьировались в различных регионах. Так, например, в Республике Карелии налог по УСН «доходы» был установлен на уровне 1%, по УСН «доходы минус расходы» – 5%³³, а в Архангельской области эти показатели составили 4 и 8%³⁴, соответственно. С нашей точки зрения, с опорой на изучение мнения и итогов деятельности ряда субъектов МСП за 2019–2020 гг., данная мера оказала существенную поддержку предприятиям и является актуальной в текущей экономической ситуации. Ввиду этого целесообразно продление пониженной ставки по УСН на 2023 год.

2. С января 2021 года в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, позволяющие налогоплательщикам, уровень доходов которых составил более 150, но не достиг 200 млн руб. и (или) численность работников которых превысила 100, но не более 130 человек, не утратить право на применение УСН. Такие субъекты уплачивают налог по повышенным ставкам: 8% для объекта «доходы»; 20% для объекта «доходы, уменьшенные на величину расходов»³⁵. С точки зрения стимулирования развития и поддержки МСП необходимо большее увеличение дохода, позволяющего применять УСН, соответствующее критерию отнесения к малому предприятию с размером годового дохода в 800 млн руб. Актуально также повышение предельного размера остаточной стоимости основных средств (установлен в размере 150 млн руб.), что будет способствовать обновлению основных средств и увеличению инвестиций в основной капитал малых предприятий.

³³ Закон Республики Карелия от 26 мая 2020 г. № 2476-ЗПК, Закон Республики Карелия от 21 апреля 2020 г. № 2473-ЗПК. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/1000202004220003?index=3&rangeSize=1> (дата обращения 02.09.2022).

³⁴ Областной закон Архангельской области от 29 мая 2020 г. № 264-17-ОЗ, областной закон Архангельской области от 27 апреля 2020 г. № 254-16-ОЗ, областной закон Архангельской области от 27 апреля 2020 г. № 255-16-ОЗ. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/2900202004280022> (дата обращения 02.09.2022).

³⁵ ФНС. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/taxes/usn> (дата обращения 02.09.2022).

3. Отмена ЕНВД привела к необходимости смены режима налогообложения для предпринимателей. Однако при этом 60% бизнесменов отмечают рост сумм уплачиваемых налогов⁵⁶. Судя по данным статистики, значительная часть из них перешла на использование режима патентной системы налогообложения, которая была доработана. Расширен перечень предприятий, для того чтобы большее их количество могло воспользоваться этим режимом. Однако, по нашему мнению, с учетом того, что отмена ЕНВД привела к финансовым потерям налогоплательщиков, следует внести дополнительные коррективы в ПСН, такие, например, как проведение расчета по патентной системе налогообложения не от общей площади предприятия, а от торговой площади (зал для посетителей), как было при применении ЕНВД.

4. С апреля 2020 года размер тарифа страховых взносов для субъектов МСП был снижен с 30 до 15%. Кроме того, несмотря на

повышение МРОТ в июле 2022 года, в 2022 году субъекты МСП осуществляли страховые взносы по пониженным тарифам с выплат свыше 13890 руб. Однако уменьшение тарифа касается только той части оплаты труда, которая превышает МРОТ. Страховые взносы с заработной платы, составляющей менее МРОТ либо соответствующей ему, сохранились в размере 30%. Для стимулирования бизнеса к сохранению рабочих мест в сложившихся экономических условиях, а также снижения рисков выплаты «серой зарплаты» целесообразно установить на 2023 год страховые взносы для субъектов МСП в размере 15% на всю заработную плату, включая МРОТ.

Вместе с тем указанные меры налогообложения должны обеспечивать не только снижение налоговой нагрузки на предпринимательскую деятельность в сфере малого бизнеса, но и способствовать развитию российской экономики в целом, сохранению рабочих мест в кризисных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

- Абрамова М.А. (2017). Текущее состояние и перспективы развития финансовой системы России // Экономика. Налоги. Право. Т. 10. № 2. С. 6–21.
- Алагаева К.Ю. (2014). Налоговое стимулирование инновационной деятельности. Советский опыт и современная реальность // Новые технологии. № 3. С. 33–39.
- Ашмарина С.И. (2015). Формирование организационно-экономического механизма управления изменениями в социально-экономических системах в условиях глобализации и развития информационно-знаниевой экономики. Самара: Изд-во СГУ. 148 с.
- Воротникова Д.С., Рожкова Н.К. (2016). Малый и средний бизнес в России: проблемы и пути развития // Вестник университета. № 4. С. 26–33.
- Дорошина О.П. (2012). Оценка налоговых правонарушений в результате применения упрощенной системы налогообложения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. № 36 (177). С. 64–67.
- Зотиков Н.З. (2018). Налогообложение малого бизнеса, его роль в доходах бюджетов // Вестник Евразийской науки. Т. 10. № 1.
- Иванова Н.Г., Кацюба И.А. (2016). Управление общественными финансами: актуальные проблемы, новые решения и стратегии развития. Санкт-Петербург: СПбГЭУ. 163 с.
- Капканщиков С.Г. (2020). Антициклическое регулирование национальной экономики: содержание, инструменты, проблемы и способы их разрешения // Общество и экономика. № 9. С. 5–28. DOI: 10.31857/S020736760011344-7
- Кравченко М.В., Мялкина А.Ф. (2015). Проблемы применения специальных налоговых режимов для субъектов малого бизнеса в Российской Федерации // Социально-экономические явления и процессы. Т. 10. № 3. С. 34–40.

⁵⁶ У бизнеса выросла налоговая нагрузка после отмены ЕНВД. URL: <https://www.glavbukh.ru/news/34655-nalogovaya-nagruzka-envd> (дата обращения 02.09.2022).

- Малис Н.И. (2013). Налоговый потенциал специальных налоговых режимов // Финансовый журнал. № 1. С. 73–80.
- Мандрощенко О.В. (2015). О некоторых вопросах налогообложения субъектов малого бизнеса // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. № 7-8. С. 101–105.
- Мау В.А. (2018). Российская экономика в 2017 году. Тенденции и перспективы. Москва: Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара». 572 с.
- Морозова Н.Г. (2012). Совершенствование специальных налоговых режимов для субъектов малого бизнеса // Вестник Университета. № 3. С. 191–195.
- Пансков В.Г. (2018). Налогообложение малого предпринимательства: нужны кардинальные перемены // Экономика. Налоги. Право. Т. 10. № 2. С. 60–21. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-1-112-119
- Тимофеев В.И. (2015). Влияние упрощенной системы налогообложения на развитие малых предприятий // Вуз. XXI век. № 2. С. 199–212.
- Теребова С.В., Устинова К.А. (2022). Малый и средний бизнес в новых экономических условиях // Север и рынок: формирование экономического порядка. № 2. С. 107–123. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2022.76.009
- Туфетулов А.М. (2016). Налоговая составляющая системы обеспечения экономической безопасности организации // Инновационное развитие экономики. № 5 (35). С. 270–276.
- Ширяева Я.Д. (2008). Малый бизнес в России: статистика и законодательство // Финансы и бизнес. № 1. С. 150–161.
- Шкробела Е.В. (2008). Налогообложение малого бизнеса в России: проблемы и перспективы решения. Москва: ИЭПП. 164 с.
- Weltman B. (2021). *Small Business Taxes 2022: Your Complete Guide to Better Bottom Line* Wiley. 1st edition.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Светлана Викторовна Теребова - доктор экономических наук, доцент, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом, главный научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Terebova S.V.

FISCAL EXPANSION OF SMALL BUSINESS IN THE ECONOMIC INSTABILITY

The relevance of the problem is determined by the fact that in the conditions of the economic instability, caused by the COVID-19 pandemic, the sanction pressure strengthening increases the significance of the development of the small business sector, first of all as a tool, proving the creation of jobs in Russia's regions. At the same time, enterprises of the sector are the most susceptible to the negative impact of environmental factors, effects of exposes of which can be reduced with the help of the state fiscal policy. The purpose of the research is to work out the offers on the tax stimulation of small business in the conditions of current economic instability. We considered theoretical aspects of using special tax regime, as well as foreign and Russian experience of their review. We paid special attention to the implementation of fiscal expansion tools for small business at the regional level. The article proves the necessity to operating the fiscal policy by the state, aimed at supporting small and medium-sized business sector, which becomes particular acute in Russia's

entities, where such organizations provide a significant share of jobs. For this purpose, we propose to use a number of measures, such as extension of the reduced rate under the simplified tax system, increasing the income “threshold” that allows its application, measures to mitigate the effects of the abolition of a single tax on imputed income, etc. The research novelty is to comprehensively review theoretical and practical issues of fiscal regulation and to substantiate the need to find ways of its improvement from the point of view of developing small and medium-sized business sector.

Small business, region, tax, taxation system, tax benefits, economic crisis.

REFERENCES

- Abramova M.A. (2017). The financial system of Russia: Current state and development prospects. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 10(2), 6–21 (in Russian).
- Alagaeva K.Yu. (2014). Tax stimulation of innovation activity. Soviet experience and modern reality. *Novye tekhnologii=New Technologies*, 3, 33–39 (in Russian).
- Ashmarina S.I. (2015). *Formirovanie organizatsionno-ekonomicheskogo mekhanizma upravleniya izmeneniyami v sotsial'no-ekonomicheskikh sistemakh v usloviyakh globalizatsii i razvitiya informatsionno-znanievoi ekonomiki* [Formation of Organizational and Economic Mechanism for Managing Changes in Socio-Economic Systems in the Context of Globalization and the Development of the Information and Knowledge Economy]. Samara: Izd-vo SGU.
- Doroshina O.P. (2012). Assessment of tax offenses as result of application of simplified taxation system. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'=National Interests: Priorities and Security*, 36(177), 64–67 (in Russian).
- Ivanova N.G., Katsyuba I.A. (2016). *Upravlenie obshchestvennymi finansami: aktual'nye problemy, novye resheniya i strategii razvitiya* [Public Finance Management: Current Problems, New Solutions and Development Strategies]. Saint Petersburg: SpbGEU.
- Kapkanshchikov S.G. (2020). Countercyclical regulation of Russian economy: Content, instruments, issues and potential resolution. *Obshchestvo i ekonomika=Society and Economy*, 9, 5–28. DOI: 10.31857/S020736760011344-7 (in Russian).
- Kravchenko M.V., Myalkina A.F. (2015). Problems of application of the special tax modes for subjects of small business in the Russian Federation. *Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy=Social and Economic Phenomena and Processes*, 10(3), 34–40 (in Russian).
- Malis N.I. (2013). Tax potential of special tax regimes. *Finansovyi zhurnal=Financial Journal*, 1, 73–80 (in Russian).
- Mandroschenko O.V. (2015). About some issues of taxation of small businesses. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki*, 7-8, 101–105 (in Russian).
- Mau V.A. (2018). *Rossiiskaya ekonomika v 2017 godu. Tendentsii i perspektivy* [The Russian Economy in 2017. Trends and Prospects]. Moscow: Fond “Institut ekonomicheskoi politiki im. E.T. Gaidara”.
- Morozova N.G. (2012). Perfection special tax modes for subjects of small-scale business. *Vestnik Universiteta*, 3, 191–195 (in Russian).
- Panskov V.G. (2018). Taxation of small business: Radical changes needed. *Ekonomika. Nalogi. Pravo=Economics, Taxes & Law*, 10(2), 60–21. DOI: 10.26794/1999-849X-2018-11-1-112-119 (in Russian).
- Shiryayeva Ya.D. (2008). Small business in Russia: Statistics and legislation. *Finansy i biznes=Finance and Business*, 1, 150–161 (in Russian).
- Shkrebela E.V. (2008). *Nalogooblozhenie malogo biznesa v Rossii: problemy i perspektivy resheniya* [Taxation of Small Business in Russia: Problems and Prospects of Solution]. Moscow: IEPP.
- Terebova S.V., Ustinova K.A. (2022). Small and medium-sized business in the new economic environment. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka=The North and the Market: Forming the Economic Order*, 2, 107–123. DOI: 10.37614/2220-802X.2.2022.76.009 (in Russian).

- Timofeev V.I. (2015). The impact of the simplified taxation system on the development of small enterprises. *Vuz. XXI vek*, 2, 199–212 (in Russian).
- Tufetulov A.M. (2016). The tax component of the organization's economic security system. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki=Innovative Development of Economy*, 5(35), 270–276 (in Russian).
- Vorotnikova D.S., Rozhkova N.K. (2016) Small and medium business in Russia: Problems and ways of development. *Vestnik universiteta*, 4, 26–33 (in Russian).
- Weltman B. (2021). *Small Business Taxes 2022: Your Complete Guide to Better Bottom Line* Wiley. First Edition.
- Zotikov N.Z. (2017). Taxation of small business, its role in budget revenues. *Vestnik Evraziiskoi nauki=The Eurasian Scientific Journal*, 9(3), 1–20 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Terebova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Chief Researcher, deputy director for science, head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.7

УДК 332.1:338.2 | ББК 65.04:65.050.11

© Михайкина Л.А.

ОЦЕНКА ЦИФРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ КАДРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ ИТ

ЛИЛИЯ АНАТОЛЬЕВНА МИХЕЙКИНА

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Москва, Российская Федерация

e-mail: mikheykina.la@rea.ru

ORCID: 0000-0003-0336-0880; ResearcherID: T-5508-2017

Развитие цифровой экономики является одним из наиболее значимых глобальных трендов, существенно трансформирующих различные сегменты экономики и сферы жизнедеятельности, требующих внедрения новых моделей эффективного менеджмента. В России в 2017 году были приняты базовые документы (Стратегия развития информационного общества, программа «Цифровая экономика Российской Федерации»), определяющие перспективы развития данного направления. Основные усилия руководства страны сосредоточены на создании экосистемы цифровой экономики, формировании необходимых и достаточных инфраструктурных условий развития и внедрения цифровых технологий, а также на определении цифрового потенциала регионов. Вместе с тем в настоящее время актуальна проблема дифференциации уровня готовности к внедрению и потенциала использования возможностей цифровой экономики на региональном уровне. Особенно остро стоит вопрос, касающийся подготовки и привлечения кадров в сфере информационно-коммуникационных технологий, которые становятся самым необходимым ресурсом для достижения целевых показателей в данном направлении. Наиболее ярко он проявился в 2022 году, когда потери квалифицированных ИТ-специалистов превысили значения прошлых лет. Мы предлагаем подход к оценке цифрового потенциала субъектов страны в области подготовки и привлечения кадров по направлению ИТ на основе открытых данных Министерства науки и высшего образования, а также рекрутингового сайта «Работа России» с помощью методов многомерного статистического анализа. Данный подход позволит увидеть, какими потенциальными возможностями обладает регион по обеспеченности

Для цитирования: Михайкина Л.А. (2023). Оценка цифрового потенциала субъектов Российской Федерации в области подготовки и привлечения кадров по направлению ИТ // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 113–129. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.7

For citation: Mikheykina L.A. (2023). Assessment of the digital potential of the Russian Federation constituent entities in the field of training and attracting it personnel. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 113–129. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.7

необходимыми специалистами, и поможет определить слабые места для последующей корректировки политики в данном направлении.

Цифровая трансформация, цифровой потенциал, подготовка кадров, информационные технологии.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Статья выполнена за счет средств гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (МК-1450.2022.2).

Введение

В последние годы до начала пандемии основная повестка деятельности федеральных органов власти лежала в плоскости цифровой трансформации экономики страны. Были разработаны стратегические документы, программы развития и отдельные проекты. Правительство активно содействовало процессу цифровизации как ключевому направлению дальнейшего роста. Годы активного распространения коронавируса и усиленного давления санкциями продемонстрировали, что в ситуации, когда экономическое развитие приостановлено и отсутствует возможность быстрого реагирования на непрогнозируемую чрезвычайную ситуацию, наиболее стойкими оказались компании в сфере информационных технологий (далее – ИТ), имеющие возможности оперативно и скоординированно подстроиться под ситуацию и найти точки дальнейшего развития. В годы пандемии в сферу онлайн переходили не только компании сферы услуг, но и организации сферы образования, которая характеризуется невысоким уровнем адаптации к быстрым изменениям. Основные усилия политики федеральных органов власти в прошлые годы фокусировались на внедрении новых цифровых сервисов и технологий в целях создания комфортной среды для жизни общества. На наш взгляд, цифровые технологии должны сбалансированно встраиваться в решение задач по развитию территорий страны на основе имеющегося у них цифрового потенциала, а не насаждаться в виде конкретного направления. Это поможет избежать неопределенности со стороны региональных органов власти в стремлении успеть за всеми направлениями текущей повестки. В первую очередь необходимо определить, каким именно цифровым потенциалом

обладает субъект, и выявить приоритетные точки роста, концентрация на которых позволит привлечь дополнительные источники финансирования для дальнейшего развития региона. В связи с этим научная значимость нашего исследования заключается в разработке единого адаптивного подхода, позволяющего проанализировать и оценить текущее информационно-технологическое состояние регионов страны с помощью статистических методов исследования, повышающих достоверность полученных результатов. На наш взгляд, оценка возможностей субъектов в области цифровой трансформации должна производиться изолированно, в разрезе ключевых блоков, основанных, в том числе, на федеральной повестке в данном направлении. Так, одним из направлений цифровой трансформации выступает подготовка квалифицированных кадров в области ИТ, которые являются основным залогом успеха и драйвером развития цифровизации. Основной целью нашего исследования стало определение возможностей оценки цифрового потенциала субъектов в области подготовки кадров по направлению ИТ. В рамках достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

- рассмотреть возможности открытых источников информации для последующего анализа и оценки цифрового потенциала в области подготовки кадров;
- проанализировать тенденции в области подготовки кадров в системе высшего образования, а также особенности, сложившиеся на рынке труда, на основе имеющейся открытой информации;
- оценить цифровой потенциал субъектов Российской Федерации в области подготовки кадров по направлению ИТ с помощью кластерного анализа.

Обзор литературы

Оценка цифрового потенциала невозможна без рассмотрения основных подходов к понятиям «цифровая экономика», «цифровизация», «цифровая трансформация». Термин «цифровая экономика» впервые был употреблен в 1995 году известным американским ученым из Массачусетского технологического института Н. Негропonte (Negroponte, 1995) в связи с активным внедрением информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и началом процесса информатизации. Он отмечал, что такие сферы человеческой жизнедеятельности, как экономическая, социальная, политическая, культурная, в той или иной мере изменились благодаря развитию интернета и ИКТ, однако уже тогда утверждал, что начинается новый этап информатизации, которому дал название «цифровая экономика». Д. Ивс в своих исследованиях прорабатывал вопрос измерения цифровой экономики и ее влияния на другие сферы (Eaves, 2010).

Одними из первых ключевые вопросы цифровой экономики в России осветили ученые РАН В.В. Иванов, Г.Г. Малинецкий в работе «Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива», вышедшей в 2017 году (Иванов, Малинецкий, 2017). Со временем сформировался пул исследователей, занимающихся анализом и разработкой подходов к процессам цифровизации со стороны цифровизации отрасли (отраслевой подход). Среди них, например, Н. Городнова, Д. Скипин и А. Пешкова, которые оценили цифровой потенциал и уровень цифровизации сферы ритейла (Городнова и др., 2019). Также к ученым, поддерживающим отраслевой подход, относятся А.С. Алетдинова, А.В. Бабкин (Цифровая трансформация..., 2017), А.А. Горбачева (Горбачева, 2019). Среди отечественных авторов, которые исследовали отдельные отраслевые аспекты цифровой трансформации, следует отметить Д. Верзилина (Верзилин и др., 2017), А.Е. Зубарева, А.М. Колесникова, Е.М. Храповицкую (Зубарев и др., 2018) и др. Анализ результатов, изложенных в работах вышеперечисленных авторов, позволил сформировать

прикладной инструментарий изучения вопроса отраслевой трансформации.

Весьма перспективным в научной повестке является вопрос цифровой трансформации регионов (региональный подход). На уровне субъектов РФ его прорабатывают Ю.А. Ковальчук, И.В. Алексеев (Ковальчук, Алексеев, 2017), Л.В. Батракова (Батракова, 2019), З.Д. Гашева (Гашева, 2018), К.Н. Горлов, М.В. Ильичева (Горлов, Ильичева, 2018), М.А. Николаев, М.Ю. Махотаева, В.Н. Гусарова (Николаев и др., 2020) и др.

Понятие «цифровой потенциал» чаще всего используется учеными для оценки возможностей предприятий в цифровизации бизнеса, т. е. применяется микроэкономический подход. Например, А.В. Козлов и А.Б. Тесля (Козлов, Тесля, 2019) говорят о необходимости оценки цифрового потенциала на предприятиях для анализа не столько текущего уровня цифровизации бизнес-процессов на предприятии, сколько для определения возможностей цифровых технологий для наращивания производства. Кроме того, ими было сформулировано понятие цифрового потенциала, который они рассматривали как особый показатель, отражающий новые возможности, появляющиеся у предприятий в условиях интенсивной цифровизации отраслей экономики. Также среди представителей подхода к процессу цифровой трансформации с точки зрения оценки отдельных предприятий находятся О.В. Гудкова, Л.В. Ермакова, А.Э. Мельгуй (Гудкова и др., 2016), Я.Э. Дадаев, С.Д. Хажмурадова (Дадаев, Хажмурадова, 2019), Е.В. Попов, К.А. Семячков, Ю.А. Москаленко (Попов и др., 2019) и др.

В последние годы все чаще понятие «цифровой потенциал» рассматривается применительно к оценке возможностей цифровизации отраслей экономики. Так, в работе «Развитие цифрового потенциала транспортно-логистических систем с использованием инструментария платформенной концепции» А.А. Волкова, Ю.А. Никитин, В.А. Плотников, Е.А. Поздеева (Волкова и др., 2021) считают наращивание цифрового потенциала отрасли основным фактором, опре-

деляющим поступательное и устойчивое развитие экономической системы в целом.

Постепенно среди научного сообщества набирает популярность еще достаточно малоисследованный подход к оценке цифрового потенциала на уровне регионов. В связи с этим можно выделить работу А.В. Бельтиковой (Бельтикова, 2021), где анализируются не столько возможности регионов по направлению цифровизации, сколько их конкурентоспособность. Достаточно интересным является подход М.П. Маслова и С.П. Петрова (Маслов, Петров, 2021), которые рассматривают взаимосвязь показателей «стоимости» 1% ежегодного прироста Российского регионального индекса качества жизни населения и инвестиции в ИКТ на душу населения. Особенностью указанных трудов выступает применение методов многомерного статистического анализа для производимой оценки.

На данный момент подходы к исследованию цифровой экономики и трансформации достаточно разнообразны. Среди них особо выделяются отраслевой и региональный аспекты изучения. При этом цифровой потенциал чаще всего рассматривается с позиций отраслевой направленности, и пока лишь небольшая часть работ посвящена выявлению имеющихся региональных ресурсов в области цифровизации. В нашем понимании оценка цифрового потенциала предоставляет дополнительные возможности не столько для предприятий или отраслей, сколько для субъектов страны, играющих одну из ведущих ролей в процессе регулирования и реализации политики цифровой трансформации по ключевым направлениям, одним из которых является подготовка квалифицированных кадров.

Материалы и методы

Методологическая основа исследования представлена общенаучными и частными методами научного познания, среди которых анализ и синтез, индуктивный и дедуктивный методы, аналогия и моделирование.

Для решения поставленных в работе задач применены методы системного и структурного анализа, метод экспертных оценок, контент-анализ, метод статистической обработки информации. Для сбора, систематизации и получения данных из открытых источников информации используются методы анализа больших данных, такие как Data fusion / Data integration (инструменты сбора, очистки, преобразования, хранения данных), осуществленные посредством языка программирования Python.

Для оценки уровня текущего цифрового потенциала субъектов Российской Федерации использовался такой метод многомерного статистического анализа, как кластерный анализ. Теоретическими предпосылками его применения послужили труды ведущих ученых, внедривших данный статистический метод в экономическую практику (Bergman, Feser, 1999; Andersson et al., 2004; Enright, 1996; Czamanski, de Albas, 1979).

Кластерный анализ позволяет разделить полученные данные на группы или кластеры таким образом, чтобы каждая группа обладала схожими характеристиками, а объекты групп были отличны друг от друга (Долгодворова, 2018). Его особенность состоит в том, что он позволяет исследовать данные различной природы происхождения, не накладывая дополнительных условий на их тип (Афонин, 2015). Алгоритм метода можно разделить на 5 основных этапов: подготовка нужных данных, выбор метрики, подбор алгоритма, его выполнение, представление результата (Заде, 1980). Преимуществами кластерного анализа являются широта его применения в экономических исследованиях; отсутствие предварительного исследования целевых значений и статистически подтвержденные выводы по результатам работы. При этом, несмотря на очевидные преимущества, кластеризация как метод обладает некоторыми недостатками. Так, количество кластеров, которое наилучшим образом описывает данные, заранее неизвестно, что сказывается на времени, затрачиваемом на подготовку исследования и последующей интерпретации результатов.

Результаты исследования

Основой цифровой трансформации является наличие высококвалифицированной и востребованной рабочей силы. В связи с этим мы решили провести анализ оценки цифрового потенциала субъектов Российской Федерации в области подготовки кадров в сфере информационных технологий. На наш взгляд, оценить уровень готовности кадров к цифровой трансформации можно на основе показателей, характеризующих как рынок труда субъекта страны (например, данные о наличии необходимого количества резюме и вакансий), так и подготовку необходимых кадров учреждениями образования в области информационных технологий.

На этапе сбора и обработки данных мы оценили возможности открытых источников информации, таких как Федеральная служба государственной статистики, Министерство науки и высшего образования, рекрутинговые сайты, для последующего анализа и оценки цифрового потенциала в области подготовки кадров. На наш взгляд, особую роль в исследовании цифрового потенциала играют текущие тенденции в сфере подготовки кадров на уровне высшего образования.

Анализ открытых данных Министерства науки и высшего образования¹ показывает тренд снижения численности студентов в стране. Так, за последние 5 лет общая численность студентов уменьшилась на 8,08%. Четко прослеживается зависимость от демографических тенденций², особенно заметна прямая корреляция между снижением численности студентов и населения, возраст которого соответствует студенческому. Численность населения в возрасте от 15 до 24 лет сократилась на 7,43%, т. е. тренды снижения численности весьма похожи. Данные по распределению численности студентов в разрезе федеральных округов представлен на *рис. 1*.

Динамика изменения общей численности студентов характеризуется ростом числа студентов очной формы обучения. Численность студентов очной формы в Центральном федеральном округе увеличилась на 1,65%, Северо-Западном – на 2,24%, Приволжском – на 0,57%. Остальные округа характеризуются ее убылью: в Южном федеральном округе – на 0,06%, Северо-Кавказском – на 0,27%, Уральском – на 0,05%. В Дальневосточном федеральном округе зафиксировано наибольшее снижение – на 1,39%.

В то же время тренд численности студентов очно-заочной формы обучения абсолютно противоположный. Так, общая численность студентов очно-заочной формы за последние пять лет увеличилась более чем в 2 раза (с 124198 до 264816 человек). Данная особенность объяснима. Тенденции, сформировавшиеся во время пандемии коронавируса, значительно повлияли на поведение студентов и показали уникальные возможности дистанционного формата обучения, который обладает преимуществами для совмещения работы и учебы. При этом прирост численности наблюдается не с 2020, а с 2016 года, т. е. еще до начала пандемии, что в наибольшей степени связано с заинтересованностью работодателей в сотрудниках, имеющих опыт работы. В связи с чем выпускники учреждений среднего профессионального образования сразу устраиваются на работу для получения соответствующего релевантного опыта, чтобы по окончании учебы иметь презентабельное резюме. Востребованность очно-заочной формы как раз связана с возможностью получать трудовой опыт и новые знания, которые сразу можно применять на практике. Изменение численности студентов очно-заочной формы за последние 5 лет является положительным, прирост составляет в среднем ежегодно 10,99%.

Вполне вероятно, что особая популярность очно-заочной формы среди студентов, получающих высшее образование, оказала

¹ Министерство науки и высшего образования. URL: <https://www.minobrnauki.gov.ru/opendata/9710062939-svedeniya-o-chislennosti-studentov-obrazovatelnykh-organizatsiy-osushchestvlyayushchikh-obrazovatelnykh>

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

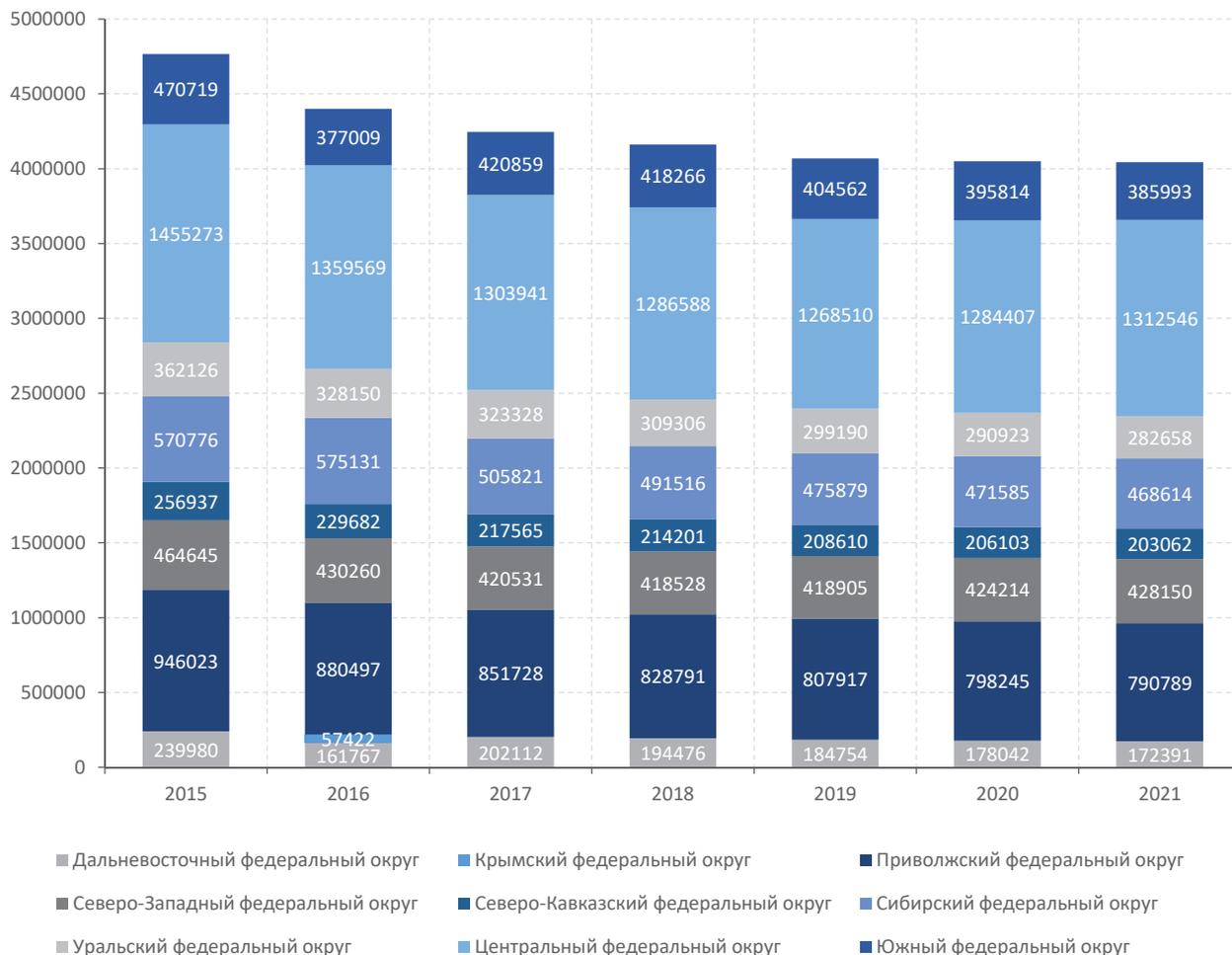

Рис. 1. Численность студентов в разрезе федеральных округов
 Рассчитано по: открытые данные Министерства науки и высшего образования РФ.

влияние на динамику численности студентов заочной формы. За последние пять лет ее уменьшение составило 30,32% (с 1872300 до 1304609 чел.). В среднем ежегодно численность студентов заочной формы снижается на 8,52%, при этом Центральном федеральном округе – на 8,3%, Северо-Западном – на 8,16%, Южном – на 7,86%, Северо-Кавказском – на 9,14%, Приволжском – на 8,19%, Уральском – на 9,57%, Сибирском – на 8,24%, Дальневосточном – на 7,74% (рис. 2).

Вероятно, происходит переток численности студентов с заочной на очно-заочную форму обучения. Кроме того, характерно снижение числа принятых в высшие учебные заведения и выпущенных студентов. В среднем ежегодно численность принятых студентов снижается на 1,77%, а выпущенных – на 5,65%, т. е. численность выпуска снижается намного быстрее, чем числен-

ность принятых студентов. Такая особенность может быть связана с ростом количества студентов, отчисленных из университета или переводящихся на другие формы обучения. Получается, что на текущий момент наблюдается тренд к снижению численности будущих специалистов для развития и поддержки экономики. В такой ситуации особенно важно осуществлять цифровую трансформацию экономики страны, позволяющую использовать меньше ручного труда и автоматизировать процессы.

В связи с отсутствием единого реестра направлений подготовки и специальностей, которые по своей предметной области можно отнести к ИТ, мы воспользовались открытыми данными сайта «Работа России», чтобы на основе требований к специальностям, предъявляемых работодателями, выявить те направления подготовки и специальности,

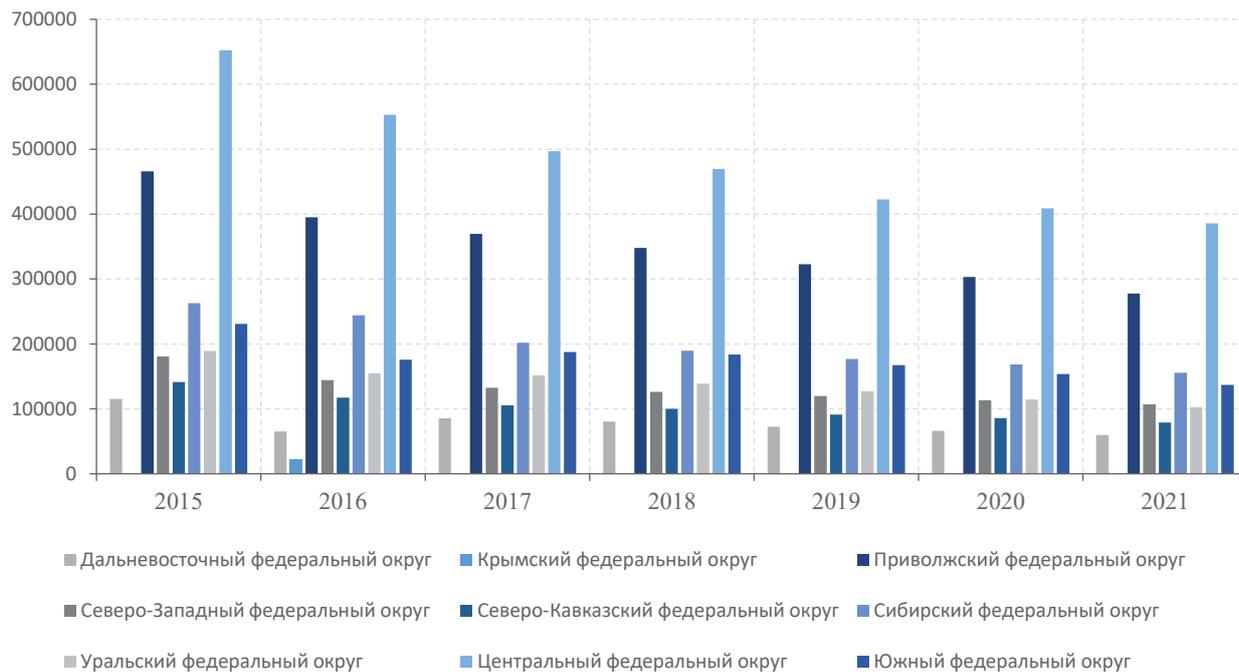

Рис. 2. Численность студентов заочной формы обучения в разрезе федеральных округов

Рассчитано по: данные Министерства науки и высшего образования РФ.

которые, по мнению работодателей, можно отнести к сфере подготовки специалистов области информационных технологий. По состоянию на октябрь 2022 года получено, что наиболее востребованными профессиями являются «программист» (1840 объявлений³), «инженер-программист» (1298), «системный администратор» (996), «инженер по защите информации» (370), «аналитик» (276). Кроме того, приблизительно 10% вакансий в области ИТ относятся к позициям старших и ведущих специалистов. На рис. 3 представлено облако тегов, которое показывает 100 наиболее востребованных вакансий на сайте «Работа России» по состоянию на октябрь 2022 года.

Чтобы сопоставить данные по возможностям трудоустройства специалистов сферы ИТ, мы проанализировали популярность профессий в размещенных на сайте резюме со стороны кандидатов (рис. 4).

Так, мы получили, что среди наиболее популярных профессий в резюме по состоянию на октябрь 2022 года можно выделить следующие: системный администратор (1719 объявлений), программист (1677), аналитик (273),

инженер-программист (209) и менеджер по продажам информационно-коммуникационных систем (207). Как мы видим, структура резюме немного отличается от структуры размещенных вакансий и, если сопоставить схожие направления между собой, то получится, что на 1 вакансию программиста приходится 0,9 резюме, системного администратора – 1,7 резюме, аналитика – 0,99 резюме, инженера-программиста – 0,16 резюме. Т. е. в наибольшей степени дефицит квалифицированных кадров наблюдается среди инженеров-программистов, а также специалистов в области защиты информации. Например, на 1 вакансию инженера по защите информации приходится 0,02 резюме. Также наблюдается нехватка специалистов более высокой квалификации (ведущих и старших). Например, на 1 вакансию ведущего аналитика приходится 0,16 резюме. Тем самым, все более острым становится вопрос подготовки кадров в ИТ-направлении, что усложняет процесс цифровой трансформации во всех регионах страны. По результатам выполненного анализа мы выявили наиболее предпочтительные требования

³ Наборы открытых данных «Работа России». URL: <https://trudvsem.ru/opendata/datasets>

работодателей к специальностям для подготовки кадров в области информационных технологий. В табл. 1 представлена выборка данных с требованиями по топ-15 наиболее востребованным профессиям по данным из открытых вакансий сайта «Работа России».

На основе выявленных требований к специальностям и направлениям подготовки, предъявляемых к специалистам в области информационных технологий, мы определили те направления подготовки бакалавриата, программы магистратуры и специаль-

Таблица 1. Требования, предъявляемые работодателями к вакансии (топ вакансий)

№ п/п	Вакансия	Требования работодателей к специальности
1	Программист	Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Информационная безопасность, Прикладная математика и информатика, Прикладная информатика, Информационные технологии, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Информатика и вычислительная техника, Приборостроение
2	Инженер-программист	Автоматизация и управление, Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Информационные технологии, Системы управления движением и безопасностью, Прикладная информатика, Радиотехника, Радиоэлектронные приборные устройства, Управление и информатика в технических системах, Автоматика и управление, Информационные системы и технологии, Авиастроение
3	Системный администратор	Информационная безопасность, Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Информационные системы и технологии, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям), Информатика, Прикладная информатика, Техническое обслуживание средств вычислительной техники и компьютерных сетей, Вычислительные машины, комплексы, системы и сети
4	Инженер по защите информации	Информационно-аналитические системы безопасности, Организация и технология защиты информации, ЭВМ, Информационная безопасность, Информационные технологии
5	Аналитик	Экономика, Информационные технологии, Автоматизация и управление, Математика, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Вычислительные машины, комплексы, системы и сети, Маркетинг, Системный анализ и управление, Бизнес-информатика, математические методы в экономике
6	Специалист по защите информации, специалист по информационной безопасности	Информационная безопасность, Информационная безопасность телекоммуникационных систем, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Специалист по защите информации, Информационные системы и технологии
7	Техник-программист	Радиотехника, Информатика и вычислительная техника, Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Информационные технологии, Вычислительные машины, комплексы, системы и сети
8	Администратор баз данных	Информатика и вычислительная техника, Социальная работа, Математическое обеспечение и администрирование информационных систем, Бизнес-информатика, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Информационные системы и технологии, Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Прикладная математика и информатика, Автоматизированные системы обработки информации и управления (по отраслям)
9	Специалист по информационным технологиям	Информационная безопасность, Компьютерная безопасность, Организация и технология защиты информации, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Информатика и вычислительная техника, Автоматизация и управление, Информационный менеджмент, Библиотечно-информационная деятельность, Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем
10	Технический писатель	Мехатроника и робототехника, Автоматизированные системы обработки информации и управления, Радиотехника
11	Провизор-аналитик	Фармация
12	Начальник отдела информационных технологий	Менеджмент, Информационная безопасность, Информационные технологии, Информатика и вычислительная техника, Информационные системы и технологии, Автоматизация технологических процессов и производств (по отраслям)
13	Финансовый аналитик	Математика, Прикладная математика, Экономика, Финансы
14	Контент-менеджер	Экономика, Журналистика

Источник: составлено автором.

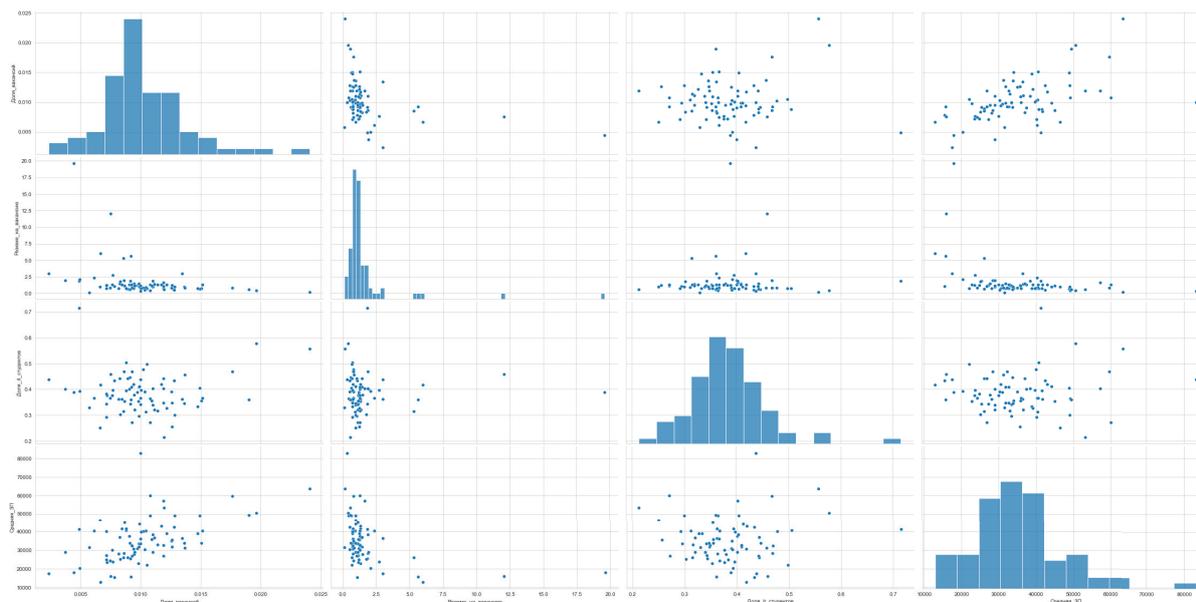

Рис. 5. Парные соотношения всех переменных
 Источник: составлено автором.

ности, которые могут относиться к области подготовки кадров в сфере ИТ в 2022 году. Обработав в том числе данные Министерства науки и высшего образования, собранные по форме № ВПО-1⁴, мы смогли сформировать выборку данных по каждому субъекту Российской Федерации для их последующей группировки в целях определения уровня цифрового потенциала в области подготовки кадров по направлению ИТ.

На первом этапе среди всех показателей, позволяющих проанализировать уровень подготовки кадров для оценки цифрового потенциала субъектов РФ на основе проверки показателей на однородность распределения, нами были отобраны четыре основных: доля выпускников сферы ИТ за год, предшествующий текущему (т. е. оценка возможности привлечения новой рабочей силы); доля открытых вакансий по направлениям ИТ (для оценки потребности в квалифицированных кадрах для цифровой трансформации), количество резюме на 1 вакансию (для оценки привлекательности отрасли со стороны населения региона) и средняя заработная плата специалиста в области информационных технологий. Перед

проведением анализа мы нормализовали данные, для того чтобы привести их к единой размерности. Данные по парным соотношениям всех переменных для определения возможности использования кластерного анализа представлены на *рис. 5*.

В данных по разным показателям присутствуют разного рода выбросы, значительная часть которых приходится на г. Москву и Санкт-Петербург, в связи с чем мы приняли решение исключить эти города из кластеризации.

В качестве меры для измерения расстояния между объектами мы использовали евклидово расстояние, являющееся наиболее популярным в кластерном анализе. Геометрически оно лучше всего объединяет объекты в шарообразных скоплениях, типичных для слабо коррелируемых совокупностей. Все методы, необходимые для разбиения на кластеры, можно разделить на две группы: иерархические и неиерархические. Иерархические методы отличаются тем, что позволяют сформировать своего рода иерархию, т. е. древовидную структуру данных (Ильшев, Селевич, 2014). Самым большим преимуществом иерархических методов является построение дендрограммы, т. е. гра-

⁴ Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed>

Таблица 2. Распределение регионов по кластерам

Кластер	Субъекты РФ	Количество регионов
0	Алтайский край, Архангельская область, Белгородская область, Владимирская область, Волгоградская область, Вологодская область, Воронежская область, Еврейская автономная область, Забайкальский край, Ивановская область, Иркутская область, Калининградская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Краснодарский край, Новгородская область, Омская область, Орловская область, Пензенская область, Республика Алтай, Республика Бурятия, Республика Хакасия, Ростовская область, Смоленская область, Ставропольский край, Тверская область, Тюменская область, Удмуртская Республика, Челябинская область, Чувашская Республика, Ярославская область	32
1	Магаданская область, Московская область, Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ, г. Севастополь	5
2	Астраханская область, Брянская область, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Курганская область, Курская область, Липецкая область, Оренбургская область, Республика Адыгея, Республика Башкортостан, Республика Дагестан, Республика Калмыкия, Республика Крым, Республика Мордовия, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Тыва, Саратовская область, Тамбовская область, Чеченская Республика	19
3	Амурская область, Калужская область, Камчатский край, Красноярский край, Ленинградская область, Мурманская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Пермский край, Приморский край, Псковская область, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Марий Эл, Республика Татарстан, Рязанская область, Самарская область, Сахалинская область, Свердловская область, Томская область, Тульская область, Ульяновская область, Хабаровский край, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра	24
Источник: составлено автором.		

но непросто определить точку перегиба, но самый вероятный исход 4 кластера, все дальнейшие значения не выявляют сильных различий между характеристиками регионов.

Таким образом, с помощью алгоритма k-средних мы получили следующие кластеры⁵ (табл. 2).

Результаты адекватности кластерного анализа проверялись с помощью оценки гомогенизации и полноты.

Коэффициент гомогенизации (однородности) показывает соответствие результата критерию однородности. Чем ближе значение к единице, тем результат кластеризации ближе к реальной ситуации. Расчетный критерий полноты соответствует значению 1, что подтверждает, что точки являются элементами одного кластера. Критерий гомогенизации составил 0,3. Это говорит об определенной вероятности, что элементы кластера могут содержать не все точки, соответствующие данному кластеру.

Обсуждение и заключение

На наш взгляд, результаты кластерного анализа являются достаточно неожиданными и отчасти противоречивыми. На рис. 8 представлены графики с диаграммами размаха по каждому из показателей всех кластеров.

Так, в нулевой кластер попали субъекты, характеризующиеся небольшой долей вакансий по направлениям сферы информационных технологий, низким значением процента подготовленных кадров в сфере ИТ, в которых количество резюме в среднем соотносится с количеством размещенных вакансий, а средняя предлагаемая заработная плата ИТ-специалиста ниже средней по стране. Особо в этом кластере можно выделить Калининградскую область, где на 1 вакансию приходится 3 резюме, т. е. в регионе наблюдается рост популярности данной сферы.

⁵ Первоначально из анализа были исключены Москва и Санкт-Петербург, которые характеризуются значительными выбросами в показателях.

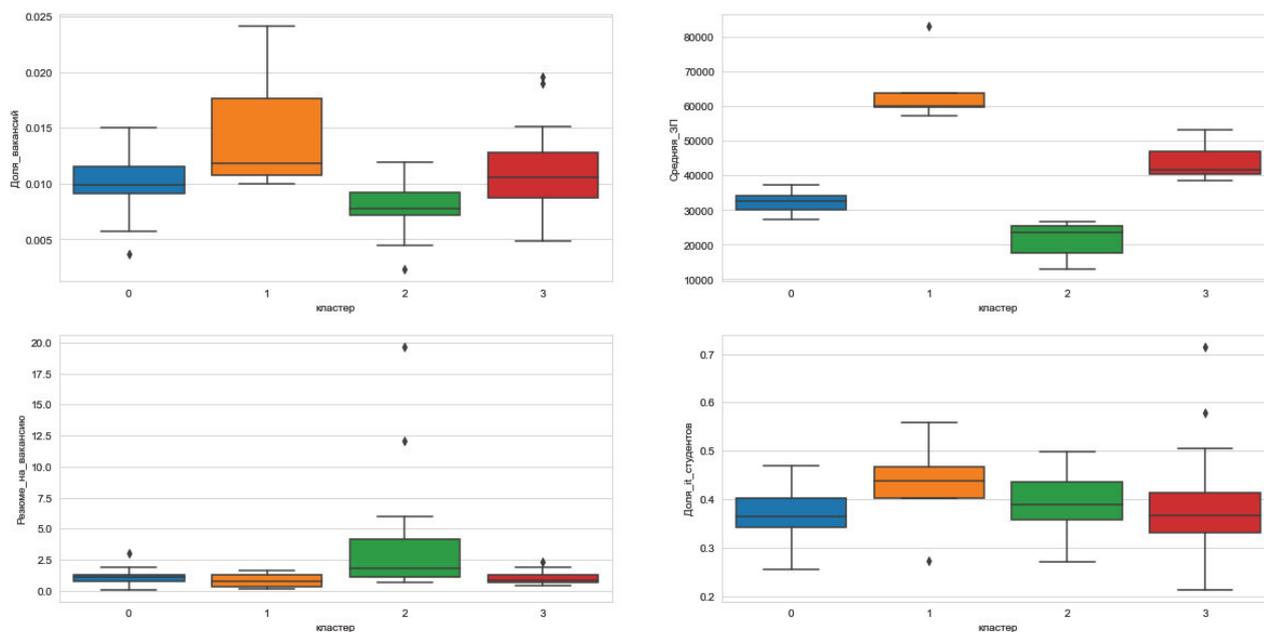

Рис. 8. Диаграммы размаха показателей

Источник: составлено автором.

В первый кластер попали субъекты страны, характеризующиеся более высокими значениями предлагаемой заработной платы, высокой долей студентов, выпускающихся по профилям направлений сферы информационных технологий, и высоким процентом вакансий, открытых по профилю ИТ. Тем самым, с точки зрения потенциала привлечения кадров по направлениям ИТ данные регионы обладают достаточно высоким уровнем. При этом важно понимать, что выполненная оценка не связана с текущим уровнем цифровизации в регионе, а говорит лишь о возможностях подготовки кадров в данном направлении.

Во второй кластер попали субъекты страны с низкой долей открытых вакансий по направлению ИТ, а также с наименьшими средними значениями заработной платы для специалистов профиля, при этом отмечаются высокие значения показателя «количество резюме на вакансию». Можно сказать, что в них среди населения пользует

ся высокой популярностью направления цифровизации, но местный рынок труда пока не может обеспечить растущий спрос соответствующим набором вакансий. В таких субъектах может наблюдаться отток рабочей силы и ее перераспределение в другие регионы. Среди регионов второго кластера можно выделить Кабардино-Балкарскую Республику, Карачаево-Черкесскую Республику, Республику Дагестан и Чеченскую Республику.

Регионы третьего кластера характеризуются средними значениями всех показателей, говорящих больше о переходном уровне к более высоким значениям.

Таким образом, можно сказать, что кластерный анализ является достаточно эффективным способом разбиения регионов на группы по схожим признакам. Он позволил нам изучить цифровой потенциал субъектов страны по подготовке кадров и привлечению их в сферу информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

- Афонин П.Н. (2015). Статистический анализ с применением современных программных средств. Санкт-Петербург: Интермедия. 100 с.
- Батракова Л. Г. (2019). Развитие цифровой экономики в регионах России // Социально-политические исследования. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tsifrovoy-ekonomiki-v-regionah-rossii> (дата обращения 05.11.2022).
- Бельтикова А. В. (2022). Оценка цифрового потенциала регионов России // Научные исследования и инновации. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tsifrovogo-potentsiala-regionov-rossii> (дата обращения 10.12.2022).
- Верзилин Д.Н., Максимова Т.Г., Антохин Ю.Н., Горовых Э.И. (2017). Цифровая трансформация социального пространства регионов России: подходы к оцениванию // Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (24–25 октября 2017 г., ИПРЭ РАН). Санкт-Петербург: ГУАП. С. 190–196.
- Волкова А.А., Никитин Ю.А., Плотников В.А., Поздеева Е.А. (2021). Развитие цифрового потенциала транспортно-логистических систем с использованием инструментария платформенной концепции // Экономика и управление. № 27 (1). С. 12–22. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-1-12-22
- Гашева З.Д. (2018). Цифровизация региональной экономики: понятия, проблемы, пути реализации // Новые технологии. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-regionalnoy-ekonomiki-ponyatiya-problemy-puti-realizatsii> (дата обращения 06.11.2022).
- Горбачева А.А. (2019). Потенциал цифровой трансформации российского ТЭК // Modern Economy Success. № 1. С. 20–28.
- Горлов К.Н., Ильичева М.В. (2018). Цифровизация как основа устойчивого развития региона: социально-политический и экономический аспекты // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. № 4.
- Городнова Н.В., Скипин Д.Л., Пешкова А.А. (2019). Исследование цифрового потенциала инновационных проектов российских компаний // Экономические отношения. Т. 9. № 3. С. 2229–2248. DOI: 10.18334/eo.9.3.40897
- Гудкова О.В., Ермакова Л.В., Мельгуй А.Э. (2016). Роль информационных технологий в построении учетно-аналитической системы предприятия // Бюллетень науки и практики. № 5 (6). С. 116–121.
- Дадаев Я.Э., Хажмурадова С.Д. (2019). Цифровая экономика: изменение ценностей и ориентиров управления предприятием // Роль цифровой экономики в укреплении экономической безопасности страны: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Махачкала: АЛЕФ. 266 с.
- Долгодворова Е.В. (2018). Кластерный анализ: базовые концепции и алгоритмы // Вопросы науки и образования. № 7 (19). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-analiz-bazovye-kontseptsii-i-algoritmy> (дата обращения 04.11.2022).
- Заде Л. А. (1980). Кластеризация и кластер. Москва: Мир. 383 с.
- Зубарев А.Е., Колесников А.М., Храповицкая Е.М. (2018). Совершенствование экономического механизма управления информацией как фактор организационно-управленческой инновации промышленных предприятий в условиях цифровизации экономики // Вестник Тихоокеанского гос. ун-та. № 3 (50). С. 77–82.
- Иванов В.В., Малинецкий Г.Г. (2017). Цифровая экономика: мифы, реальность, перспектива. Москва: РАН. 64 с.
- Ильшев А.М., Селевич Т.С. (2014). Стратегический конкурентный анализ в транзитивной экономике России. Москва: Финансы и статистика. 480 с.
- Ковальчук Ю.А., Алексеев И.В. (2017). Цифровой потенциал региональных рынков как новый стратегический фактор развития франчайзинговых предприятий // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Экономика и менеджмент. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-potentsial-regionalnyh-rynkov-kak-novyy-strategicheskiy-faktor-razvitiya-franchayzingovyh-predpriyatiy> (дата обращения 05.11.2022).

- Козлов А.В., Тесля А.Б. (2019). Цифровой потенциал промышленных предприятий: сущность, определение и методы расчета // Вестник ЗабГУ. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-potentsial-promyshlennyh-predpriyatiy-suschnost-opredelenie-i-metody-rascheta> (дата обращения 06.11.2022).
- Маслов М.П., Петров С.П. (2021). Оценка цифрового потенциала экономики регионов России // Развитие территорий. № 4 (26). С. 8–19. DOI: 10.32324/2412–8945-2021-4-08-19
- Николаев М.А., Махотаева М.Ю., Гусарова В.Н. (2020) Анализ влияния процессов цифровизации на экономическое развитие регионов // Научно-технические ведомости СПбГУ. Экономические науки. Т. 13. № 4. С. 46–56.
- Попов Е.В., Семячков К.А., Москаленко Ю.А. (2019). Цифровой потенциал предприятия // Экономический анализ: теория и практика. № 12 (495). С. 2223–2236.
- Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы (2017) / под ред. А.В. Бабкина. Санкт-Петербург: Изд-во Политехн. ун-та. 807 с.
- Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik Je., Wise Hansson E. (2004). *The Cluster Policies Whitebook*. IKED – International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development.
- Bergman E.M., Feser E.J. (1999). Industrial and regional clusters: Concepts and comparative applications. *Regional Research Institute*. West Virginia University.
- Czamanski S., de Albas L. (1979). Identification of industrial clusters and complexes: A comparison of methods and findings. *Urban Studies*, 16, 61–80.
- Eaves D (2010). *When Measuring the Digital Economy, Measure the (Creative) Destruction Too*. Available at: eaves.ca
- Enright M. (1996). *Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda*. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110809053.190/html>. DOI: 10.1515/9783110809053.190
- Negroponte N. (1995). *Being Digital*. New York: Knopf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лилия Анатольевна Михейкина – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, 117997, г. Москва, Стремянный пер., д. 36; e-mail: mikheykina.la@rea.ru)

Mikheikina L.A.

ASSESSMENT OF THE DIGITAL POTENTIAL OF THE RUSSIAN FEDERATION CONSTITUENT ENTITIES IN THE FIELD OF TRAINING AND ATTRACTING IT PERSONNEL

The development of the digital economy is one of the most significant global trends, greatly transforming various segments of the economy and spheres of life and requiring the introduction of new models of effective management. In 2017, Russia adopted basic documents (the Strategy for the Development of Information Society and the “Digital Economy of the Russian Federation” program) that define the prospects for the development of this area. The main efforts of the country’s leadership are focused on creating an ecosystem for the digital economy, creating the necessary and sufficient infrastructure conditions for the development and implementation of digital technologies, and determining the digital potential of the regions. At the same time, the problem of differentiating the level of readiness to implement and the potential to use the opportunities of the digital economy at the regional level is currently relevant. A particularly acute issue is the training and attraction of personnel in the field

of information and communication technologies, which are becoming the most necessary resource to achieve the targets in this direction. It has become most evident in 2022, when the loss of qualified IT specialists exceeded the values of previous years. We propose an approach to assessing the digital potential of the country's constituent entities in the field of IT training and recruitment based on open data of the Ministry of Science and Higher Education and the recruitment website "Rabota Rossii" using multidimensional statistical analysis methods. This approach will make it possible to see what potential opportunities the region has in terms of availability of the necessary specialists, and will help to identify weak points for subsequent adjustment of the policy in this direction.

Digital transformation, digital potential, personnel training, information technology.

REFERENCES

- Afonin P.N. (2015). *Statisticheskii analiz s primeneniem sovremennykh programmnykh sredstv* [Statistical Analysis with the Use of Modern Software Tools]. Saint Petersburg: Intermedia.
- Batrakova L.G. (2019). Development of digital economy in Russian regions. *Sotsial'no-politicheskie issledovaniya=Social and Political Research*, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitietsifrovoy-ekonomiki-v-regionah-rossii> (accessed: November 5, 2022; in Russian).
- Bel'tikova A.V. (2022). Assessment of the digital potential of Russian regions. *Nauchnye issledovaniya i innovatsii=Scientific Research and Innovation*, 7. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-tsifrovogo-potentsiala-regionov-rossii> (accessed: December 10, 2022; in Russian).
- Verzilin D.N., Maksimova T.G., Antokhin Yu.N., Gorovykh E.I. (2017). Digital transformation of the social space of Russia's regions: Approaches to assessment. In: *Mat-ly Vseros. nauch.-prakt. konf. (24–25 oktyabrya 2017 g., IPRE RAN)* [Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 24–25, 2017, Institute of Regional Economy Problems of RAS)]. Saint Petersburg: GUAP (in Russian).
- Volkova A.A., Nikitin Yu.A., Plotnikov V.A., Pozdeeva E.A. (2021). Developing the digital potential of transport and logistics systems using the tools of the platform concept. *Ekonomika i upravleniye=Economics and Management*, 27(1), 12–22. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-1-12-22 (in Russian).
- Gasheva Z.D. (2018). Digitalization of regional economy: Concepts, problems, ways of realization. *Novye tekhnologii=New Technologies*, 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-regionalnoy-ekonomiki-ponyatiya-problemy-puti-realizatsii> (accessed: November 6, 2022; in Russian).
- Gorbacheva A.A. (2019). The potential for digital transformation of the Russian fuel and energy complex. *Modern Economy Success*, 1, 20–28 (in Russian).
- Gorlov K.N., Il'icheva M.V. (2018). Digital transformation as the basis for sustainable development of the region: Social, political and economic aspects. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki=Bulletin of Tula State University. Humanitarian Sciences*, 4 (in Russian).
- Gorodnova N.V., Skipin D.L., Peshkova A.A. (2019). Research of the digital potential of innovation projects of Russian companies. *Ekonomicheskie otnosheniya=Journal of International Economic Affairs*, 9(3), 2229–2248. DOI: 10.18334/eo.9.3.40897 (in Russian).
- Gudkova O.V., Ermakova L.V., Melgui A.E. (2016). Role of information technologies in construction registration and analytical system of the enterprise. *Byulleten' nauki i praktiki=Bulletin of Science and Practice*, 5(6), 116–121 (in Russian).
- Dadaev Ya.E., Khazhmuradova S.D. (2019). Digital economy: Change of values and business management guidelines. In: *Rol' tsifrovoy ekonomiki v ukreplenii ekonomicheskoi bezopasnosti strany: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [The Role of Digital Economy in Strengthening the Country's Economic Security: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference]. Makhachkala: ALEF (in Russian).
- Dolgodorova E.V. (2018). Cluster analysis: Basic concepts and algorithms. *Voprosy nauki i obrazovaniya=Questions of Science and Education*, 7(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasternyy-analiz-bazovye-kontseptsii-i-algoritmy> (accessed: November 4, 2022; in Russian).

- Zade L.A. (1980). *Klasterizatsiya i klaster* [Clustering and Cluster]. Moscow: Mir.
- Zubarev A.E., Kolesnikov A.M., Khrapovitskaya E.M. (2018). Improvement of the economic mechanism of management of information as a factor of an organizational and administrative innovation of the industrial enterprises in the conditions of digitalization of economy. *Vestnik Tikhookeanskogo gos. un-ta=Bulletin of Pacific National University*, 3(50), 77–82 (in Russian).
- Ivanov V.V., Malinetskiy G.G. (2017). *Tsifrovaya ekonomika: mify, real'nost', perspektiva* [Digital Economy: Myths, Reality, Prospects]. Moscow: RAS.
- Ilyshev A.M., Selevich T.S. (2014). *Strategicheskii konkurentnyi analiz v tranzitivnoi ekonomike Rossii* [Strategic Competitive Analysis in a Transitional Economy of Russia]. Moscow: Finansy i statistika.
- Koval'chuk Yu.A., Alekseev I.V. (2017). The digital potential of regional markets as a new strategic factor in the development of franchise businesses. *Vestnik YuUrGU. Ser.: Ekonomika i menedzhment=Bulletin of the South Ural State University. Economics and Management Series*, 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-potentsial-regionalnyh-rynkov-kak-novyy-strategicheskii-faktor-razvitiya-franchayzingovyh-predpriyatij> (accessed: November 5, 2022; in Russian).
- Kozlov A.V., Teslya A.B. (2019). Digital potential of industrial enterprises: Essence, determination and calculation methods. *Vestnik ZabGU=Transbaikal State University Journal*, 6. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-potentsial-promyshlennyh-predpriyatij-suschnost-opredelenie-i-metody-rascheta> (accessed: November 6, 2022; in Russian).
- Maslov M.P., Petrov S.P. (2021). Assessment of the digital potential of the economy of Russian regions. *Razvitie territorii=Territory Development*, 4(26), 8–19. DOI: 10.32324/2412–8945-2021-4-08-19 (in Russian).
- Nikolaev M.A., Makhotaeva M.Yu., Gusarova V.N. (2020). Analysis of the influence of digitalization processes on regions' economic development. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki=St. Petersburg Polytechnic University Journal. Economic Sciences*, 13(4), 46–56 (in Russian).
- Popov E.V., Semyachkov K.A., Moskalenko Yu.A. (2019). Digital potential of the enterprise. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika=Economic Analysis: Theory and Practice*, 12(495), 2223–2236 (in Russian).
- Babkin A.V. (Ed.). (2017). *Tsifrovaya transformatsiya ekonomiki i promyshlennosti: problemy i perspektivy* [Digital Transformation of Economy and Industry: Problems and Prospects]. Saint Petersburg: Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University Publishers.
- Andersson T., Schwaag-Serger S., Sorvik Je., Wise Hansson E. (2004). *The Cluster Policies Whitebook*. IKED – International Organisation for Knowledge Economy and Enterprise Development.
- Bergman E.M., Feser E.J. (1999). Industrial and regional clusters: Concepts and comparative applications. *Regional Research Institute*. West Virginia University.
- Czamanski S., de Albas L. (1979). Identification of industrial clusters and complexes: A comparison of methods and findings. *Urban Studies*, 16, 61–80.
- Eaves D. (2010). *When Measuring the Digital Economy, Measure the (Creative) Destruction Too*. Available at: eaves.ca
- Enright M. (1996). *Regional Clusters and Economic Development: A Research Agenda*. Available at: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9783110809053.190/html>. DOI: 10.1515/9783110809053.190
- Negroponte N. (1995). *Being Digital*. New York: Knopf.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liliya A. Mikheikina – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation; e-mail: mikheykina.la@rea.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8
 УДК 332.12:338.001.36 | ББК 65.04

© Груздева М.А.

ЦИФРОВОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА: ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ

МАРИЯ АНДРЕЕВНА ГРУЗДЕВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
 Вологда, Российская Федерация
 e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru
 ORCID: [0000-0001-8759-4953](https://orcid.org/0000-0001-8759-4953); ResearcherID: [H-4981-2017](https://orcid.org/H-4981-2017)

Сложно переоценить влияние процессов цифровизации для современного общества. Они могут быть как источником весомых преимуществ, существенно упростить жизнь и повысить ее качество, так и нести серьезные риски. Однако данный продукт человеческой цивилизации и ее естественной эволюции вне зависимости от рефлексии еще долгое время будет частью нашей жизни. В связи с этим важно наблюдать за влиянием новых технологий на общество и экономику. В статье предпринята попытка обращения к концепту цифрового благополучия населения, который рассматривается в ракурсе социокультурного развития. Рукопись посвящена поиску методических основ оценки его уровня для российских регионов. В целях разработки авторской методики произведен поиск и анализ комплексных методик, удовлетворяющих исследовательскому запросу. Определены их сильные и слабые стороны, детально рассмотрены подходы к подбору и стандартизации показателей, технологии получения индексов. В результате представлен алгоритм построения авторского индекса цифрового благополучия, учитывающего четыре основных параметра: доступность интернета, цифровая грамотность, интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь и работу учреждений социальной сферы (на примере образования и культуры). Апробация проведена на регионах России в 2015, 2018, 2019 гг. По итогам расчетов показано, что российские регионы значительно дифференцированы по уровням цифрового благополучия проживающего в них населения, однако наблюдаются и позитивные изменения, заключающиеся в увеличении группы территорий с уровнем выше среднего. В завершение сделаны выводы и даны рекомендации по снижению цифровых неравенств с целью повышения благополучия людей.

Цифровизация, цифровое благополучие, цифровые технологии, доступность интернета, цифровая грамотность населения, методика, регионы России.

Для цитирования: Груздева М.А. (2023). Цифровое благополучие населения региона: подходы к оценке // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8

For citation: Gruzdeva M.A. (2023). Digital well-being of the region's population: Approaches to assessment. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 130–144. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.8

Введение

Специалисты Вологодского научного центра РАН на протяжении долгого времени изучают социокультурные характеристики регионального развития, параметры и тренды социокультурной модернизации российских регионов. Исследования проводятся в рамках программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов» и научной школы основателя центра изучения социокультурных изменений Института философии д-ра филос. наук, члена-корреспондента РАН Н.И. Лапина. Результаты базируются на мониторинговых социологических наблюдениях, помогают фиксировать и анализировать основные тренды и трансформации в социокультурном облике региона, а вхождение в сетевой проект наряду с 25 регионами позволяет изучать важные аспекты региональной гетерогенности (Атлас..., 2016).

Так, выяснено, что социокультурное развитие очень многогранно и многоаспектно, его факторы и последствия имеют взаимобусловленное влияние, а скорость изменений постоянно увеличивается. Социокультурный контекст детерминирован глобальными вызовами, техногенными трансформациями, демографическими трендами (в том числе факторами и последствиями старения населения, кризисом семьи), изменениями политико-социальной ситуации, процессами цифровизации экономики, управления, пространства повседневности и многим другим. Все эти «рамки» обладают различной степенью неопределенности, поэтому в будущем будут стимулировать появление все новых социокультурных трансформаций, требующих изучения.

Вовлеченность населения мира в цифровое пространство имеет восходящую динамику. По последним данным в 2022 году интернетом пользуется каждый седьмой человек в мире (69%). Высокая включенность наблюдается во всех частях света, за исключением Африки¹. Роль интернета в форми-

ровании информационного пространства велика. Он вытесняет иные источники, становится площадкой не только для коммуникации, но и формирования новых смыслов и способов взаимодействия. Число цифровых услуг и сервисов растет, ежедневно изменяя окружающую действительность и привычную жизнь. Мировой рынок информационных технологий стремительно развивается, темпы его роста превосходят темпы роста мирового ВВП. В России отмечается внедрение информационных технологий в производство и управление (в первую очередь на государственном уровне); активное развитие интернет-сервисов; рост у пользователей числа «умных устройств» (Усков, 2022).

В связи с этим с 2020 года изучение социокультурного развития регионов было дополнено аспектами цифровизации. Ее мы рассматриваем как форму реализации социокультурной трансформации, а цифровые технологии – механизм и инструмент данного процесса. Причем здесь важно не только то, что она охватывает практически все человечество и все сферы жизни, но и то, что это перманентная характеристика современной человеческой цивилизации, естественный продукт ее эволюции и научно-технического прогресса. Независимо от отношения цифровизация все равно будет неотъемлемой частью нашей жизни. Вопрос только в том, как именно человечество распорядится этой формой, механизмом и инструментами.

В статье поставлена цель разработать методику оценки цифрового благополучия населения для дифференциации регионов по его уровням.

Материалы и методы

В рамках исследований по данной проблематике автором ранее были изучены масштабы и факторы проявления цифровых разрывов, разработан авторский инструментарий социологического наблюдения за

¹ Информация об использовании интернета поступает из данных, опубликованных Nielsen Online, Международным союзом электросвязи, GfK, местными регуляторными органами в области ИКТ и другими надежными источниками. URL: www.internetworldstats.com

процессами вхождения цифровых новшеств в жизнь людей, в частности получения определенных преимуществ от включенности в цифровую среду. Детально проанализированы форматы и условия получения государственных и муниципальных услуг в онлайн-формате. Последовательное изучение цифрового неравенства, социокультурных трансформаций общества, порождаемых цифровизацией, подтолкнули нас обратиться к понятию цифрового благополучия населения. Данное понятие еще не концептуализировано в научном поле и употребляется крайне редко.

Для реализации цели исследования рассмотрены существующие комплексные методики оценки цифрового развития территорий/систем, проанализированы их преимущества и узкие места, разработана авторская методика, представлен алгоритм построения индекса и апробации методики, показаны результаты.

Объект исследования – регионы Российской Федерации. Период исследования – 2015, 2018, 2019 гг. Выбор периода обусловлен доступностью информации по всей обследуемой совокупности регионов.

Использованы научные методы, в частности сравнительный анализ, статистический анализ, индексный метод. Информационную базу составили труды зарубежных и отечественных исследователей характеристик цифрового развития, нормативно-правовые документы Российской Федерации, данные официального статистического ведомства (Росстат).

Результаты

Очерчивая общий ракурс исследования, стоит отметить, что сначала изучались доступность интернета и ИКТ инфраструктуры. В настоящее время «важны интенсификация проникновения ИКТ во все сферы экономики и жизнедеятельности людей, результативность информатизации, оцениваемая прогрессивностью структуры ВВП и социальных преобразований, появлением но-

вых источников благосостояния людей, выравниванием регионального и социального развития по параметрам информационного общества: доступности информационных сетей, технологий и ресурсов» (Ткаченко, Дык Лыгу Минь, 2018; Усков, 2021).

Нормативно-правовые акты, определяющие цели и задачи цифрового развития Российской Федерации, также учитывают данный момент. В 2017 году Президентом была поставлена задачакратно увеличить выпуск специалистов в цифровой экономике и добиться в России всеобщей цифровой грамотности. Это стало отправной точкой для создания программы «Цифровая экономика» и затем ее переформатирования в национальный проект, «целью которого является ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере для создания условий для высокотехнологичного бизнеса, повышения конкурентоспособности страны на глобальном рынке, укрепления национальной безопасности и повышения качества жизни людей»².

Еще в XX веке исследователи отмечали, что ИКТ преобразуют общество, их развитие будет не только влиять на экономику и производство, но и трансформировать самого человека, культуру, ценности, социальные взаимодействия (Землянова, 1995; Bell, 1960; Toffler, 1980; Webster, 1997). В Хартии глобального информационного общества, принятой на саммите «Большой восьмерки» в 2000 году на о. Окинава (Япония), отмечено революционное воздействие ИКТ на образ жизни людей, их образование и работу, а также взаимодействия правительства и гражданского общества³.

Определением тенденций, динамики, факторов и содержания последствий социокультурных трансформаций, обусловленных массовым распространением интернета и других ИКТ, так или иначе занимались большинство исследователей инфосферы (Floridi, 2014).

В связи с возникновением данных концептуальных и управленческих рамок акту-

² Распоряжение Правительства Российской Федерации № 1632-р от 28 июля 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Окинавская Хартия глобального информационного общества (2000) // Дипломатический вестник. № 8. С. 51–56.

ализируются и вопросы влияния цифровизации на жизнь человека. Информационные технологии, преобразовывая пространство, вызывают целый ряд изменений во всех областях жизни, многие из них обострились в беспрецедентных условиях новейшей истории – пандемии коронавируса. Поэтому мы обратили внимание именно на концепт благополучия человека в цифровой среде и предприняли попытку его комплексной оценки.

Отметим, что для анализа нами были выбраны интегральные методики. Вместе с тем исследователи прибегают к рассмотрению данной проблематики с использованием набора отдельных, неагрегированных показателей как с позиции оценки цифровых неравенств, так и, например, для отслеживания стратегических показателей программы «Цифровая экономика России» (Lowry, 2020). Также основой выбора инструментария для анализа послужило обращение именно к пользовательским характеристикам и практикам в рамках повседневной жизни населения, то есть работы, нацеленные на оценку только цифровой экономики; цифровизация бизнеса не рассматривалась.

Комплексные методики оценки различных параметров цифровизации начали использоваться в мире намного раньше, так как проникновение интернета в развитых странах было более существенным. Число интернет-пользователей в России превысило среднемировой уровень только в 2013 году (Груздева, 2020).

Рассмотрим подробнее современные зарубежные методики, отвечающие исследовательским запросам (табл. 1).

Наиболее ранним является индекс развития ИКТ (IDI), рассчитываемый Международным союзом электросвязи с 2009 года и применяемый для рейтингования стран. По оценкам IDI, в 2017 году Россия отнесена к группе стран с высоким уровнем развития ИКТ (рис. 1).

Методика европейской комиссии (I-DESI – Международный индекс цифровой экономики и общества), являясь комплексной, позволяет отслеживать динамику стран,

модернизируется в связи с возникающими условиями, однако выбранный подход к стандартизации (за эталон берется лучшее значение в совокупности показателей за весь исследуемый период), на наш взгляд, в условиях быстрой цифровой трансформации занижает оценки более ранних лет исследования. Апробация данной методики и подробный анализ результатов проведены и отечественными авторами (Бакуменко, Минина, 2020).

Представителями Mastercard и Школы права и дипломатии им. Флетчера сформирован индекс цифровой эволюции, который предполагает оценку развития территории по 170 уникальным параметрам и существенную экспертную работу, что делает его трудновоспроизводимым, в том числе в рамках других исследуемых субъектов.

Стоит отметить, что международные индексы не учитывают страновых особенностей. Так, индекс IDI включает в расчет одного из субинтегральных значений долю пользователей широкополосного и мобильного интернета. В России эти два показателя пересекаются, стационарным интернетом чаще пользуются на работе и чуть реже дома при наличии компьютера, тогда как в остальных случаях более популярны мобильные формы интернета. Также субиндекс навыков, даже несмотря на то, что исключает субъективные суждения, имеет пересекающиеся показатели охвата средним и высшим образованием, а используемое в расчетах среднее количество лет обучения не всегда может свидетельствовать о получении информационно-коммуникационных навыков по причине все еще низкой оснащенности сельских школ.

Отечественные исследователи также обращаются к интегральной оценке цифровых аспектов развития различных территорий. Так, например, в Вологодской области разработан авторский вариант методики анализа и оценки потенциала цифровизации сельских территорий, результаты которой использованы для обоснования модели единой цифровой платформы для целей государственного стратегического планирования

Таблица 1. Международные методические подходы к оценке цифровизации социально-экономических систем, территорий

№ п/п	Автор/организация	Название	Используемые показатели и принципы получения индекса
1	International Telecommunication Union / Международный союз электросвязи*	IDI – индекс развития ИКТ 2020 года	<p>Включает 11 показателей, сгруппированных в три подиндекса (субиндекс доступа IDI, субиндекс использования IDI, субиндекс навыков IDI). Рассчитан для 176 стран мира, для которых МСЭ собирает статистику. Ввиду большого числа исследуемых точек методика реализуется в 8 шагов. Нормализация показателей происходит путем выстраивания выборки, исключения 5 самых высоких показателей. За эталон для сравнения берется значение, равное среднему с двумя стандартными отклонениями, затем распределение стран проверяется на соответствие закону нормального распределения.</p> <p>Далее присваиваются баллы от 1 до 10 по формуле:</p> $\text{Балл} = \text{показатель/эталон} * 10$ <p>После субиндексы и индекс сворачиваются через логарифмическое преобразование</p>
2	European Commission DG CONNECT**	<p>1. DESI – Digital Economy and Society Index – индекс цифровой экономики и общества</p> <p>2. I-DESI – Международный индекс цифровой экономики и общества</p>	<p>1. Рассчитывался с 2014 по 2018 год для обеспечения научно обоснованной оценки цифрового развития в ЕС в целом. Используются показатели, разделенные на 4 группы параметров: 1) человеческий капитал; 2) связь; 3) интеграция цифровых технологий; 4) цифровые государственные услуги. Всего 32 показателя, собираемых Еврокомиссией для стран Европы.</p> <p>2. Расширяет DESI, используя 24 набора данных для анализа тенденций и сравнения цифровых показателей 45 стран, рассчитывается с 2018 года. Используются показатели, разделенные на 5 групп параметров: 1) связь; 2) цифровые навыки; 3) использование интернета; 4) интеграция технологий в бизнесе; 5) государственные услуги. Анализ включает в себя шестиступенчатый подход: сбор, отбор и проверка данных; нормализация; оценка недостающих значений; применение весов; корреляционный анализ; расчет итогового индекса. Нормализация данных проводится по максимальным и минимальным значениям за весь период исследования и всю совокупность стран, группам параметров присваиваются веса, сворачивание субиндексов проводится на основе среднеарифметической, интегральный индекс рассчитывается по формуле:</p> $I-DESIX = \text{Связь}X * 0,25 + \text{Цифр.навыки}X * 0,25 + \text{Исп.интернета гражд.}X * 0,15 + \text{Интегр.цифр.техн.в бизнесе}X * 0,2 + \text{Цифр.гос.услуги}X * 0,15,$ <p>где: X – наименование страны</p>
3	Mastercard и Школа права и дипломатии им. Флетчера***	Digital Evolution Index – индекс цифровой эволюции 2017	<p>Рейтинг Digital Evolution Index 2017 оценивает каждое государство по 170 уникальным параметрам. Они описывают 4 основных фактора, которые определяют темпы диджитализации:</p> <ul style="list-style-type: none"> уровень предложения (наличие доступа к интернету и степень развития инфраструктуры); Спрос потребителей на цифровые технологии; Институциональная среда (политика государства, законодательство, ресурсы); Инновационный климат (инвестиции в R&D и digital-стартапы)

* URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/events/egh2020/IDI2020_BackgroundDocument_R.pdf
** URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/desi>
*** Исследование Mastercard: что делает цифровую экономику более надежной и устойчивой. URL: <https://qptr.ru/6g0F>

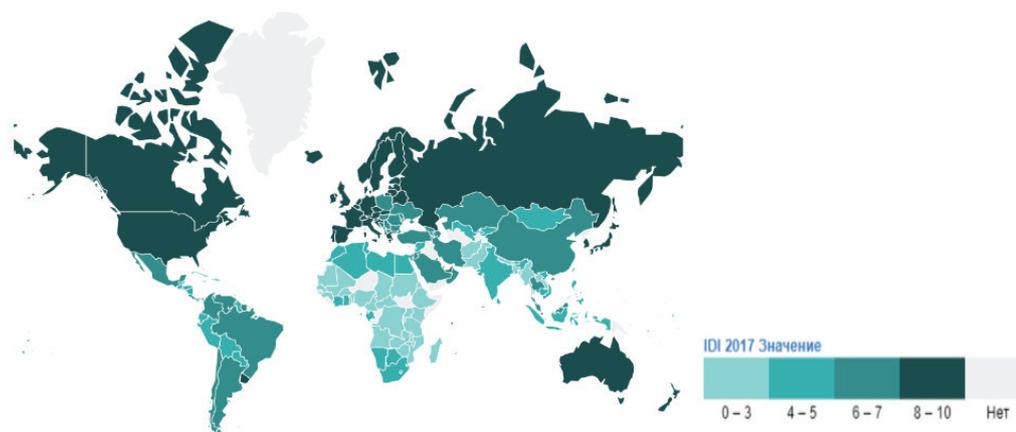

Рис. 1. Карта значений индекса развития ИКТ в мире, 2017 год

Источник: URL: https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/events/egh2020/IDI2020_BackgroundDocument_R.pdf

устойчивого развития сельских территорий (Советова, 2021). Проанализированные в ходе исследования отечественные методики подробно рассмотрены в *табл. 2*. Они либо основаны на концептуальных направлениях основного стратегического документа по цифровому развитию России – программы «Цифровая экономика РФ» и являются аналитическим инструментом для разработки и корректировки политики (индекс госкорпорации «Росатом»; индекс «Цифровая Россия» Московской школы управления «Сколково»; индекс «Цифровая экономика»), либо предназначены для международных сравнений и определения положения России в рейтинге стран (интегральный показатель уровня цифровизации территорий). Авторы исследования (Степанова и др., 2019) разработали комплексные показатели оценки активности и условий субъектов цифровизации региона, на основе соотнесения которых строится дифференцированный анализ регионов и производится их деление на проблемные, пассивные, активно включающиеся, сбалансированные, передовые и продвинутые.

Обращаясь к положительным чертам разработанных отечественных методик, стоит отметить, что методики являются комплексными, оценивают использование потенциала цифровых технологий как в различных сферах деятельности, так и в процессах управления, включают большой набор показателей количественного и качественного

характера, подкреплены значительной экспертной оценкой и соответствуют стратегическим приоритетам страны. Недостатками выступают трудность воспроизводимости части методик ввиду большого набора данных и присутствия качественных оценок, получаемых в результате анализа нормативно-правовых актов, результатов действий органов власти и экспертных оценок, а также некоторое дублирование показателей и друг друга.

Для нас были важны концептуальные основы методик, будь то соответствие глобальным и национальным целям развития, готовность к развитию, причастность к развитию экономики, цифровизации повседневных практик населения, функционированию цифровых экосистем и так далее. Во-вторых, важны набор показателей, их характер (качественный, количественный) и доступность, а также сам подход к итерации данных, число обследуемых единиц, принципы отбора эталонных значений, нормализации и стандартизации данных, присвоения весов, сворачивания субиндексов и интегральных показателей.

При разработке собственной методики соблюдался ряд принципов: отражение показателями цифрового благополучия населения российских регионов, комплексный характер индекса, доступность данных для всех и/или большей части субъектов Российской Федерации, не перегруженность

Таблица 2. Отечественные методические подходы к оценке цифровизации социально-экономических систем, территорий

№ п/п	Автор/организация	Название	Используемые показатели Принципы получения индекса
1	Центр финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы управления «Сколково»*	Индекс «Цифровая Россия»	<p>Методология включает качественную и количественную оценку. Количественная оценка – это расчет средневзвешенной оценки по семи базовым субиндексам.</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Нормативное регулирование и административные показатели цифровизации. 2. Специализированные кадры и учебные программы. 3. Наличие и формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, включая уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. 4. Информационная инфраструктура. 5. Информационная безопасность. 6. Экономические показатели цифровизации. 7. Социальный эффект от внедрения цифровизации. <p>Для оценки субиндексов используются субфакторы (события, факты, информация открытых источников). Критерии оценки: соответствие нормативным документам и стратегии государства в области цифровизации; осязаемость события (наличие конкретных шагов/действий/процессов); социально-экономические, финансовые и бизнес-эффекты от осязаемости.</p> <p>Каждый субиндекс может принимать значение от 0 до 100 баллов. Где 0 баллов означает полное отсутствие освещения работы по цифровизации в субъекте РФ, а 100 – полноценное освещение выполнения всех положений и требований программы «Цифровая экономика Российской Федерации».</p> <p>Качественная оценка производится экспертным путем, для расчета общего индекса используются весовые коэффициенты, выявленные статистическими и экспертными методами.</p>
2	Госкорпорация «Росатом»	Национальный индекс развития цифровой экономики**	<p>Индекс разработан в качестве информационно-аналитического инструмента, который можно будет использовать в процессах разработки и корректировки политики развития цифровой экономики в Российской Федерации. Для сравнительной оценки уровня развития цифровой экономики в России были выбраны развитые страны и страны из значимых для России объединений (ЕС, ОЭСР, G20, БРИКС, ШОС). В расчет включены более 200 показателей, имеющих как количественный, так и качественный характер. Нормализация производилась так же, как и для индекса развития ИКТ (МСЭ), эталонное значение выбиралось среди стран, взятых за основу сравнения</p>
3	Сафиуллин М.Р., Абдукаева А.А., Ельшин Л.А. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», ГБУ «Центр перспективных экономических исследований Академии наук Республики Татарстан	Индекс «Цифровая экономика»	<p>Индекс рассчитывается на основе 5 групп параметров, определенных направлениями программы «Цифровая экономика РФ»: кадры и образование; формирование исследовательских компетенций и технических заделов; информационная инфраструктура; информационная безопасность; нормативное регулирование (экспертная оценка регионального законодательства в сфере развития цифровой экономики).</p> <p>Субиндексы и индексы получаются путем расчета средневзвешенной величины, стандартизация показателей проведена путем вычитания из значения показателя минимального значения в совокупности и деления на размах вариации (для показателей стимуляторов развития), и вычитания из максимального значения в совокупности значения показателя и деления на размах вариации</p>
4	Сидоров А.А., Сенченко П.В., Тарасенко В.Ф.	Интегральный показатель уровня цифровизации территорий	<p>Расчет основывается на пересекающемся наборе исходных показателей, собираемых Росстатом и Евростатом, включает 13 показателей. Для каждого из показателей предлагается определение весов через оценку среднеквадратического отклонения по каждому нормированному частному критерию. Субинтегральные компоненты оценки (уровни цифровизации в секторе населения и/или домашних хозяйств и бизнесе) и интегральный индекс рассчитываются посредством аддитивной свертки</p>
5	Степанова В.В., Уханова А.В., Григоричин А.В., Яхьяев Д.Б.	<ol style="list-style-type: none"> 1. Индекс активности субъектов цифровизации региона 2. Индекс условий цифровизации региона 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Включает 3 параметра (цифровая активность населения, цифровая активность организаций, цифровизация государства) и 17 показателей. 2. Включает 6 параметров (цифровая инфраструктура, цифровые компетенции населения, цифровое образование, пространственно-территориальное устройство, развитие наук и инноваций, ресурсообеспеченность) и 13 показателей. <p>Стандартизация данных проведена по лучшему значению в совокупности, сворачивание индексов – на основе среднеарифметической. Для индекса условий использованы весовые коэффициенты, полученные экспертным путем (метод анализа иерархий). На основе соотношения индексов авторами построены матрицы типов цифровых экосистем, позволяющие дифференцированно подходить к анализу цифрового развития регионов.</p>

* Методология расчета индекса «Цифровая Россия» субъектов Российской Федерации. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Methodology_2019-04_ru.pdf

** Национальный индекс развития цифровой экономики: Пилотная реализация (2018). М. Госкорпорация «Росатом». 92 с.

Составлено по: (Аликаева и др., 2021; Габдуллин, Киршин, 2019; Сафиуллин и др., 2019; Сидоров и др., 2020; Степанова и др., 2019).

Таблица 3. Показатели для расчета индекса цифрового благополучия населения региона

Параметр	Переменная	Индикатор	Направленность
1. Доступность интернета	X1	Доля домашних хозяйств, имеющих доступ к сети Интернет	Прямой
	X2	Доля сельских населенных пунктов, не имеющих доступа к широкополосному интернету (с численностью населения менее 100 человек)	Обратный
2. Цифровая грамотность населения	X3	Доля населения, отказывающегося от использования интернета по причине отсутствия навыков	Обратный
	X4	Доля населения, владеющего цифровыми навыками (рассчитано по навыку с наибольшей дифференциацией среди регионов)	Прямой
3. Интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь	X5	Доля населения, использующего сеть Интернет для заказа товаров и услуг, в субъектах Российской Федерации (в % от общей численности населения, использующего сеть Интернет)	Прямой
	X6	Доля населения, взаимодействующего с органами государственной власти и местного самоуправления через интернет, используя официальные сайты и порталы государственных и муниципальных услуг, мобильные устройства, электронную почту и терминалы самообслуживания (в % от общей численности населения)	Прямой
4. Интеграция цифровых технологий в работу социальной сферы	X7	Обеспеченность персональными компьютерами с доступом в интернет, используемыми в учебных целях, в общеобразовательных организациях в субъектах Российской Федерации (единиц в расчете на 100 обучающихся)	Прямой
	X8	Компьютеризированные посадочные места в библиотеках в субъектах Российской Федерации с возможностью выхода в интернет (в % от общего числа посадочных мест библиотек)	Прямой
Источник: составлено автором.			

показателями, возможность воспроизводимости в будущем.

В связи с этим методика формировалась в несколько последовательных этапов.

Шаг первый. Выбор индикаторов оценки. Индикаторы позволяют оценить четыре параметра цифрового благополучия населения региона: доступность интернета, цифровую грамотность, интеграцию цифровых технологий в повседневную жизнь и в работу социальной сферы (табл. 3).

Шаг второй. Для построения интегрального индекса необходима стандартизация показателей путем отнесения фактического значения к эталонному. В качестве эталона с учетом влияния индикатора на цифровое благополучие населения (прямой/обратный) определяется среднее значение по 10 лучшим значениям в совокупности. Из совокупности сделаны выбросы по причине либо отсутствия данных, либо существенного отличия значений. Так, из списка субъектов исключены города Москва, Санкт-Петербург, Севастополь, Республика Крым, однако пред-

ставлена информация по Ямало-Ненецкому, Ненецкому, Ханты-Мансийскому автономным округам.

Прямые показатели получают следующим образом:

$$x_i = \frac{x_i}{x_3} \times 10, \quad (1)$$

где:

x_i – значение переменной;

x_3 – среднеарифметическое значение 10 максимальных значений в совокупности.

Обратные:

$$x_i = \frac{x_3}{x_i} \times 100, \quad (2)$$

где:

x_i – значение переменной;

x_3 – среднеарифметическое значение 10 минимальных значений в совокупности.

Эталонное значение устанавливается для каждого индикатора в каждый изучаемый год.

Шаг третий. Объединение стандартизованных показателей в субиндексы на основе среднеарифметических значений:

$$I_j = \frac{\sum_{i=1}^n X_i}{n}, \quad (3)$$

Шаг четвертый предполагает получение интегрального индекса цифрового благополучия как среднеарифметической величины сводных индексов.

$$I_{цбн} = \frac{I_{ди} + I_{цг} + I_{ипж} + I_{исс}}{4}, \quad (4)$$

где:

$I_{цбн}$ – интегральный индекс цифрового благополучия населения региона;

$I_{ди}$ – субиндекс доступности интернета;

$I_{цг}$ – субиндекс цифровой грамотности населения;

$I_{ипж}$ – субиндекс интеграции цифровых технологий в повседневную жизнь;

$I_{исс}$ – субиндекс интеграции цифровых технологий социальную сферу.

Шаг пятый. Интерпретация полученных результатов. Для определения уровней (выше среднего, средний и ниже среднего) благополучия использован метод группировок с равными закрытыми интервалами. Величина интервала получена путем

деления размаха вариации показателей в совокупности на число групп. Данный подход выбран для сравнения регионов в один год, так как группировка по используемому временному периоду, ввиду интенсивного развития цифровых технологий, могла заведомо занижить показатели ранних годов (например, 2015 года).

Таким образом, в основе разработанного инструментария лежат доступные, сопоставимые статистические данные, расчеты могут быть пролонгированы.

Апробация методики проведена в 2015, 2018, 2019 гг., результаты дифференциации регионов представлены в *табл. 4*.

Как было выявлено ранее в рамках изучения поселенческого аспекта цифровых неравенств (Шабунова и др., 2020), в состав регионов-лидеров входят нефтегазо- и угледобывающие территории (ЯМАО, ХМАО, НАО, Республика Татарстан, Тюменская область, Якутия, Чукотский АО), густонаселенные ареалы Московской агломерации, а также крупные научно-образовательные и туристские центры (Томская область, Калининградская область).

Состав регионов по уровню цифрового благополучия населения менялся в течение исследуемого периода. Нарастание числа

Таблица 4. Результаты группировки субъектов РФ по уровню цифрового благополучия населения (регионы ранжированы по убыванию значения индекса)

Уровень цифрового благополучия населения	2015 год	2018 год	2019 год
Выше среднего	Ямало-Ненецкий автономный округ Свердловская область Республика Татарстан Чувашская Республика Мурманская область	Ямало-Ненецкий автономный округ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Камчатский край Тюменская область Чукотский автономный округ Тульская область Мурманская область Республика Саха (Якутия) Московская область Республика Татарстан	Ямало-Ненецкий автономный округ Чукотский автономный округ Камчатский край Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Тюменская область Ненецкий автономный округ Томская область Московская область Мурманская область Калининградская область Кировская область Республика Карелия Архангельская область Республика Татарстан Тульская область

Средний	<p>Республика Ингушетия Тюменская область Белгородская область Камчатский край Республика Карелия Тульская область Калининградская область Архангельская область Ростовская область Томская область Псковская область Республика Коми Московская область Ленинградская область Владимирская область Ханты-Мансийский автономный округ – Югра Сахалинская область Красноярский край Республика Саха (Якутия) Воронежская область Чеченская Республика Челябинская область Новосибирская область Самарская область Республика Тыва Краснодарский край Республика Адыгея Приморский край Пензенская область Омская область Липецкая область Ярославская область Пермский край Республика Алтай Еврейская автономная область Иркутская область Калужская область Кабардино-Балкарская Республика Республика Северная Осетия – Алания Хабаровский край Курганская область Кировская область Республика Мордовия Вологодская область Новгородская область Ставропольский край Республика Башкортостан Кемеровская область Нижегородская область</p>	<p>Республика Тыва Республика Алтай Томская область Калининградская область Ненецкий автономный округ Республика Ингушетия Нижегородская область Чеченская Республика Республика Коми Чувакская Республика Самарская область Красноярский край Республика Башкортостан Рязанская область Новосибирская область Свердловская область Сахалинская область Пермский край Белгородская область Ростовская область Челябинская область Амурская область Ленинградская область Карачаево-Черкесская Республика Республика Карелия Приморский край Астраханская область Магаданская область Ярославская область Вологодская область Воронежская область Владимирская область Орловская область Удмуртская Республика Ставропольский край Алтайский край Липецкая область Псковская область Костромская область Архангельская область Ивановская область Тамбовская область Оренбургская область Республика Бурятия Кабардино-Балкарская Республика Иркутская область Волгоградская область Пензенская область Калужская область Еврейская автономная область Омская область</p>	<p>Республика Тыва Республика Ингушетия Тамбовская область Самарская область Амурская область Воронежская область Иркутская область Астраханская область Костромская область Республика Саха (Якутия) Нижегородская область Владимирская область Новосибирская область Удмуртская Республика Белгородская область Карачаево-Черкесская Республика Кабардино-Балкарская Республика Ростовская область Республика Коми Магаданская область Челябинская область Волгоградская область Ивановская область Ставропольский край Оренбургская область Чувакская Республика Ленинградская область Красноярский край Приморский край Пермский край Псковская область Краснодарский край Вологодская область Курская область Омская область Алтайский край Сахалинская область Кемеровская область Республика Башкортостан Пензенская область Ярославская область Саратовская область Смоленская область Еврейская автономная область Новгородская область Республика Бурятия Республика Алтай Курганская область Липецкая область Чеченская Республика Хабаровский край Калужская область Республика Хакасия Тверская область</p>
---------	---	--	--

Ниже среднего	Республика Марий Эл Ивановская область Удмуртская Республика Тверская область Алтайский край Тамбовская область Забайкальский край Рязанская область Волгоградская область Оренбургская область Саратовская область Республика Хакасия Республика Бурятия Курская область Ульяновская область Костромская область Орловская область Смоленская область Республика Дагестан Республика Калмыкия Брянская область	Кировская область Краснодарский край Курская область Кемеровская область Смоленская область Хабаровский край Курганская область Саратовская область Новгородская область Республика Хакасия Республика Адыгея Республика Северная Осетия – Алания Республика Марий Эл Брянская область Республика Мордовия Тверская область Забайкальский край Ульяновская область Республика Калмыкия Республика Дагестан	Рязанская область Брянская область Республика Дагестан Орловская область Республика Мордовия Республика Марий Эл Ульяновская область Республика Адыгея Республика Северная Осетия – Алания Забайкальский край Республика Калмыкия
В 2015 году по причине отсутствия данных исключены Ненецкий АО, Астраханская, Амурская, Магаданская области, Карачаево-Черкесская Республика, Чукотский АО. Источник: рассчитано автором.			

субъектов в группах с уровнем выше среднего говорит о положительных тенденциях цифрового развития внутри страны (рис. 2).

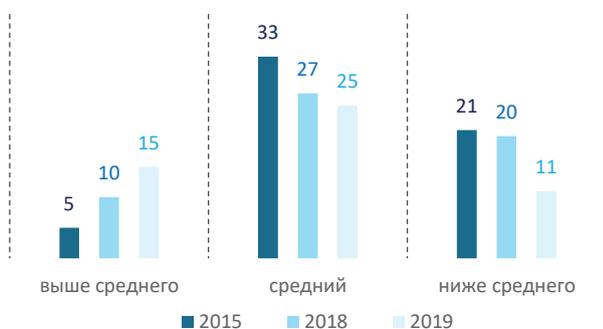

Рис. 2. Распределение регионов по уровням цифрового благополучия населения
 Источник: составлено автором.

Заключение

В ходе исследования отмечено, что происходящие в обществе изменения в контексте перехода к цифровой экономике требуют дальнейшей разработки подходов, методик и новых показателей, систематизации опыта.

Нами проанализированы комплексные международные и отечественные методики оценки цифровизации территорий и систем, определены черты эффективных методик

для соблюдения данного подхода в авторском инструментарии.

Разработана методика оценки цифрового благополучия населения российских регионов, которая соответствует требованиям, предъявляемым к индексным методикам, является воспроизводимой, представительной, данные для расчета информационно доступны. Авторы понимают, что для изучения цифрового благополучия важно кроме социальных преимуществ оценивать потенциальные риски, в частности риски субъект-средовых отношений, которые, в свою очередь, могут быть связаны с областью психологии, медицины, информационной безопасности, межличностной коммуникации и так далее. Однако для учета данных аспектов нужно их тщательное изучение и теоретико-методологическое обоснование, расширение эмпирической базы для возможных оценок.

Апробация методики показала дифференциацию регионов по трем уровням цифрового благополучия населения. Несмотря на улучшение ситуации, полученные результаты характеризуют наличие неравенств в цифровом развитии регионов с учетом отка-

за от экстремумов в расчетах. В связи с этим население российских регионов нуждается в инструментах, повышающих их цифровое благополучие, что позволит извлекать больше преимуществ от включенности в цифровую среду. Так, усилия необходимо направлять на расширение зоны покрытия качественным интернетом. Эта задача является стратегической для Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций. В 2021 году все населенные пункты с численностью населения от 250 до 500 человек были подключены к интернету. К 2030 году стоит задача обеспечения стабильного доступа в поселениях с численностью 100–250 человек. Вместе с тем останутся за рамками сельские населенные пункты, в которых проживает менее 100 человек (их насчитывается порядка 82 тыс.).

Людям, проживающим на периферии и по разным причинам не имеющим возможности использовать интернет в рабочих или домашних условиях, на помощь приходят социальные учреждения, например центры коллективного пользования цифровыми услугами и сервисами в сельской местности. Это компьютерные классы в сельских школах, компьютеризированные места в сельских библиотеках. Целью нацпроекта «Цифровая экономика» является увеличение к 2024 году доли социально значимых объектов инфраструктуры с возможностью подключения к широкополосному доступу к сети Интернет с 30,3 до 100%.

Важным компонентом цифрового благополучия населения выступает использование государственных и муниципальных услуг в онлайн формате. Важно повышать их доступность, мотивацию, доверие к ним населения. Нацпроект направлен и на эти вопросы, предполагаются комплексная цифровизация

и перевод в онлайн-формат большинства жизненных ситуаций россиян с быстрым решением (цель – человек тратит не более 3 часов личного времени в год на получение услуг).

Безусловно, важно повышать цифровую грамотность населения. На данный момент реализуются обучающие программы для дифференцированных социально-демографических групп. В большинстве случаев главный критерий участия – личная заинтересованность и мотивированность, при этом многие граждане выпадают из процесса. Вместе с тем знания и навыки, необходимые для комфортного существования в цифровой среде, постоянно изменяются и усложняются, что требует новых подходов к решению проблем цифровой грамотности, разработки комплексных программ для различных возрастов, включения их в систему образования на всех уровнях, трансформации образовательных практик для людей старшего возраста. Возможно создание интерактивных внеклассных форм работы силами государственных структур и представителей некоммерческого сектора.

Таким образом, в российском обществе преодоление цифрового неравенства является важной задачей не только технологического, но и социального и культурного характера. Предоставление всем гражданам равного доступа к интернету и ИКТ и получение социальных преимуществ от их использования на базовом уровне вне зависимости от места проживания, возраста, образования, уровня дохода можно рассматривать в настоящее время как важные инструменты построения нового информационного общества, достижения социального равновесия и цифрового благополучия.

ЛИТЕРАТУРА

- Аликаева М.В., Асланова Л.О., Гурфова Р.В., Уянаева М.Б. (2021). Оценка уровня развития цифровой экономики субъектов Северо-Кавказского федерального округа // Вестник Российского ун-та ко-операции. № 2 (44). С. 4–12.
- Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы (2016): монография. Москва: Весь мир. 360 с.
- Бакуменко Л.П., Минина Е.А. (2020). Международный индекс цифровой экономики и общества (I-DESI): тенденции развития цифровых технологий // Статистика и экономика. № 17 (2). С. 40–54. URL: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-40-54>
- Габдуллин Н.М., Киршин И.А. (2019). Структурирование многомерных данных в исследовании развития информационного общества в регионах России // Мир новой экономики. № 13 (4). С. 115–125. URL: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-115-125>
- Груздева М.А. (2020). Включенность населения в цифровое пространство: глобальные тренды и неравенство российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 13. № 5. С. 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5
- Землянова Л.М. (1995). Современная американская коммуникативистика. Москва: Изд-во Моск. ун-та. 271 с.
- Сафиуллин М.Р., Абдукаева А.А., Ельшин Л.А. (2019). Оценка и анализ цифровой трансформации региональных экономических систем Российской Федерации: методические подходы и их апробация // Вестник университета. № 12. С. 133–143.
- Сидоров А.А., Сенченко П.В., Тарасенко В.Ф. (2020). Подход к оценке территориальной дифференциации развития цифровой экономики // Вестник Томского гос. ун-та. № 51. С. 121–129.
- Советова Н.П. (2021). Цифровизация сельских территорий: от теории к практике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 14. № 2. С. 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7
- Степанова В.В., Уханова А.В., Григоришин А.В., Яхьяев Д.Б. (2019). Оценка цифровых экосистем регионов России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 12. № 2. С. 73–90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62
- Ткаченко Д.Н., Дык Лью Минь (2018). Методические подходы к оценке влияния инфокоммуникационных технологий на национальную экономику // Экономика и качество систем связи. № 2 (8).
- Усков В.С. (2021) Социально-экономическое развитие территорий Российской Федерации в условиях перехода к цифровой экономике // Стратегии бизнеса. № 3. С. 94–102. DOI: 10.17747/2311-7184-2021-3-94-102
- Усков В.С. (2022). Развитие информационного общества в РФ: проблемы и перспективы // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Т. 15. № 2. С. 120–137. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.8
- Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н. (2020). Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России // Проблемы развития территории. № 4 (108). С. 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1
- Bell D. (1960). *The End of Ideology*. New York: Free Press.
- Floridi L. (2014). *The fourth revolution*. Oxford: Oxford univ. press.
- Lowry A. (2020). Russia's digital economy program: An effective strategy for digital transformation? *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*, 53–75.
- Toffler A. (1980). *The Third Wave*. New York: Bantam Books.
- Webster F. (1997). *Theories of Information Society*. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Андреевна Груздева – кандидат экономических наук, заместитель заведующего отделом, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

Gruzdeva M.A.

DIGITAL WELL-BEING OF THE REGION'S POPULATION: APPROACHES TO ASSESSMENT

The impact of digitalization processes on modern society is hard to overestimate. They can be a source of tangible benefits, greatly simplifying life and improving its quality, and also carry serious risks. However, this product of human civilization and its natural evolution, regardless of reflection, will be part of our lives for a long time to come. In this regard, it is important to observe the impact of new technologies on society and the economy. The article attempts to address the concept of digital well-being of the population, which is considered from the perspective of socio-cultural development. The manuscript is devoted to the search of methodological foundations for evaluating its level for Russian regions. In order to develop the author's methodology, a search and analysis of complex methodologies satisfying the research request was carried out. Their strengths and weaknesses are identified, approaches to the selection and standardization of indicators and technologies for obtaining indices are considered in detail. As a result, an algorithm for constructing the author's index of digital well-being, which takes into account four main parameters: the Internet access, digital literacy, the integration of digital technology in everyday life and the work of social institutions (on the example of education and culture). The testing was conducted on the regions of Russia in 2015, 2018, and 2019. The results of the calculations show that Russian regions are significantly differentiated by the levels of digital well-being of the population residing in them, but there are also positive changes, consisting in the increase of the group of territories with an above-average level. Finally, conclusions and recommendations for reducing digital inequalities in order to improve people's well-being are made.

Digitalization, digital well-being, digital technology, Internet access, digital literacy of the population, methodology, regions of Russia.

REFERENCES

- Alikaeva M.V., Aslanova L.O., Gurfova R.V., Uyanaeva M.B. (2021). Analysis of the digital economy development level in the regions of the North Caucasus federal district. *Vestnik Rossiiskogo un-ta kooperatsii=Vestnik of the Russian University of the Cooperation University of Russia*, 2(44), 4–12 (in Russian).
- Bakumenko L.P., Minina E.A. (2020). International index of digital economy and society (I-DESI): Trends in the development of digital technologies. *Statistika i Ekonomika=Statistics and Economics*, 17(2), 40–54. Available at: <https://doi.org/10.21686/2500-3925-2020-2-40-54> (in Russian).
- Bell D. (1960). *The End of Ideology*. New York: Free Press.
- Floridi L. (2014). *The Fourth Revolution*. Oxford: Oxford univ. press.
- Gabdullin N.M., Kirshin I.A. (2019). Structuring multidimensional data in the study of the development of information society in Russian regions. *Mir novoi ekonomiki=The World of New Economy*, 13(4), 115–125. Available at: <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-115-125> (in Russian).

- Gruzdeva M.A. (2020). Inclusion of population in digital space: global trends and inequality of Russian regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), 90–104. DOI: 10.15838/esc.2020.5.71.5 (in Russian).
- Lapin N.I. (Ed.). (2016). *Atlas modernizatsii Rossii i ee regionov: sotsioekonomicheskie i sotsiokul'turnye tendentsii i problemy: monografiya* [Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-Economic and Socio-Cultural Trends and Problems: Monograph]. Moscow: Ves' mir.
- Lowry A. (2020). Russia's digital economy program: An effective strategy for digital transformation? *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies*, 53–75.
- Safullin M.R., Abdukaeva A.A., El'shin L.A. (2019). Assessment and analysis of digital transformation of regional economic systems of the Russian Federation: Methodological approaches and their approbation. *Vestnik universiteta*, 12, 133–143 (in Russian).
- Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N. (2020). Settlement aspect of digital inequality in modern Russia. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 4(108), 7–19. DOI: 10.15838/ptd.2020.4.108.1 (in Russian).
- Sidorov A.A., Senchenko P.V., Tarasenko V.F. (2020). Approach to assessing the territorial differentiation of the digital economy development. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta=Tomsk State University Journal*, 51, 121–129 (in Russian).
- Sovetova N.P. (2021). Rural territories' digitalization: From theory to practice. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 14(2), 105–124. DOI: 10.15838/esc.2021.2.74.7 (in Russian).
- Stepanova V.V., Ukhanova A.V., Grigorishchin A.V., Yakhyaev D.B. (2019). Evaluating digital ecosystems in Russia's regions. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 12(2), 73–90. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62 (in Russian).
- Tkachenko D.N., Luu Minh Duc (2018). Methodological approaches to assessing the impact of information and communication technologies on the national economy. *Ekonomika i kachestvo sistem svyazi*, 2(8) (in Russian).
- Toffler A. (1980). *The Third Wave*. New York: Bantam Books.
- Uskov V.S. (2021). Socio-economic development of the territories of the Russian Federation in the context of the transition to the digital economy. *Strategii biznesa=Business Strategies*, 3, 94–102. DOI: 10.17747/2311-7184-2021-3-94-102 (in Russian).
- Uskov V.S. (2022). Development of the information society in the Russian Federation: Problems and prospects. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 15(2), 120–137. DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.8 (in Russian).
- Webster F. (1997). *Theories of Information Society*. London: Routledge.
- Zemlyanova L.M. (1995). *Sovremennaya amerikanskaya kommunikativistika* [Modern American Communication Science]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mariya A. Gruzdeva – Candidate of Sciences (Economics), deputy head of department, Senior Researcher, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru)

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.9

УДК 334.025 | ББК 65.050

© Задумкин К.А., Щербакова А.А.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТНЫЙ ОФИС КАК ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ИННОВАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

КОНСТАНТИН АЛЕКСЕЕВИЧ ЗАДУМКИН

Вологодское городское отделение
Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области
Вологда, Российская Федерация
e-mail: zk00@mail.ru
ORCID: [0000-0001-5313-0835](https://orcid.org/0000-0001-5313-0835)

АННА АЛЕКСАНДРОВНА ЩЕРБАКОВА

Вологодский государственный университет
Вологда, Российская Федерация
e-mail: annascherbakova@mail.ru
ORCID: [0000-0002-3733-1909](https://orcid.org/0000-0002-3733-1909)

В статье представлены результаты исследования эволюции и современной практики проектного управления в органах государственной власти и управления. Обобщена система взглядов на региональный проектный офис как организационную инновацию государственного управления. Региональные проектные офисы можно отнести к организационным инновациям в государственном секторе, так как они обладают элементами новизны и изменяют функции и способы функционирования государственных органов власти и управления. В статье представлены отечественные и зарубежные научные подходы и практический опыт организации проектной деятельности в госсекторе, в частности создания и развития проектных офисов. На основе контекстного анализа нормативно-правовых документов, регламентирующих проектную деятельность субъектов РФ Северо-Западного федерального округа, отчетов, рейтингов и открытых данных в сети Интернет исследована работа региональных проектных офисов. В результате были обоснованы проблемы, которые требуют научно обоснованных решений – методологическая, организационная, информационная, низкого уровня применения соучаствующей

Для цитирования: Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2023). Региональный проектный офис как организационная инновация государственного управления // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 145–162. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.9

For citation: Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. (2023). Regional project office as an organizational innovation of public administration. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 145–162. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.9

щего проектирования. Главная проблема эффективной работы региональных проектных офисов заключается в смешении проектной и текущей деятельности. Это проявляется и в части организации, т. к. проектные офисы на уровне субъекта РФ по сути – временные рабочие группы. На региональном уровне осуществляются функции, связанные с реализацией проекта, но согласно методологии это уже функции не проектного офиса, а операционная деятельность исполнительных органов власти. Проектные офисы могут ускорить социально-экономическое развитие субъектов РФ при изменении их структурной и функциональной организации.

Региональный проектный офис, проектное управление, проект, организационная инновация.

Введение в проблематику

Проектное управление, перестав считаться новой парадигмой, стало неотъемлемым элементом современной государственной системы управления. Широкое обсуждение темы проектного управления в органах государственной власти и управления началось в конце 2016 года, когда при Президенте РФ был создан Совет по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Внедрение проектного управления в госсекторе, по мнению И.В. Винокурова¹, – это «фактически попытка смещения фокуса деятельности органов власти с исполнения поручений на достижение результатов».

Проектный метод управления достаточно близок к программно-целевому методу и может быть отнесен к группе методов целевого управления. Происходящая сегодня модификация программно-целевого метода в части использования сильных сторон проектного метода призвана повысить качество целеполагания и эффективность государственного управления территориями. Программно-целевой метод подходит для решения масштабных общественных социально-экономических целей и задач в силу того, что имеет низкий уровень адаптации к изменениям, не учитывает функции множества участников процесса достижения целей, характеризуется относительно низким уровнем экономической эффективности применения. В дополнение к нему проектное управление исключает указанные недостатки, оно наиболее применимо на более низких иерархических уровнях управления – региональном и муници-

пальном. В авторском понимании в государственном управлении важным является применение обоих указанных методов на разных уровнях управления и для решения различных задач с целью получения синергетических эффектов, однако их использование должно быть жестко разграничено по ряду факторов, чтобы избежать дублирования.

Внедрение проектного подхода в современную практику отечественного государственного управления является сложной комплексной задачей. Это обусловлено изменениями существующих управленческих процессов, повышением значимости гражданского общества и предпринимательского сообщества в развитии территорий, активизацией информационного обмена посредством информационно-коммуникационных технологий и других аспектов. Процесс внедрения проектного подхода в деятельность органов государственной власти и управления идет сегодня достаточно сложно, регионы значительно различаются по его методологии, результатам. Обозначились лидеры среди субъектов РФ, которые выходят за рамки, устанавливаемые методическими документами, и активно внедряют новые подходы, в том числе научно-обоснованные, например Белгородская область. Однако часто внедрение проектного управления сопровождается формализмом, смешением проектного подхода с операционной деятельностью, низкой мотивацией госслужащих.

В связи с этим в статье поставлена цель – исследовать деятельность регионального проектного офиса как организационной инно-

¹ Начальник управления проектного менеджмента в государственном секторе Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации.

вации государственного управления в развитии проектного управления на примере субъектов РФ Северо-Западного федерального округа и вывить ряд общих научных и практических проблем проектной деятельности в госсекторе. Для достижения этой цели авторами последовательно решаются следующие задачи:

- раскрыть сущность проектного офиса как организационной инновации государственного управления;

- исследовать опыт проектного управления в государственном секторе в России и за рубежом;

- исследовать практику внедрения и работы региональных проектных офисов субъектов РФ Северо-Западного федерального округа, в том числе на основе контекстного анализа нормативно-правовой базы;

- выявить проблемы проектной деятельности в госсекторе России, в том числе в работе региональных проектных офисов.

Научная новизна исследования заключается в обобщении системы взглядов на региональный проектный офис как организационную инновацию государственного управления, а также обосновании проблем как в работе проектных офисов на региональном уровне, так и проектной деятельности в госсекторе в целом, требующих совершенствования научных подходов для их решения.

Теоретическо-методологическая база

В связи с тем что региональные проектные офисы сформировались в России недавно и информация об их работе предоставляется не унифицировано, научным сообществом еще не изучена сущность этой организационной инновации государственного управления. В основном эксперты ссылаются на нормативно-правовую базу обеспечения проектной деятельности в Российской Федерации, которая представлена следующими документами:

1) Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 года

№ 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации»;

2) Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»;

3) Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

В каждом субъекте РФ имеется также региональная нормативно-правовая база в области проектной деятельности.

Методическая документация по проектному управлению представлена следующими документами:

- ГОСТ Р 54869-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом»;

- ГОСТ Р 54870-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов»;

- ГОСТ Р 54871-2011 «Проектный менеджмент. Требования к управлению программой»;

- ГОСТ Р ИСО 21500-2014 «Руководство по проектному менеджменту»;

- Разъяснения по подготовке органами исполнительной власти субъектов РФ региональных составляющих национальных проектов из письма Аппарата Правительства РФ от 26 июля 2018 года № 5803п-П6;

- Методические рекомендации по подготовке региональных проектов из письма Аппарата Правительства РФ от 30 ноября 2018 года № 9861п-П6.

Нами в статье применен метод контекстного анализа нормативно-правовой базы проектного управления в государственном секторе, в частности деятельности проектных офисов регионального уровня.

Теоретическую и методологическую основу исследования составляют работы зарубежных и отечественных авторов в области теории менеджмента, стратегического управления, проектного управления в госсекторе.

Проектный офис как организационная инновация государственного управления

Научные исследования инноваций в государственном секторе проводились учеными по двум направлениям (Bloch, Bugge, 2013; Oroyemi, 2016). Сторонники первого подхода считают, что методология внедрения инновационной деятельности в частном секторе применима и для государственного. Другая группа исследователей полагает, что модель инноваций частного сектора не может быть перенесена на государственный сектор. Авторы придерживаются точки зрения о том, что модели инноваций в частном и государственном секторах имеют как общие черты, так и свои особенности, поэтому перенесение методологических подходов невозможно без соответствующих адаптационных доработок.

Одним из первых, кто обратил внимание на применение инноваций в государственном секторе, стал Дж.Д. Росснер (Roessner, 1977), который сравнил различия в организационных инновациях между частным и государственным секторами. В более поздних исследованиях он уже не возвращался к этому научному вопросу, все более ориентируясь на частный сектор, как и большинство других исследователей. В конце XX века научные тренды в области менеджмента были сфокусированы на внедрении нового государственного менеджмента (New Public Management (NPM)) (Красильников, Троицкая, 2011; Windrum, 2008), который предусматривал моделирование рыночных процессов внутри государственного сектора и заимствования государственными структурами технологий управления, разработанных для частного сектора.

Так, проведенное Н.И. Богданом (Богдан, 2015) исследование показало, что инновации в государственном секторе можно рассматривать как феномен привнесения новизны и изменения функций и/или способов функционирования государственных орга-

нов власти и управления. Единого взгляда ученых на трактовку понятия инновации в государственном секторе не выявлено, поэтому представим несколько подходов.

К. Бейсон² считает, что «инновации в государственном секторе – процесс создания новых идей и превращение их в значимые для общества» (Bason, 2010). В контексте этого исследования мнение ученого интересно тем, что он поддерживает внедрение проектного подхода в государственном секторе. Он считает, что государственные учреждения могут использовать совместное творчество для преодоления барьеров и создания большей ценности с меньшими затратами для граждан и бизнеса.

Интересно и мнение М. МакГанна (McGann, 2018) о том, что расширяющиеся в настоящее время инновационные лаборатории государственного сектора преимущественно используют подходы и методы проектирования услуг. Они изучают проблемы, а также выявляют и апробируют различные инновационные решения для государственных услуг, привлекая разных участников, включая частные организации и граждан.

В 2014 году начал внедряться в практику крупный проект OPSI³. В нем оперируют следующим понятием инноваций в государственном секторе: «выполнение государственным органом новых или существенно улучшенных операций или создание новых или существенно улучшенных продуктов», то есть учитывают и содержание продуктов и услуг, и инструменты, применяемые для их предоставления. Внедрение инноваций направлено не только на повышение качества предоставляемых государственных услуг, но и на увеличение доверия населения к органам государственной власти и управления (Белокрылов, 2012).

Классификация инноваций в государственном секторе из отчета Европейской комиссии представлена на рис. В государственном секторе в отличие от частного дополнительно выделяют концептуальные, политические и системные инновации.

² Руководитель Инновационной лаборатории (Innovation of MindLab) Датского агентства по инновациям в государственном секторе (Denmark's public sector innovation agency).

³ Обсерватория инноваций в государственном секторе, ОЭСР. URL: <https://oecd-opsi.org>

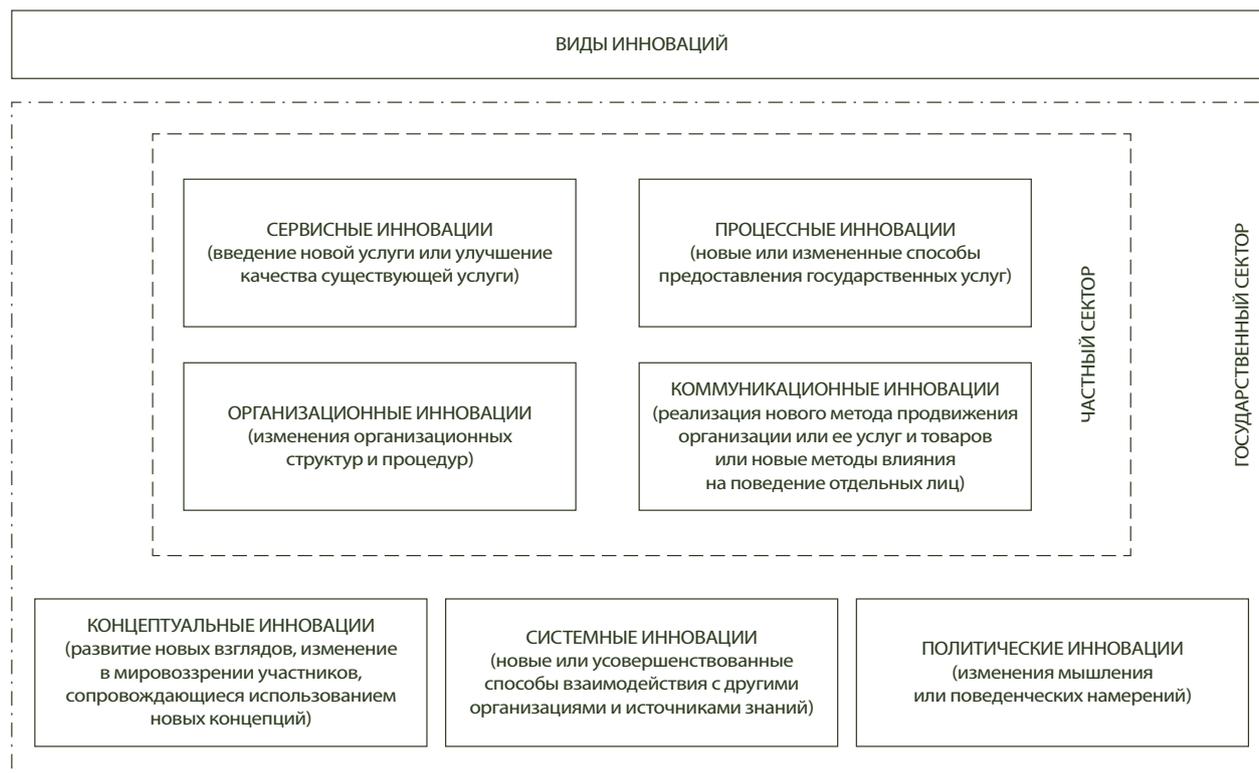

Рис. Классификация инноваций Европейской комиссии

Источник: Hollanders H., Arundel A., Peter V., Buligescu B. (2013).

European Public Sector Innovation Scoreboard 2013. Brussels: European Commission.

URL: https://www.researchgate.net/publication/279507400_European_Public_Sector_Innovation_2013

В исследованиях MEPIN, NESTA и IB⁴ процессные и организационные инновации для частного и государственного сектора являются одинаковыми, но продуктовые инновации заменяются сервисными, а маркетинговые – коммуникационными.

Инновации в государственном секторе могут быть рассмотрены по направлению действия (Богдан, 2015):

- инновации «сверху – вниз» или «снизу – вверх» (разделяют с учетом иерархического положения инициатора инновационных изменений);

- инновации для удовлетворения потребностей и инновации для повышения эффективности (разделяют в зависимости на-

правленности инноваций – или на решение проблемы, или на совершенствование механизмов и инструментов удовлетворения потребностей).

Следует отметить такие инновационные формы проектной деятельности в государственном секторе, как государственно-частное партнерство и соучаствующее проектирование⁵ (Шулепов и др., 2020).

Таким образом, региональные проектные офисы можно отнести к организационным инновациям в государственном секторе, так как они обладают элементами новизны и изменяют функции и/или способы функционирования государственных органов власти и управления.

⁴ Arundel A., Hollanders H. (2011). A taxonomy of innovation: How do public sector agencies innovate? Results of the 2010 European Innobarometer survey of public agencies. URL: https://www.researchgate.net/publication/279639116_A_taxonomy_of_innovation_How_do_public_sector_agencies_innovate_Results_of_the_2010_European_Innobarometer_survey_of_public_agencies

⁵ Соучаствующее проектирование – создание и реализация проекта с вовлечением всех стейкхолдеров (заинтересованных сторон) для выявления истинных проблем и потребностей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности деятельности.

Опыт проектного управления в государственном секторе

На сегодняшний день накоплен существенный мировой опыт по внедрению и развитию системы проектного управления в государственном секторе (Притула и др., 2017). Причем во многих странах бизнес и государство активно сотрудничают в сфере проектного управления, реализуя совместные проекты (Мирошниченко, Шпиро, 2019).

Исследование накопленного научного материала и практического опыта по этому вопросу является актуальным, однако при анализе литературных источников было выявлено смешение понятий «проектное управление» и «управление проектами». Это подтверждают Е.О. Кравец и Н.Н. Вертиль (Кравец, Вертиль, 2021), которыми отмечено отсутствие единого подхода к определению этих понятий, что обуславливает их частую подмену в практической деятельности. Это влияет на результативность и эффективность реализации управленческого процесса. Мы структурировали и выполнили анализ этих понятий, в результате определили их следующим образом (по наиболее распространенным трактовкам научного сообщества).

1. Понятие «управление проектами» концентрирует внимание на методологии управления проектом при его реализации. В качестве цели большинство авторов (М.М. Цогоев, И.И. Мазур, В. Шапиро и др.) определяют достижение конкретных результатов на основе использования ресурсов.

2. Понятие «проектное управление» позволяет отметить, что в качестве объекта выступает управленческая деятельность (М.Л. Разу, Т.В. Юрьева, И.И. Мазур и др.), базирующаяся на конкретных технологиях ее реализации.

Таким образом, в статье под «проектным управлением» будем понимать особый вид управленческой деятельности, базирующийся на проектном подходе и соучастующем проектировании для достижения уникальных результатов вне рамок текущей (операционной) деятельности. Управление проектами будем рассматривать как управ-

ленческую деятельность по достижению целей, поставленных в проектах.

Авторская позиция близка взглядам С.Л. Постникова⁶ (Постников и др., 2019), который достаточно четко формулирует основные аксиомы проектного управления в государственном секторе:

- внедрение проектного управления должно осуществляться только при непосредственной поддержке высшего должностного лица;
- проект не должен дублировать операционную деятельность той или иной государственной организационной структуры;
- система проектного управления должна сводить к минимуму конфликты интересов;
- проектное управление должно быть обеспечено контролем в режиме реального времени в условиях ограниченных расходов, сроков и качества работ;
- на каждом иерархическом уровне проектное управление должно быть обеспечено планированием и мониторингом.

С.Л. Постников (Постников и др., 2019), видя на практике разногласия в понимании дефиниции «проект», дает следующее его определение:

- а) комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений;
- б) совокупность нормативно установленных действий в рамках ограниченного бюджета в срок с надлежащим качеством;
- в) временное предприятие, направленное на создание уникального продукта, услуги, результата;
- г) продукт декомпозиции программы, а сама программа является кумулятивным результатом исполнения этих проектов. То есть реализация проектов нижнего уровня должна давать системный эффект на более высоком уровне. Если система работает простым сложением, то это не проект, а операционная деятельность, то есть плановая работа в рамках программы.

Если обратиться к истории, то проектное управление существовало всегда. Оно при-

⁶ Заместитель начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации.

нимало различные формы, требовало различных институтов развития. Зачатки первого проектного офиса были сформированы впервые в СССР 1930-х гг., когда в период первой, второй пятилеток был применен вариант создания специальных организационно-штатных структур, обладающих ресурсами для создания каких-то объектов длительного жизненного цикла большой стоимости в короткие промежутки времени. Позже при организации проектного управления на основе этого опыта Р. Макнамара в США первым внедрил на государственном уровне организационно-структурные единицы, то есть государственные служащие оставались на своих должностях, но были объединены в рамках структурной единицы программного офиса. Структура программных офисов зависела от двух параметров – стоимости проекта и длительности жизненного цикла проекта, она могла меняться в течение разработки и реализации проекта.

Для обобщения и распространения лучших практик управления проектами, разработки международных и национальных стандартов, обмена опытом, проведения форумов и конференций была создана и в настоящее время активно функционирует Международная ассоциация управления проектами (IPMA)⁷ (Чаркина, 2017). На основании выработанных методических рекомендаций в Великобритании в 2011 году был образован проектный офис – Управление крупных проектов (Major Projects Authority, MPA), полномочиями которого являлись организация и поддержка управленческих процессов, содействие реализации проектов, организация их независимой оценки, формирование и развитие компетенции управления проектами и программами. В 2016 году сформировано Управление инфраструктуры и крупных проектов Великобритании (Infrastructure and Projects Authority, IPA) – подразделение Правительства Великобритании, представляющее собой проектный офис, который осуществляет поддержку проектов. IPA было образовано в результате слияния

инфраструктуры Великобритании (IUK) и Управления крупных проектов (MPA).

В США, Японии и многих других странах были созданы аналогичные структуры, действующие на основании национальных стандартов для управления проектами в государственном секторе (в Великобритании – PRINCE2 (PROjects IN CONTROLLED ENVIRONMENTs), США – PMI PMBOK Government Extension). Кроме перечисленных, следует отметить наличие широко используемого в настоящее время свода знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK, разработчик – Институт управления проектами (PMI)), который фактически может считаться методической основой по теории и практике проектного управления, поскольку в нем определены место, роль, структура методов и средств по управлению проектами. Проектно-целевая модель получила наибольшее распространение в англосаксонских странах, Скандинавии и частично в странах Юго-Восточной Азии. В качестве лучшей практики по внедрению проектного управления в государственный сектор стоит выделить опыт Великобритании, Малайзии, Японии, США, Норвегии, Франции, Сингапура и Канады (Придыба, 2018).

Началом внедрения проектного подхода в российскую систему государственного управления считают принятие Постановления Правительства РФ от 15 октября 2016 года № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». Было утверждено 29 приоритетных проектов и программ, в которых принимали участие 20 федеральных органов власти и три института развития.

Сегодня проектная деятельность в государственном секторе РФ регламентируется Постановлением Правительства РФ от 31 января 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации», в котором представлены «Положение об организации проектной деятельности в Правительстве РФ» и функциональная структура системы управления проектной деятельностью в Правительстве РФ.

⁷ Официальный сайт организации IPMA. URL: <https://www.ipma.world>

Данное постановление уточняет подходы к организации проектной деятельности, объекты и субъекты управления, устанавливает последовательность действий, функции, полномочия и ответственность участников проектной деятельности в ходе инициирования, подготовки, реализации, мониторинга и завершения проектов. Так, в соответствии с актуальной нормативной правовой базой в системе органов исполнительной власти выстроена модель системы управления проектами (Добрина, 2019).

Были внедрены Методические рекомендации по организации проектной деятельности в федеральных органах исполнительной власти (от 12 марта 2018 года № 1937п-П6). Этот документ содержит описание процессов и инструментов, подходов, принципов и порядка внедрения проектного управления. В нем приводятся перечень базовых терминов, типовые шаблоны нормативных методических документов для их внедрения в органах исполнительной власти. Представлены структура отчета по проекту, Типовое положение по управлению проектами, в котором определены принципы и порядок управления приоритетными и внутренними проектами. Разработана система управления мотивацией участников проектов. Предложена концепция организационной поддержки проектной деятельности путем создания проектных ролей, специализированных структурных подразделений и коллегиальных органов в рамках организационной структуры органа исполнительной власти. Обозначены такие структурные подразделения поддержки проектной деятельности, как Проектный комитет, Проектный офис, функциональные проектные офисы, проектные офисы на уровне отдельных проектов. В Методических указаниях представлены Типовые положения о Проектном комитете и Проектном офисе, понятийная база проектного управления для обеспечения единообразия подходов в рамках проектного управления во всех органах исполнительной власти (Кожевников, 2016).

Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и страте-

гических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» определены 12 направлений стратегического развития, структурно реализованных в национальных проектах, нацеленных на создание условий для научно-технологического и социально-экономического развития страны на разных иерархических уровнях управления.

Национальные проекты Российской Федерации направлены на решение стратегических задач: а) развитие человеческого капитала; б) создание комфортной среды для жизни, в) обеспечение экономического роста. Бюджет национальных проектов до 2024 года определен в размере 19,4 трлн руб. В рамках национальных проектов реализуется 67 федеральных проектов. Также в качестве национального проекта принят Комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры (Распоряжение Правительства РФ от 30 сентября 2018 года № 2101-р), включающий 11 федеральных инфраструктурных проектов. На реализацию Комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры выделено 6,3 трлн руб. Информация по реализации национальных проектов отражена на портале «Будущее России. Национальные проекты». Реализацию федеральных проектов осуществляют 14 федеральных министерств. Организационная структура управления проектной деятельностью в Российской Федерации выглядит следующим образом: министры – руководители проектов, заместители министров – администраторы проектов, заместители председателя Правительства РФ – кураторы.

Помимо федерального уровня реализация проектного управления сегодня является одним из нововведений в организации работы в органах исполнительной власти регионов России. На уровне субъектов РФ реализуются региональные проекты, встраиваемые в систему национальных и федеральных проектов. Региональные проекты должны обеспечивать достижение целей, показателей и результатов федерального проекта, мероприятия кото-

рого относятся к законодательно установленным полномочиям субъекта РФ, а также к вопросам местного значения муниципальных образований, расположенных на территории указанного субъекта РФ (Дербина, 2014).

Каждый субъект РФ определяет собственную институциональную модель проектного управления, причем некоторые из них опережают федеральный центр и значительную часть российских регионов, накопив значительный опыт и доказав эффективность применения проектного управления в публичном секторе (Мироненко и др., 2017). К числу таких регионов относятся Белгородская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Ленинградская область, являющиеся лидерами пилотной группы оценки индекса проектной деятельности в 2018 году (Дербина, 2014).

В 2022 году в рамках «проектной гильотины» Правительством РФ, ведомственными и региональными проектными офисами субъектов РФ проведена работа по оптимизации документов проектной деятельности. В результате общий объем документов, регулирующих проектную деятельность, был уменьшен на 80%; утверждена единая методика⁸ по реализации проектов, которая содержит исчерпывающий и актуальный перечень требований, указаний, рекомендаций и шаблонов документов, необходимых для реализации проектов. Эти изменения позволяют сократить трудозатраты участников проектной деятельности и сроки принятия решений при внесении изменений в проект в среднем на 46%.

Региональные проектные офисы: практические аспекты

Согласно Постановлению Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» проектный офис субъекта Российской Федерации (региональный проектный офис) формируется в виде отдель-

ного структурного подразделения в государственном органе, образованном в целях обеспечения деятельности высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта РФ, или органе исполнительной власти субъекта РФ, обладающем необходимыми полномочиями в части организации проектной деятельности и межведомственного взаимодействия. При необходимости для решения задач регионального проектного офиса может привлекаться подведомственная организация (Мещеряков, 2019).

В аналитической части научной работы объектом исследования выступили региональные проектные офисы 11 субъектов РФ Северо-Западного федерального округа. Предметом исследования являются теоретические, организационно-правовые и методические аспекты проектного управления в госсекторе.

В *табл. 1* представлены результаты анализа документов, регламентирующих деятельность регионального проектного офиса каждого субъекта РФ СЗФО, на Портале «Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс»⁹.

Во всех регионах, кроме Вологодской области, деятельность региональных проектных офисов регламентирована в общем документе об организации проектной деятельности. Количество принятых документов не может свидетельствовать об уровне проектной деятельности в органах государственной власти и управления того или иного субъекта РФ. Следует отметить, что нормативно-правовая база в сфере проектного управления на региональном уровне должна быть простой для понимания (в том числе и по количеству документов), но охватывающей весь необходимый круг вопросов.

В *табл. 2* представлены характеристики организационных структур региональных проектных офисов субъектов РФ СЗФО.

⁸ Письмо Аппарата Правительства Российской Федерации от 1 июля 2022 г. № П6-53625.

⁹ URL: <https://docs.cntd.ru>

Таблица 1. Результаты анализа документов, регламентирующих деятельность региональных проектных офисов

Субъект Федерации	Документ, регламентирующий деятельность регионального проектного офиса	Количество документов по запросу «проектный офис», ед.
Архангельская область	Положение о системе управления проектной деятельностью исполнительных органов государственной власти Архангельской области утверждено указом Губернатора Архангельской области от 19.07.2016 № 80-у (в ред. указа Губернатора Архангельской области от 28.10.2021 № 138-у)	1
Вологодская область	Положение о региональном проектном офисе утверждено Постановлением Губернатора области от 28.02.2017 № 41 (в ред. постановлений Губернатора Вологодской области от 13.06.2019 № 117, от 29.11.2019 № 242, от 29.04.2020 № 114, от 16.12.2021 № 242, от 12.05.2022 № 91)	18
Калининградская область	Положение об организации проектной деятельности в Правительстве Калининградской области утверждено Постановлением Правительства Калининградской области от 21.06.2017 № 315 (в ред. постановлений Правительства Калининградской области от 15.05.2019 № 338, от 13.01.2021 № 1, от 29.12.2021 № 865)	1
Республика Карелия	Положение об организации проектного управления в органах исполнительной власти Республики Карелия утверждено постановлением Правительства Республики Карелия от 15.02.2017 № 64-П (в ред. постановлений Правительства Республики Карелия от 03.07.2018 № 247-П, от 14.12.2018 № 463-П, от 24.01.2020 № 13-П, от 31.03.2020 № 115-П)	5
Республика Коми	Положение об организации проектной деятельности в правительстве республики Коми и органах исполнительной власти Республики Коми утверждено Постановлением Правительства Республики Коми от 16.01.2021 № 200	41
Ленинградская область	Положение об организации проектной деятельности в органах исполнительной власти Ленинградской области утверждено постановлением Правительства Ленинградской области от 16.05.2017 № 164 (в ред. постановлений Правительства Ленинградской области от 22.04.2019 № 151, от 30.11.2021 № 766, от 16.05.2022 № 322.)	6
Мурманская область	Положение об организации проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Мурманской области утверждено постановлением Правительства Мурманской области от 28.04.2017 № 228-ПП/4 (в ред. постановлений Правительства Мурманской области от 04.07.2017 № 338-ПП, от 07.02.2018 № 47-ПП, от 22.05.2018 № 233-ПП/5, от 27.11.2018 № 552-ПП, от 04.02.2019 № 28-ПП, от 06.03.2019 № 102-ПП, от 17.05.2019 № 230-ПП, от 30.07.2021 № 533-ПП)	10
Ненецкий автономный округ	Положение об организации проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Ненецкого автономного округа утверждено постановлением Администрации Ненецкого автономного округа от 16.06.2020 № 168-п	4
Новгородская область	Положение об организации проектной деятельности в правительстве Новгородской области и органах исполнительной власти Новгородской области утверждено постановлением Правительства Новгородской области от 12.10.2017 № 347 (в ред. Постановления Правительства Новгородской области от 21.02.2022 № 82)	3
Псковская область	Положение об организации проектной деятельности в Администрации области и органах исполнительной власти области утверждено постановлением Администрации области от 15.06.2020 № 205	4
Санкт-Петербург	Положение об организации проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга утверждено постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 02.09.2019 № 591 (в ред. постановлений Правительства Санкт-Петербурга от 20.11.2019 № 808; от 28.03.2022 № 249)	5
Составлено по: данные Портала «Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс».		

Таблица 2. Характеристики организационных структур региональных проектных офисов субъектов РФ СЗФО

Субъект Федерации	Функциональная организация регионального проектного офиса согласно формулировкам из нормативно-правовых документов	Численность сотрудников, чел.
Архангельская область	Проектный офис Архангельской области формируется в виде структурного подразделения в администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области или в исполнительном органе, обладающем необходимыми полномочиями в части организации проектной деятельности и межведомственного взаимодействия. Функции проектного офиса выполняет департамент проектной деятельности администрации Губернатора Архангельской области и Правительства Архангельской области	16*
Вологодская область	Региональный проектный офис является постоянным органом организации проектной деятельности в Правительстве области и органах исполнительной государственной власти области. Функции регионального проектного офиса возложены на областной департамент стратегического планирования	31*
Калининградская область	Министерство экономического развития, промышленности и торговли Калининградской области является органом исполнительной власти Калининградской области, осуществляющим функции регионального проектного офиса	8
Республика Карелия	Руководителем регионального проектного офиса является Первый заместитель Главы Республики Карелия – премьер-министр Правительства Республики Карелия. В состав регионального проектного офиса входит руководитель, заместитель руководителя и члены регионального проектного офиса	13
Республика Коми	Региональный проектный офис – координационно-контрольный орган в сфере управления проектной деятельностью, который формируется в органе исполнительной власти Республики Коми, ответственном за организацию проектной деятельности в органах исполнительной власти Республики Коми, за межведомственное взаимодействие и общую координацию деятельности органов исполнительной власти Республики Коми при реализации проектов (программ проектов) в Республике Коми	17
Ленинградская область	Центральный проектный офис – структурное подразделение Комитета экономического развития и инвестиционной деятельности Ленинградской области	5
Мурманская область	Проектный офис Мурманской области – координационный орган, формируемый в структуре исполнительного органа государственной власти Мурманской области, ответственного за координацию проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Мурманской области, обеспечивающий поддержку внедрения и развития проектной деятельности в исполнительных органах государственной власти Мурманской области (проектный офис в составе Министерства экономического развития Мурманской области).	8
Ненецкий автономный округ	Функции регионального проектного офиса Ненецкого автономного округа осуществляет уполномоченное структурное подразделение Департамента финансов и экономики Ненецкого автономного округа	н. д.
Новгородская область	Функции регионального проектного офиса Новгородской области осуществляет департамент проектного управления министерства инвестиционной политики Новгородской области	14*
Псковская область	Региональный проектный офис – подразделение Аппарата Администрации области, обеспечивающее организацию и координацию проектной деятельности в Администрации области и органах исполнительной власти области	8
Санкт-Петербург	Региональный проектный офис формируется и осуществляет свою деятельность в соответствии с Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 октября 2018 года № 1288 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» (проектный офис Администрации Губернатора Санкт-Петербурга)	н. д. (не менее 3)
* Нет данных по численности сотрудников проектного офиса, представлена численность структурного подразделения, на которое возложены функции регионального проектного офиса. Составлено по: данные сети Интернет.		

При исследовании организационных структур региональных проектных офисов в субъектах РФ СЗФО на основе открытых данных было определено, что ни в одном регионе не удалось четко определить структурную организацию проектного офиса, в большей части функции возложены на существующие органы исполнительной власти, в отдельных регионах сформированы специальные структурные подразделения. По численности сотрудников проектных офисов информация не структурирована и по большей части явно не представлена.

В табл. 3 отражены результаты исследования открытых данных о проектной деятельности в органах государственной власти и управления региона для информирования стейкхолдеров.

Исследование интернет-источников показало, что данных по региональным проектным офисам практически не представлено. У отдельных регионов имеются достаточно информативные сайты с анализом хода реализации проектов. Наиболее интересным для представления информации является сайт «Интерактивная карта Новгородской области». Все субъекты РФ СЗФО реализуют национальные и региональные проекты, однако только в двух регионах – Вологодской области и городе Санкт-Петербурге – имеются проекты, направленные на стратегическое развитие самих территорий, а не только комплексную работу по национальным проектам, которая очень близка к операционной деятельности.

Таблица 3. Результаты исследования открытых данных о проектной деятельности в органах государственной власти и управления

Субъект Федерации	Количество проектов (данные на 2021 год), ед.		Информирование населения (по первым пяти найденным результатам в поисковом запросе)
	региональных	национальных	
Архангельская область	47	12	Страницы на сайте с информацией по каждому региональному проекту
Вологодская область	48 (+25 стратегических)	11	Реестр региональных проектов, страницы на сайте с информацией по каждому региональному проекту
Калининградская область	48	12	Информация представлена на отдельном сайте «Региональные проекты Калининградской области» (есть карта объектов)
Республика Карелия	35	12	Электронные таблицы с распределением бюджетных средств, информация по проектам разрознена по разным сайтам
Республика Коми	40	10	Сайт «Проектное управление в Республике Коми», презентация «Реализация национальных проектов в Республике Коми 2019–2024 гг.», результаты мониторинга реализации региональных проектов в 2021 году, осуществляемого Контрольно-счетной палатой Республики Коми
Ленинградская область	46	11	Презентация «Региональные проекты Ленинградской области 2019–2024 гг.», страницы на сайте в разрезе муниципальных образований
Мурманская область	45	10	Реестр проектов Мурманской области
Ненецкий автономный округ	55	11	Страницы на сайте с информацией по каждому региональному проекту
Новгородская область	33	11	Сайт «Интерактивная карта Новгородской области» содержит описание и реализацию проектов
Псковская область	32	11	Мониторинг реализации национальных (региональных) проектов в Псковской области за 2021 год, осуществляемого Счетной палатой Псковской области
Санкт-Петербург	43	11	Страницы на сайте с информацией по каждому региональному проекту

Составлено по: данные сети Интернет.

Результаты и дискуссия

Исследование работы региональных проектных офисов субъектов РФ Северо-Западного федерального округа как организационной инновации государственного управления позволило выявить проблемы, которые требуют научно обоснованных решений.

1. Методологическая проблема. Проектный подход в настоящее время сегодня только внедряется в практику органов государственной власти и управления в России, поэтому на разных уровнях управления методологические подходы не унифицированы, причем часто практическая реализация проектной деятельности идет вразрез с уже разработанными научными подходами. Это выражается, во-первых, в смешивании проектной и операционной деятельности, когда существующие полномочия и функции формально называются проектной деятельностью, что в перспективе приведет к замедлению темпов развития или к стагнации. Во-вторых, на региональном уровне управления в различных субъектах РФ принято разное количество нормативно-правовых документов. При этом малое количество документов говорит о формальном подходе к проектной деятельности, а большое количество затрудняет работу по проектам, так как необходимо проводить сверки на соответствие этим документам.

Как указывает С.Л. Постников: «С точки зрения управленческой практики международных стандартов российского сообщества профессионального управления национальные проекты – это не проекты, это большие серьезные программы или даже портфели проектов. Руководитель национального проекта должен понимать, что в рамках своей управленческой деятельности нельзя взять пусть американский или российский, любой другой стандарт по управлению проектом и начать так делать. Невозможно. Настолько масштабные и серьезные задачи в национальных проектах, что там должны работать другие инструменты – инструменты программного

управления, портфельного управления» (Постников и др., 2019).

Если посмотреть на задачи, которые ставятся перед проектными офисами в нормативно-правовых документах, то можно сделать вывод, что они пока полноценно работают только на федеральном уровне управления, так как именно их деятельность связана с инициацией, обоснованием и разработкой паспорта проекта. На региональном уровне осуществляются функции, связанные с реализацией проекта, но согласно методологии это уже функции не проектного офиса, а по сути операционная деятельность исполнительных органов власти.

Также согласно методологическим положениям проектный офис работает с уникальными проектами, однако на практике часто на региональном уровне это условие не выполняется, так как в основном идет работа исполнительных органов власти по региональным проектам, которые составляют базу национальных проектов. Проектное управление внедряется при необходимости решения сложной, нетривиальной задачи, а текущая деятельность в рамках программ, которыми по своей сути являются национальные проекты – это не проектное управление.

2. Организационная проблема. Региональные проектные офисы часто созданы как структурные подразделения исполнительных органов власти. При этом закрепляются ответственные должностные лица, которые должны выполнять дополнительные функции часто без расширения своих полномочий. Происходит смешение проектной и операционной деятельности. В связи с повышающейся нагрузкой может усиливаться формализм в реализации проектов, снижается функция контроля. Также проектное управление невозможно внедрить, если в нем не заинтересовано высшее должностное лицо.

Обратимся к организационной проблеме с позиции финансового обеспечения. Сегодня смета регионального проекта является защищенной статьей бюджета, поэтому на практике этот факт часто выступает

решающим фактором при создании проекта. Однако с точки зрения методологии проектного управления это неверно. Также бюджеты национальных проектов включают субсидии на обеспечение деятельности проектных офисов федеральных проектов, но финансирование деятельности региональных проектных офисов не предусмотрено в рамках субсидий.

Проектный офис должен работать на всех этапах жизненного цикла проекта. Однако сегодня региональные проектные офисы – по сути временные рабочие организационные структуры, перед которыми не ставится задача вывода проекта на заданную производственную мощность после 2024 года. Единственная в России организация, созданная по всем правилам проектного управления – проектный офис Правительства Российской Федерации (структурное подразделение Аппарата Правительства, Российской Федерации) (Постников и др., 2019). При сохранении этих тенденций региональные проектные офисы в перспективе будут заниматься в основном отчетной деятельностью, что составит их основную задачу. Необходимо изменять должностные регламенты государственных служащих в части выполнения ими служебных функций в составе проектного офиса, то есть вносить изменения в законодательство о государственной службе, создавать региональные проектные офисы как структурные единицы государства.

3. Информационная проблема. Проектный подход предполагает корректировку проекта практически в режиме реального времени, однако статистическая информация разрознена, не унифицирована, представляется с временным лагом. Часто проекты устаревают без корректировки по обратной связи на основе оперативной статистической информации.

4. Проблема низкого уровня применения соучаствующего проектирования. Исследование показало, что многие проекты по субъектам РФ СЗФО являются одинаково-

выми, учитываются только региональные особенности, а это не позволяет регионам стать уникальными, конкурентоспособными. Для ускоренного социально-экономического развития необходима реализация своих проектов, которые созданы на основе соучаствующего проектирования, так как именно стейкхолдеры – жители и бизнес-сообщество – могут совместно создать уникальные тренды для развития. При этом учитывая, что проекты создаются в условиях ограниченного бюджетного финансирования, можно эффективно концентрировать дополнительные ресурсы стейкхолдеров в рамках реализации проектов.

На региональных позициях проектные офисы могли бы снять указанные проблемы и ускорить социально-экономическое развитие при изменении их структурной и функциональной организации. В дальнейших исследованиях авторами ставится цель разработать оптимальную модель организации деятельности российских региональных проектных офисов в современных условиях. В первую очередь при разработке модели будут учтены все указанные выше проблемы, то есть деятельность будет направлена на минимизацию всех существующих сегодня минусов в работе региональных проектных офисов.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в обобщении научных взглядов на региональный проектный офис как организационную инновацию государственного управления. Авторами выявлены проблемы в работе проектных офисов на региональном уровне, требующие расширения научно-методологических подходов для их решения.

Практическая значимость полученных в рамках научного исследования результатов состоит в возможности их использования участниками проектной деятельности в госсекторе для организации управления и принятия компетентных решений, что позволит повысить качество управления социально-экономическим развитием регионов.

ЛИТЕРАТУРА

- Постников С.Л., Усик А.С., Семенов М.Д. (2019). Актуальные вопросы проектного управления на федеральном и региональном уровнях: материалы семинара-совещания руководителей аналитических служб аппаратов законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации // Аналитический вестник. № 14 (728). URL: <http://council.gov.ru/media/files/bDf1zHgJAFmccgwksMu6Ohz0eK5AEAkB.pdf> (дата обращения 21.10.2022).
- Белокрылов К.А. (2012). Инновации в государственном секторе // Journal of economic regulation. № 4. С. 132–141.
- Богдан Н.И. (2015). Инновации в государственном секторе: мировая практика и задачи Беларуси // Экономический вестник ун-та. Сб. научных трудов ученых и аспирантов. № 25 (1). С. 7–14.
- Дербина Е.С. (2014). Частно-государственное партнерство: опыт зарубежных стран и перспективы для России // Проблемы и перспективы экономики и управления: мат-лы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2014 г.). Санкт-Петербург: Заневская площадь. С. 26–29. URL: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/131/6825> (дата обращения 26.10.2022).
- Добринина Л.Р. (2019). Функционирование проектных офисов в органах государственной власти // Вестник Академии знаний. № 6 (35). С. 116–118.
- Кожевников С.А. (2016). Проектное управление как инструмент повышения эффективности деятельности органов государственной исполнительной власти // Вопросы территориального развития. № 5 (35). URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2037> (дата обращения 07.08.2022).
- Кравец Е.О., Вертиль Н.Н. (2021). Дефиниция понятий «управление проектами» и «проектное управление» // Вестник Ин-та экономических исследований. № 3 (23). С. 105–110.
- Красильников Д.Г., Троицкая Е.А. (2011). Концепция «New Public Management»: возможности и ограничения // Вестник Пермского ун-та. Сер.: Политология. № 1. С. 81–91.
- Мещеряков И.С. (2019). Региональный проектный офис: подходы к организации, лучшие практики // Вестник Саратовского гос. социально-экономического ун-та. № 3 (77). С. 135–138.
- Мирошниченко И.В., Шпиро Л.А. (2019). Проектное управление в государственном секторе: зарубежный опыт и Российская практика // Вестник Удмуртского ун-та. Социология. Политология. Международные отношения. № 3. С. 360–368.
- Придыба О.В. (2018). Внедрение современных технологий в государственный сектор: опыт зарубежных стран // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 258–265.
- Пругула О.Д., Ратковская И.А., Штрейс Д.С. (2017). Обоснование и разработка модели проектного управления в государственном секторе. Великий Новгород. 195 с.
- Мироненко Н.В., Леонова О.В., Балашов А.Н. (2017). Проектное управление: проблемы и особенности внедрения в государственном секторе. Орел: Среднерусский ин-т управления – филиал РАНХиГС. 207 с.
- Чаркина Е.С. (2017). Развитие проектного подхода в системе государственного управления: методология, опыт, проблемы. Москва: ИЭ РАН. 54 с.
- Шулепов Е.Б., Задумкин К.А., Щербакова А.А. (2020). К вопросу использования проектного подхода в стратегическом управлении крупным городом // Проблемы развития территории. № 2 (106). С. 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2
- Bason C. (2010). *Leading Public Sector Innovation: Co-Creating for a Better Society*. Bristol: Policy Press. DOI: 10.2307/j.ctv1fxh1w. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321193415_Leading_public_sector_innovation_Co-creating_for_a_better_society
- Bloch C., Bugge M. (2013). Citation: Public sector innovation – From theory to measurement. *Structural Change and Economic Dynamics*, 27, 133–145.
- McGann M., Blomkamp E., Lewis J.M. (2018). Citation: The rise of public sector innovation labs: Experiments in design thinking for policy. *Policy Sciences*, 51 (3), 249–267.

- Oroyemi P. (2016). *A Comparison of the Propensity to Innovate Across Public and Private Sector Organisations*. Birkbeck: University of London. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292146992_A_comparison_of_the_propensity_to_innovate_across_public_and_private_sector_organisations
- Roessner J.D. (1977). Citation: Incentives to innovate in public and private organizations. *Administration & Society*, 9 (3), 341–365. DOI: 10.1177/009539977700900304
- Windrum P. (2008). Citation: Innovation and entrepreneurship in public services. *Innovation in Public Sector Services: Entrepreneurship, Creativity and Management*, 3–20. Available at: https://www.researchgate.net/publication/289650892_Innovation_and_entrepreneurship_in_public_services

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Алексеевич Задумкин – кандидат экономических наук, доцент, исполнительный директор, Вологодское городское отделение Союза промышленников и предпринимателей Вологодской области (Российская Федерация, 160025, г. Вологда, ул. Конева, д. 15; e-mail: zk00@mail.ru)

Анна Александровна Щербакова – кандидат экономических наук, доцент, Вологодский государственный университет (Российская Федерация, 160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A.

REGIONAL PROJECT OFFICE AS AN ORGANIZATIONAL INNOVATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

The article presents the results of studying the evolution and modern practice of project management in public authorities. We have generalized system of views on the regional project office as an organizational innovation of public administration. Regional project offices can be attributed to organizational innovations in the public sector, as they have novelty elements and change the functions and ways of functioning of public authorities. The article demonstrates Russian and foreign scientific approaches and practical experience in organizing project activities in the public sector, in particular the creation and development of project offices. Based on the contextual analysis of regulatory documents regulating the project activities of the subjects of the Northwestern Federal District, reports, ratings and open data on the Internet, we have investigated the work of regional project offices. As a result, we have substantiated the problems that require scientifically based solutions – methodological, organizational, informational, low-level application of participatory design. The main problem of the effective work of regional project offices is the mixing of project and ongoing activities. This is also evident in the part of the organization, as project offices at the level of Russia's entities are essentially temporary working groups. At the regional level, functions related to the implementation of the project are carried out, but according to the methodology, these are no longer the functions of the project office, but the operational activities of executive authorities. Project offices can accelerate the socio-economic development of Russia's entities when their structural and functional organization changes.

Regional project office, project management, project, organizational innovation.

REFERENCES

- Bason C. (2010). *Leading Public Sector Innovation: Co-Creating for a Better Society*. Bristol: Policy Press. DOI: 10.2307/j.ctv1fxh1w. Available at: https://www.researchgate.net/publication/321193415_Leading_public_sector_innovation_Co-creating_for_a_better_society
- Belokrylov K.A. (2012). Innovations in the public sector. *Voprosy regulirovaniya ekonomiki=Journal of Economic Regulation*, 4, 132–141 (in Russian).
- Bloch C., Bugge M. (2013). Citation: Public sector innovation – from theory to measurement. *Structural Change and Economic Dynamics*, 27, 133–145.
- Bohdan N.I. (2015). Innovations in the public sector: International practice and challenges for Belarus. *Ekonomicheskii vestnik un-ta. Sb. nauchnykh trudov uchenykh i aspirantov*, 25(1), 7–14 (in Russian).
- Charkina E.S. (2017). *Razvitie proektnogo podkhoda v sisteme gosudarstvennogo upravleniya: metodologiya, opyt, problemy* [Development of the Project Approach in the Public Administration System: Methodology, Experience, Problems]. Moscow: IE RAN.
- Derbina E.S. (2014). Public-private partnership: Experience of foreign countries and prospects for Russia. In: *Problemy i perspektivy ekonomiki i upravleniya: mat-ly III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Sankt-Peterburg, dekabr' 2014 g.)* [Problems and Prospects of Economics and Management: Materials of the 3rd International Scientific Conference (St. Petersburg, December 2014)]. Saint Petersburg: Zanevskaya Square. Available at: <https://moluch.ru/conf/econ/archive/131/6825> (accessed: October 26, 2022; in Russian).
- Dobrina L.R. (2019). Functioning of project offices in public authorities. *Vestnik Akademii znanii=Bulletin of the Academy of Knowledge*, 6(35), 116–118 (in Russian).
- Kozhevnikov S.A. (2016). Project management as a tool for enhancing the performance of government executive bodies. *Voprosy territorial'nogo razvitiya=Territorial Development Issues*, 5(35). Available at: <http://vtr.isert-ran.ru/article/2037> (accessed: August 7, 2022; in Russian).
- Krasi'nikov D.G., Troitskaya E.A. (2011). The concept of “New Public Management”: Opportunities and limitations. *Vestnik Permskogo un-ta. Ser.: Politologiya=Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, 81–91 (in Russian).
- Kravets E.O., Vertil N.N. (2021). Definition of the concepts “project management” and “project administration”. *Vestnik In-ta ekonomicheskikh issledovaniy=Vestnik of Institute of Economic Research*, 3(23), 105–110 (in Russian).
- McGann M., Blomkamp E., Lewis J.M. (2018). Citation: The rise of public sector innovation labs: Experiments in design thinking for policy. *Policy Sciences*, 51(3), 249–267.
- Meshcheryakov I.S. (2019). Regional project office: Approach to organization and best practices. *Vestnik Saratovskogo gos. sotsial'no-ekonomicheskogo un-ta*, 3(77), 135–138 (in Russian).
- Mironenko N.V., Leonova O.V., Balashov A.N. (2017). *Proektnoe upravlenie: problemy i osobennosti vnedreniya v gosudarstvennom sektore* [Project Management: Problems and Features of Implementation in the Public Sector]. Orel: Srednerusskii in-t upravleniya – filial RANKhiGS.
- Miroshnichenko I.V., Shpiro L.A. (2019). Project management in the public sector: Foreign experience and Russian practice. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya=Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations*, 3, 360–368 (in Russian).
- Oroyemi P. (2016). *A Comparison of the Propensity to Innovate Across Public and Private Sector Organizations*. Birkbeck: University of London. Available at: https://www.researchgate.net/publication/292146992_A_comparison_of_the_propensity_to_innovate_across_public_and_private_sector_organisations
- Postnikov S.L., Usik A.S., Semenov M.D. (2019). Topical issues of project management at the federal and regional levels: Materials of the workshop-meeting of heads of analytical services of the legislative (representative) and executive authorities of state power of the entities of the Russian Federation. *Analiticheskii vestnik*, 14(728). Available at: <http://council.gov.ru/media/files/bDf1zHgJAFmccgwksMu6Ohz0eK5AEAkB.pdf> (accessed: October 21, 2022; in Russian).

- Pridyba O.V. (2018). Introduction of modern technologies in public sector: Experience of foreign countries. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski=State and Municipal Management. Scientific Notes*, 2, 258–265 (in Russian).
- Pritula O.D., Ratkovskaya I.A., Shtreis D.S. (2017). *Obosnovanie i razrabotka modeli proektnogo upravleniya v gosudarstvennom sektore* [Justification and development of Project Management Model in the Public Sector]. Veliky Novgorod.
- Roessner J.D. (1977). Citation: Incentives to innovate in public and private organizations. *Administration & Society*, 9(3), 341–365. DOI: 10.1177/009539977700900304
- Shulepov E.B., Zadumkin K.A., Shcherbakova A.A. (2020). Revisiting project approach usage in the strategic management of a major city. *Problemy razvitiya territorii=Problems of Territory's Development*, 2(106), 19–33. DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.2 (in Russian).
- Windrum P. (2008). Citation: Innovation and entrepreneurship in public services. *Innovation in Public Sector Services: Entrepreneurship, Creativity and Management*, 3–20. Available at: https://www.researchgate.net/publication/289650892_Innovation_and_entrepreneurship_in_public_services

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin A. Zadumkin – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, executive director, Vologda City Branch of the Union of Industrialists and Entrepreneurs of the Vologda Oblast (15, Konev Street, Vologda, 160025, Russian Federation; e-mail: zk00@mail.ru)

Anna A. Shcherbakova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Vologda State University (15, Lenin Street, Vologda, 160000, Russian Federation; e-mail: annascherbakova@mail.ru)

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

МОНИТОРИНГ ЭКОНОМИКИ: НОЯБРЬ 2022 ГОДА

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.10 • УДК 330.342(470.12) • ББК 65.050.22(2Рос-4Вол)

ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» продолжает знакомить читателей с материалами о состоянии и тенденциях развития экономики России и Вологодской области

БЛАГОДАРНОСТЬ

Материалы подготовлены в соответствии с государственным заданием для ФГБУН ВолНИЦ РАН по теме НИР № FMGZ-2022-0012 «Факторы и методы устойчивого социально-экономического развития территориальных систем в изменяющихся условиях внешней и внутренней среды».

По данным Росстата в III квартале 2022 года ВВП России сократился на 3,7% (рис. 1). Согласно предварительной оценке Минэкономразвития в январе – ноябре¹ снижение показателя составило 2,1%.

В физическом объеме было произведено на 2,5% меньше товаров и услуг по базовым

Рис. 1. Динамика производства валового внутреннего продукта, % к соответствующему периоду предыдущего года

видам экономической деятельности (рис. 2). В Вологодской области спад составил 6,6%.

✓ В декабре 2022 года ухудшилась предпринимательская уверенность в обрабатывающей и добывающей промышленности (рис. 3). В сфере услуг и строительстве сохранились негативные ожидания, однако в меньшей степени, чем годом ранее.

Для цитирования: Сидоров М.А. (2023). Мониторинг экономики: ноябрь 2022 года // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 163–175. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.10

For citation: Sidorov M.A. (2023). Monitoring of the economy in November 2022. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 163–175. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.10

¹ Здесь и далее по тексту (если не оговорено иное) январь – ноябрь 2022 года сопоставляется с январем – ноябрем 2021 года.

Рис. 2. Динамика выпуска товаров и услуг по базовым видам экономической деятельности в январе – ноябре 2022 года*, % к соответствующему периоду предыдущего года

* В состав базовых видов экономической деятельности входят растениеводство, животноводство, охота и предоставление услуг в этих областях; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; обеспечение электрической энергией, газом и паром, кондиционирование воздуха; водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвидации загрязнений; строительство; торговля оптовая, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; торговля розничная, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; деятельность пассажирского и грузового транспорта.

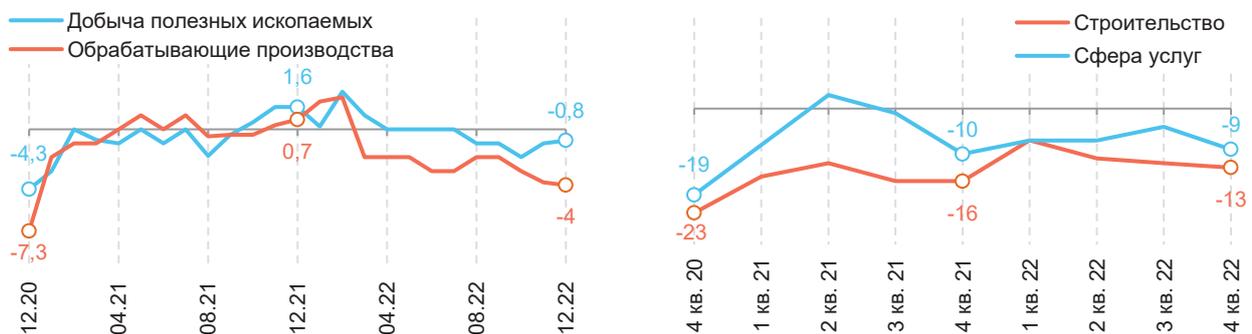

Рис. 3. Индекс предпринимательской уверенности, %

1. Производство валового продукта

❖ Выпуск **промышленности** в РФ в январе – ноябре снизился на 0,1% (табл. 1). При этом динамика добычи полезных ископаемых осталась позитивной (прирост на 1,1%), тогда как производство продукции обрабатывающей промышленности сократилось на 0,8%.

❖ В Вологодской области промышленное производство сократилось на 5,6% под влиянием усиливающегося в течение года спада в обрабатывающей индустрии (на 6,5%). В других регионах-металлургах динамика промышленного производства также была

негативной: в Кемеровской области уровень индикатора снизился на 5,3%, в Липецкой – на 3,8%, в Челябинской – на 1,1%.

⬆ В целом по России **цены производителей промышленных товаров** уменьшились на 2,5% к декабрю предыдущего года после увеличения на 27,5% годом ранее, при этом преодоление всплеска промышленной инфляции во II квартале может свидетельствовать о перестроении цепочек поставок. В Вологодской области цены на промышленные товары снизились на 22,6%, что в существенной мере обусловлено обрушением цен на металлопрокат (см. табл. 10, 11).

Таблица 1. Динамика промышленного производства, % к соответствующему периоду предыдущего года*

	11 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	11 мес. 2022 г.	Р**
Промышленное производство						
РФ	106,3	105,1	101,3	100,4	99,9	-
СЗФО	105,0	105,1	102,4	99,7	99,5	7
Вол	102,0	99,5	95,8	95,6	94,4	70
НАО	101,8	123,9	115,6	114,1	113,0	3
СПб	108,6	106,5	105,6	101,8	104,7	18
Ком	100,7	108,1	105,6	104,7	103,4	21
Арх	98,5	97,5	98,3	99,6	100,1	37
Пск	104,8	96,2	97,9	100,9	99,8	40
Мур	104,4	110,2	108,2	99,0	97,7	57
Лен	107,5	102,9	99,6	96,6	95,2	67
Кар	101,9	98,2	95,0	93,0	92,2	76
Нов	106,2	104,3	98,2	93,8	90,5	79
Клн	105,7	91,9	85,3	82,4	81,2	84
Добыча полезных ископаемых						
РФ	103,9	107,3	102,9	101,9	101,1	-
СЗФО	100,9	113,4	108,1	106,6	105,5	1
Вол	96,8	113,1	95,7	98,9	96,5	50
НАО	101,8	124,3	115,7	114,2	113,2	8
Лен	111,9	108,3	109,8	110,5	109,1	11
Арх	118,7	98,4	107,9	105,8	108,4	12
Ком	98,4	111,9	108,4	107,6	106,4	14
Пск	110,4	120,9	103,8	101,4	96,2	52
Кар	104,3	100,5	95,2	94,5	94,0	59
Нов	130,3	104,4	97,7	94,3	93,0	62
Мур	93,4	96,6	93,6	92,5	91,8	66
Клн	98,6	86,3	88,4	87,6	87,1	74
СПб	130,9	136,8	93,4	78,2	71,0	82
Обрабатывающие производства						
РФ	107,3	104,7	100,3	99,5	99,2	-
СЗФО	105,5	103,9	101,0	97,9	98,4	7
Вол	102,7	98,3	94,2	94,4	93,5	68
НАО	109,3	138,7	132,1	122,5	111,0	9
СПб	107,3	108,9	106,6	102,6	106,2	20
Пск	103,3	92,3	97,6	102,5	101,4	34
Мур	109,8	121,6	117,5	101,5	100,0	42
Арх	93,6	98,7	97,4	99,4	99,3	48
Ком	108,0	99,6	98,4	96,8	94,9	66
Лен	107,4	101,4	98,8	95,3	93,3	70
Кар	100,1	96,8	94,1	91,1	90,2	77
Нов	105,4	105,4	98,2	93,4	89,6	80
Клн	104,5	90,8	82,9	79,7	79,0	84

Индекс цен производителей промышленных товаров (к декабрю предыдущего года)						
РФ	127,5	110,2	104,6	100,4	97,5	-
СЗФО	119,8	108,2	105,1	102,6	102,6	7
Вол	140,0	103,4	90,0	76,6	77,4	4
НАО	140,1	123,1	107,0	101,2	82,4	6
Ком	143,8	108,1	93,0	90,7	89,5	11
Кар	141,3	110,9	99,3	92,8	91,4	15
Нов	119,7	102,8	101,9	100,7	101,8	33
Арх	121,4	104,5	107,0	99,8	102,7	36
Клн	107,4	109,5	113,1	106,4	105,5	50
Пск	117,4	106,4	107,0	106,6	106,2	51
Лен	110,1	104,1	106,0	110,5	110,7	69
СПб	112,7	106,3	114,5	115,9	115,1	81
Мур	104,0	124,9	103,4	106,5	117,8	84

* Здесь и далее выделены курсивом показатели регионов Северо-Западного федерального округа, приведенные для сравнения с динамикой Вологодской области. Условные обозначения: Вол – Вологодская область, Кар – Республика Карелия, Ком – Республика Коми, НАО – Ненецкий автономный округ, Арх – Архангельская область кроме Ненецкого автономного округа, Клн – Калининградская область, Лен – Ленинградская область, Мур – Мурманская область, Нов – Новгородская область, Пск – Псковская область, СПб – Санкт-Петербург.

** Здесь и далее показан ранг соответствующего региона среди субъектов Федерации по динамике показателя в январе – ноябре 2022 г. (если не оговорено иное).

Отрасли обрабатывающей индустрии продемонстрировали определенную устойчивость объема производства. В частности, в **секторе промышленности конечного спроса** продолжился рост выпуска.

📈 Пищевая промышленность в целом по России увеличила производство на 0,6% (табл. 2). Наиболее заметным стал прирост производства мясных и овощных консервов (на 29,8 и 17,5% соответственно), а также растительного и сливочного масла (на 17,2 и 11,2% соответственно), при этом производство фруктово-овощных консервов для детского питания резко сократилось (на 16,9%). Негативное влияние на динамику выпуска оказали отрасли, производящие продукцию рыбной промышленности (что может быть связано с осложнением рыбной ловли в северо-западных регионах): спад выпуска соленой рыбы составил 11%, мороженой рыбы – 7,2%, рыбных пресервов – 9,8%.

Таблица 2. Динамика обрабатывающих производств, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	11 мес. 2022 г.
Пищевое производство					
РФ	104,5	104,0	101,6	100,6	100,6
Вол	101,3	100,3	96,3	98,1	98,5
Ц/б и полиграфическое производство					
РФ	109,4	108,2	104,1	102,8	102,5
Вол	110,1	109,0	101,5	87,0	94,6
Химическое производство					
РФ	108,7	106,7	103,1	102,0	100,3
Вол	100,6	101,1	102,2	103,1	102,3
Металлургическое производство					
РФ	104,2	104,2	99,6	101,4	101,8
Вол	101,9	100,2	96,0	89,8	87,2
Деревообработка					
РФ	112,2	102,8	95,5	89,6	88,4
Вол	103,4	103,5	100,5	96,5	88,6
Машиностроение					
РФ	111,1	102,1	95,9	93,3	93,7
Вол	83,3	83,4	93,8	104,5	108,9
Производство стройматериалов					
РФ	109,3	111,0	105,6	102,6	100,9
Вол	106,9	114,7	164,9	105,4	118,0

❖ В Вологодской области выпуск пищевой промышленности снизился на 1,5%, в том числе колбасных изделий было произведено меньше на 15,8%, свинины – на 15,1%, молочной продукции – на 7,8%. При этом отмечен прирост выпуска мороженой рыбы почти в 1,8 раза, сливочного масла – на 20,4%, шоколада – на 20,9%, напитков – на 5,9%.

⬆️ Целлюлозно-бумажное и полиграфическое производство РФ выросло на 2,5%, что во многом обусловлено увеличением выпуска полиграфических услуг (на 9,6%), бумажных полотенец (на 30,1%) и коробок из гофрированного картона (на 8,8%). При этом заметно сократилось производство обоев (на 21,8%).

В создание нового предприятия Владимирской области по выпуску гофропродукции и упаковочных изделий инвестировано 4 млрд руб., на новом предприятии в год будет выпускаться не менее 140 млн кв. м гофрокартона разных марок и профилей, до 100 млн шт. бумажных крафт-мешков, а также гильзы и шпули, полиэтиленовая упаковка. При выходе на полную мощность в 2023 году завод станет самым крупным производителем картонной продукции в Центральном федеральном округе².

❖ В Вологодской области ситуация в целлюлозно-бумажной отрасли заметно хуже: выпуск снизился на 5,4%, в частности бумаги и картона было произведено меньше на 6,8%.

Динамика отраслей **сектора промышленности промежуточного спроса** осталась разнонаправленной.

⬆️ Выпуск химической промышленности в целом по стране увеличился на 0,3%. Заметный прирост производства отмечен в сфере фармацевтической продукции (на 14,3%), при этом производство искусственных волокон сократилось на 37,3%, аммиака – на 14,4%. В Вологодской области индекс производства продукции химической промышленности составил 102,3%, на что оказало влияние наращивание выпуска кислорода (на 9,7%) и азотных удобрений (на 6,4%). Производство калийных удобрений при этом сократилось на 20,1%

Группа «Акрон», один из ведущих производителей минеральных удобрений в России и мире, на производственной площадке в Великом Новгороде запустила установку по получению гранулированного нитрата кальция (кальциевой селитры) мощностью 100 тыс. тонн в год. Объем инвестиций составил около 1,5 млрд руб.³

² Во Владимире открыли предприятие «Формабокс», которое должно стать самым крупным производителем картонной продукции в Центральной России. URL: <https://zebra-tv.ru/novosti/biznes/vo-vladimire-otkryli-predpriyatie-formaboks-kotoroe-dolzno-stat-samym-kрупnym-proizvoditelem-karton> (дата обращения 20.01.2023).

³ «Акрон» запустил производство кальциевой селитры в Великом Новгороде. URL: <https://www.acron.ru/press-center/press-releases/200946> (дата обращения 20.01.2023).

Металлургическое производство страны выросло на 1,8%. Существенный прирост продукции продемонстрировали отрасли, выпускающие нержавеющую сталь (на 17,5%), обсадные бесшовные стальные трубы (на 21,1%), а также конструкции из алюминия (на 26,5%). При этом производство готового проката снизилось на 7,1%.

В Вологодской области металлургическое производство сократилось на 12,8%, что обусловлено спадом выпуска готовой металлопродукции (на 10,4%), стальных труб и профилей (на 20,8%) и металлопроката (на 17,5%).

Деревообрабатывающая промышленность страны продемонстрировала глубокий спад производства (на 11,6%). Существенно сократился выпуск строительных материалов, в частности паркета и фанеры (на 30,5 и 27,7% соответственно). В Вологодской области спад производства деревообрабатывающей индустрии составил 11,4%, что обусловлено снижением выпуска фанеры (на 22,8%), деревянных окон и домов заводского изготовления (на 48,3 и 12,9% соответственно).

Сектор промышленности инвестиционного спроса во многом отражал характер нарастающих изменений в экономике.

Объем произведенной продукции российского машиностроения сократился на 6,3%, в частности волоконно-оптических кабелей – на 38%, телеприемников – на 33%, легковых автомобилей – на 66,9%, грузовых – на 24,2%. При этом почти на половину увеличился выпуск компьютеров, их частей и принадлежностей (на 48,1%).

Компания «Стереотек» открыла в Волгограде производственный комплекс по серийному выпуску 5D принтеров <...>. Объем инвестиций составил 100 млн руб. по линии Фонда национальной технологической инициативы. Как поясняют

в «Стереотек», 5D принтер – собственная разработка компании и представляет собой пятиосевую машину, которая позволяет вращать и наклонять заготовку в процессе ее печати, что позволяет изготавливать более точные и прочные детали по сравнению с классической 3D печатью. При этом на 5D принтере можно изготовить многокомпонентную деталь, сразу готовую для использования в промышленном оборудовании. Работу принтера обеспечивает также собственное программное обеспечение, включая цифровую библиотеку с широкой номенклатурой промышленных деталей для печати. В их числе: мембраны, манжеты, муфты и др.⁴

Машиностроение Вологодской области продемонстрировало прирост производства на 8,9%. Наиболее заметными стали ускорение выпуска тракторов для сельского хозяйства (в 2,7 раза) и автотранспортных средств специального назначения (прирост на 76,4%).

Более 2,5 тысяч комплектующих для сборки топливных насосов высокого давления в месяц планируют производить на предприятии «Мезон». Сейчас из-за санкций спрос на детали вырос, поэтому вологодская компания начинает увеличивать мощности. Ключевой заказчик деталей – Ярославский завод дизельной аппаратуры⁵.

Индустрия неметаллических минеральных продуктов в целом по стране увеличила производство на 0,9%. Заметно вырос выпуск товарного бетона (на 8,6%), цемента (на 7,7%) и кирпичей (на 7,1%), при этом производство силикатных блоков сократилось на 9,7%. В Вологодской области производство отрасли выросло на 18%, что отчасти

⁴ Компания «Стереотек» открыла в Волгограде серийное производство 5D принтеров. URL: <https://volpromex.ru/proizvodstvo/proizvodstvo/kompaniya-stereotek-otkryla-v-volgograde-serijnoe-proizvodstvo-5d-printerov.html> (дата обращения 20.01.2023).

⁵ Новые комплектующие для топливных насосов в месяц планируют производить на предприятии «Мезон». URL: <https://35media.ru/news/2022/07/05/Novie-komplektuyushchie-dlya-toplivnikh-nasosov-v-mesyats-planiruyut-proizvodit-na-predpriyatii-Mezon> (дата обращения 20.01.2023).

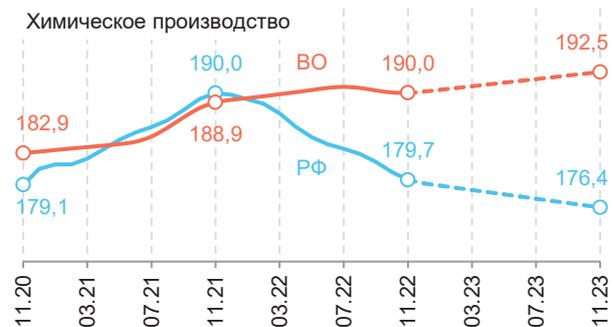
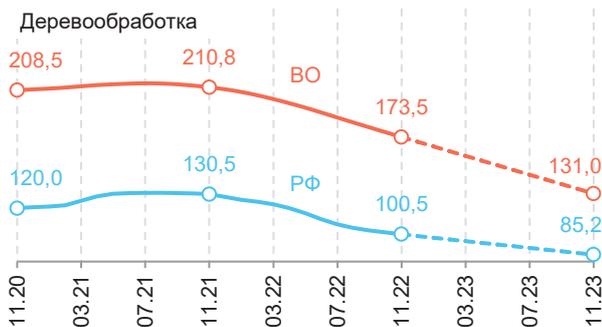
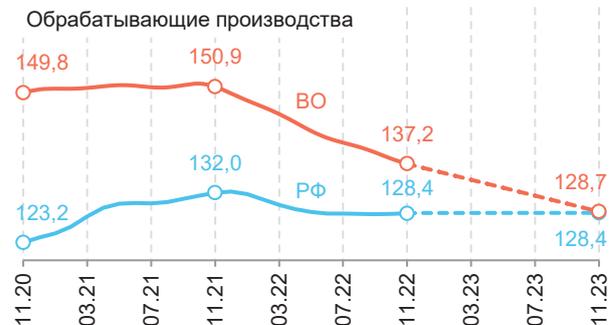
связано с успехами в сфере производства товарного бетона (+9,6%) и асфальтобетонных смесей (+10,8%).

🟢 **Сельское хозяйство** в РФ увеличило выпуск на 2,2% (табл. 3). Производство скота и птицы на убой выросло на 3,4%, куриных яиц – на 2,5%, молока – на 1,5%. В Вологодской области сельскохозяйственной продукции было произведено больше на 3%, в том числе скота и птицы на убой – на 2%, куриных яиц – на 0,2%. Прирост производства молока составил 2,7%.

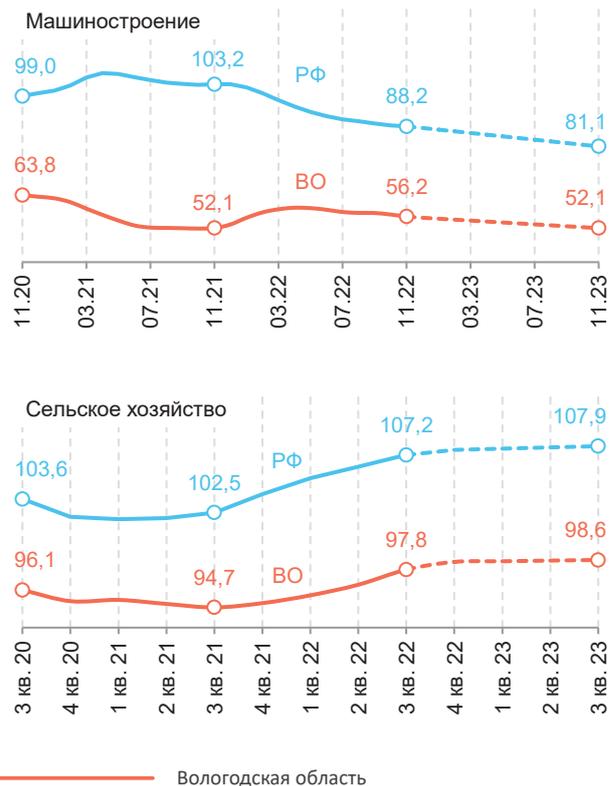
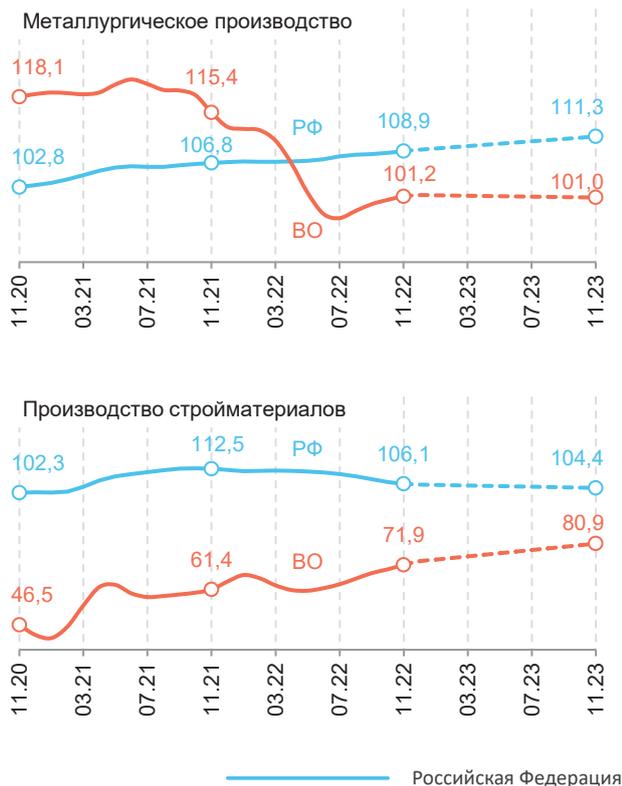
Таблица 3. Динамика производства продукции сельского хозяйства, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	р
РФ	96,7	99,6	101,9	102,3	105,2	-
СЗФО	99,9	99,2	95,3	95,7	98,7	8
Вол	99,1	100,7	100,9	99,3	103,0	50
Кар	94,1	94,5	99,8	98,6	106,3	39
Клн	104,7	99,8	104,6	104,1	103,8	49
Лен	100,3	101,2	103,4	102,5	103,0	50
НАО	96,6	125,6	97,1	98,1	101,4	60
Арх	99,4	99,6	99,0	99,2	100,3	68
Ком	100,6	98,4	96,8	97,9	96,5	74
Нов	90,4	91,6	86,4	88,7	94,8	79
Мур	107,1	106,5	92,1	90,8	91,0	82
Пск	100,4	97,7	76,7	77,3	84,2	84

Тренды развития промышленного и с/х производства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

На **рынке труда** зафиксированы позитивные изменения.

Уровень безработицы в России в сентябре – ноябре опустился на 0,6 п. п. до 3,8% (табл. 4). В Вологодской области индикатор также снизился до 3,8%, что соответствует уровню аналогичного периода 2019 года.

Таблица 4. Динамика рынка труда, % к соответствующему периоду предыдущего года

	Сент. – нояб. 2021 г.	2021 г.	I кв. 2022 г.	II кв. 2022 г.	Сент. – нояб. 2022 г.	Р
Уровень безработицы, % от численности занятых						
РФ	4,4	4,3	4,2	4,0	3,8	-
СЗФО	3,5	3,3	3,1	3,1	3,5	3
Вол	4,4	3,9	3,0	3,6	3,8	46
СПб	1,7	1,5	1,6	1,4	2,3	6
Нов	3,2	3,2	3,3	3,7	2,8	11
Клн	4,8	4,5	3,3	3,2	2,8	14
Пск	4,1	4,0	4,1	4,1	4,2	55
Лен	3,6	3,2	2,6	3,0	4,4	62
Мур	5,2	4,5	4,9	5,2	4,5	63
Кар	5,9	6,0	6,3	5,8	5,4	67
Арх	6,3	6,4	5,5	5,5	5,5	68
Ком	6,7	7,5	7,5	7,1	5,9	69
НАО	6,4	6,4	7,5	8,2	7,6	74

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р
Потребность работодателей в работниках						
РФ	128,8	128,6	126,4	121,3	117,8	-
СЗФО	122,8	121,3	124,2	118,5	115,2	6
Вол	111,5	117,1	131,5	119,3	114,8	53
Лен	133,4	127,3	134,4	135,2	134,8	6
Кар	136,4	131,0	140,3	127,6	125,4	12
Нов	136,9	139,5	132,7	120,9	123,1	18
СПб	128,1	127,1	129,2	121,9	116,2	44
Мур	98,3	100,2	129,7	122,1	115,6	46
НАО	119,6	110,0	125,6	106,5	109,0	69
Клн	139,0	133,7	107,4	103,5	103,2	78
Арх	118,3	111,4	100,3	100,7	102,9	79
Пск	119,9	114,6	108,8	104,9	102,1	82
Ком	99,3	99,2	89,3	90,3	93,6	85

Объем заявленной в службы занятости потребности работодателей в работниках в январе – сентябре вырос на 17,8%, что отчасти может объясняться несбалансированностью рынка труда и затрудненностью процесса поиска квалифицированных кадров. В Вологодской области отмечено ускорение роста заявленных вакансий (на 14,8 после 11,5% годом ранее).

2. Образование доходов

На стадии образования доходов большинство индикаторов демонстрируют негативную динамику.

❖ **Реальные денежные доходы** россиян в январе – сентябре сократились на 5,7% (табл. 5). За то же время отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму в стране уменьшилось на 8,1%. Реальные денежные доходы вологжан сократились на 1,1%, при этом в регионе на 7,9% снизилось отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму.

Таблица 5. Динамика образования доходов, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р
Реальные денежные доходы населения						
РФ	106,3	104,6	102,9	96,5	94,3	-
СЗФО	105,4	104,3	102,0	97,0	93,5	-
Вол	98,1	98,5	109,9	102,1	98,9	-
НАО	95,2	97,1	105,1	102,6	101,5	-
Нов	102,5	104,9	106,5	100,7	97,2	-
Ком	97,7	99,6	99,3	97,6	97,0	-
Лен	102,2	102,3	101,7	101,1	96,7	-
Кар	98,5	97,7	101,2	97,8	96,5	-
Мур	102,1	101,6	101,0	97,8	94,7	-
Арх	101,1	101,0	97,8	98,5	94,2	-
Клн	100,8	102,0	102,4	96,8	93,7	-
Пск	102,6	103,0	103,5	97,8	93,4	-
СПб	110,8	107,9	101,9	94,5	90,9	-
Реальный размер назначенных пенсий						
РФ	96,6	97,0	91,3	96,7	99,8	-
СЗФО	96,9	97,1	91,0	96,5	99,7	-
Вол	97,1	97,3	90,4	95,8	99,2	-
Нов	97,3	97,8	93,6	98,4	101,3	-
Арх	96,5	96,6	93,2	97,6	100,8	-
Лен	96,8	97,0	92,8	98,0	100,8	-
Клн	96,4	96,8	91,4	96,7	100,2	-
Кар	96,6	97,0	90,2	96,1	100,0	-
Пск	96,7	97,2	91,6	96,4	99,9	-
СПб	96,6	96,8	91,2	96,9	99,7	-
Ком	98,4	98,5	91,4	96,3	99,5	-
Мур	97,7	98,1	90,2	94,6	97,3	-
НАО	99,0	99,4	87,1	92,8	95,6	-

	10 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	10 мес. 2022 г.	Р
Реальная начисленная заработная плата						
РФ	103,0	104,5	103,1	98,7	98,5	-
СЗФО	103,2	104,3	102,1	98,4	98,1	5
Вол	98,2	99,4	109,7	102,6	101,0	8
Мур	103,0	104,8	104,3	100,3	99,0	26
Лен	102,3	102,9	99,9	98,5	98,4	31
Ком	98,0	100,2	100,0	96,6	97,7	37
Нов	101,7	107,9	100,7	97,8	97,7	37
СПб	104,5	104,2	101,4	97,5	97,3	47
Пск	102,8	105,7	100,6	97,7	96,8	52
НАО	99,6	100,2	98,9	95,8	96,7	55
Кар	99,3	99,1	99,4	96,1	96,5	58
Клн	102,0	105,6	100,8	96,5	95,6	69
Арх	100,9	102,5	95,1	93,7	94,4	77
Сальдированный финансовый результат деятельности организаций						
РФ	262,3	131,8	132,0	97,3	91,9	-
СЗФО	879,4	152,3	134,2	94,6	79,8	7
Вол	300,7	131,8	253,4	125,8	122,1	18
Арх	21,8	-	-	-	948,0	1
НАО	-	681,7	229,3	724,7	637,3	2
Лен	205,8	186,6	155,3	128,4	121,3	20
Пск	170,7	63,0	88,4	103,6	110,9	30
Клн	981,1	403,7	90,6	85,6	108,8	31
Нов	567,9	476,9	223,3	132,6	97,1	42
Ком	818,5	386,6	94,5	89,8	85,7	54
Мур	209,2	139,5	98,0	79,0	76,2	61
СПб	-	125,1	119,7	85,9	65,3	70
Кар	309,6	79,4	64,3	44,2	42,2	74

❖ **Реальная начисленная заработная плата** в среднем по стране в январе – октябре сократилась на 1,5%.

⬆️ В то же время в Вологодской области заработная плата увеличилась на 1,5%.

❖ **Реальный размер назначенных пенсий** россиян в январе – сентябре снизился на 0,2%, в Вологодской области – на 0,8%.

❖ **Сальдированный финансовый результат** организаций РФ с учетом инфляции в январе – октябре продемонстрировал снижение на 8,1%.

⬆️ В Вологодской области, напротив, доходы бизнеса увеличились на 22,1%, несмотря на снижение мировых цен на металлопрокат (см. табл. 9).

3. Конечное использование

В сфере **потребительского спроса** также прослеживается накапливающееся ухудшение показателей.

❖ **Оборот розничной торговли** в целом по России уменьшился на 6,2%, в Вологодской области – на 4,6% (табл. 6), при этом на уровне страны динамика данного показателя близка к динамике доходов населения, тогда как в регионе уровень индикатора снижался существенно быстрее показателя доходов. Объясняется это может большей долей продовольственных товаров в расходах вологжан. При этом заметен структурный переток спроса с непродовольственных товаров на продовольственные: оборот торговли непродовольственными товарами в стране сократился на 10,5%,

Таблица 6. Динамика потребительского рынка, % к соответствующему периоду предыдущего года

	11 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	11 мес. 2022 г.	Р
Оборот розничной торговли						
РФ	108,0	103,5	96,6	94,4	93,8	-
СЗФО	111,9	105,2	96,7	93,5	92,4	7
Вол	104,8	109,0	100,7	97,1	95,4	48
Пск	107,9	107,4	102,4	101,8	101,3	9
Мур	100,9	99,1	99,4	99,4	99,5	20
Нов	105,7	101,2	98,6	97,8	98,3	24
НАО	99,7	100,6	99,4	98,8	98,2	25
Клн	112,3	101,8	97,8	96,4	96,4	39
Лен	110,3	108,9	104,0	98,3	96,1	43
Арх	102,7	100,1	94,1	93,1	92,9	71
Кар	102,5	99,2	92,4	91,7	91,6	77
Ком	101,8	95,1	90,7	90,8	91,1	79
СПб	118,3	106,9	94,3	89,8	88,4	83
Индекс потребительских цен						
РФ	107,5	110,0	111,4	110,5	111,1	-
СЗФО	107,4	110,3	111,1	110,3	111,0	5
Вол	108,1	110,5	111,3	110,9	111,4	49
Нов	106,6	108,2	110,3	109,4	109,9	13
Лен	107,2	108,1	109,9	109,2	110,1	17
Ком	106,0	110,5	111,2	110,0	110,2	20
Пск	107,3	109,3	111,3	110,4	110,8	29
Кар	108,3	111,4	112,6	110,1	110,9	36
СПб	107,3	110,3	110,7	110,0	110,9	36
Клн	108,9	111,4	111,7	110,8	111,0	40
Арх	108,9	113,1	112,8	111,0	111,2	44
НАО	103,2	108,7	113,0	109,6	113,2	79
Мур	106,1	110,6	113,3	112,5	114,2	83

Объем платных услуг населению						
РФ	117,5	107,8	104,7	103,8	103,4	-
СЗФО	118,2	104,2	102,7	102,5	102,5	6
Вол	109,7	101,8	101,3	101,3	100,8	55
Лен	115,2	105,0	105,7	106,0	105,4	12
Кар	117,5	106,4	105,8	104,8	104,2	20
Клн	119,7	105,1	104,7	104,1	103,7	24
СПб	122,5	105,5	103,6	103,4	103,6	26
Нов	109,3	101,0	102,3	102,2	102,2	41
Пск	110,8	102,3	101,5	101,3	101,3	48
Мур	112,7	105,4	103,1	101,6	100,8	55
Ком	109,7	97,4	97,1	97,0	97,4	74
НАО	105,5	96,7	93,4	94,2	94,6	82
Арх	115,1	99,3	93,2	94,4	94,4	83

продовольственными – на 1,3%. В Вологодской области оборот торговли непродовольственными товарами снизился на 12,5%, в то время как продовольственными увеличился на 2,1%.

❖ **Потребительская инфляция** в России составила 11,1% к декабрю предыдущего года. Наибольшее повышение цен пришлось на непродовольственные товары (на 12,6%); цены на продовольственную продукцию выросли на 9,6%, цены на услуги ЖКХ увеличились на 5,1%. В Вологодской области инфляция составила 11,4%, непродовольственные товары в регионе также дорожали быстрее, чем продовольственные (на 15 и 10,7% соответственно). Цены на услуги ЖКХ выросли на 2,6%.

➤ Объем оказанных населению страны **платных услуг** увеличился на 3,4%, в Вологодской области – на 0,8% после прироста годом ранее на 17,5 и 9,7% соответственно. Такое различие в динамике отчасти объясняется завышенным приростом в 2021 году, который во многом представляет собой восстановление после пандемических ограничений в 2020 году.

➤ В **строительстве** России отмечено ускорение прироста объема выполненных работ (на 6,1% после 5,6% годом ранее), **ввод жилья** при этом вырос на 14,9% (табл. 7). В Вологодской области прирост ввода жилья составил 18,3%.

❖ При этом индекс объема выполненных строительных работ в регионе составил 82,9%.

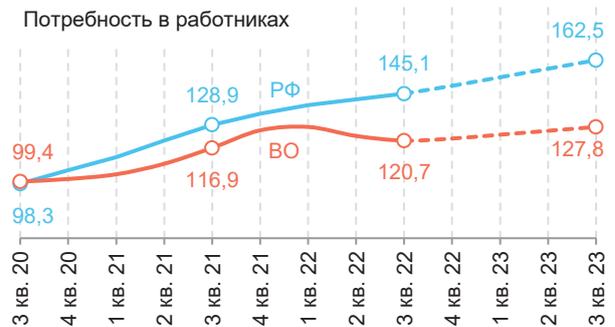
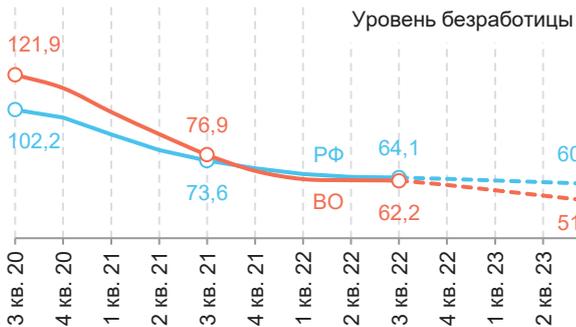
❖ **Объем выданных ипотечных кредитов** в стране снизился более чем на четверть. В Вологодской области спад уровня показателя был еще более резким и составил 31,6%.

Таблица 7. Динамика строительства, % к соответствующему периоду предыдущего года

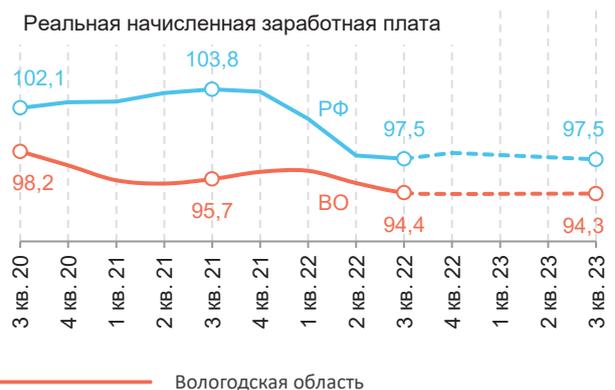
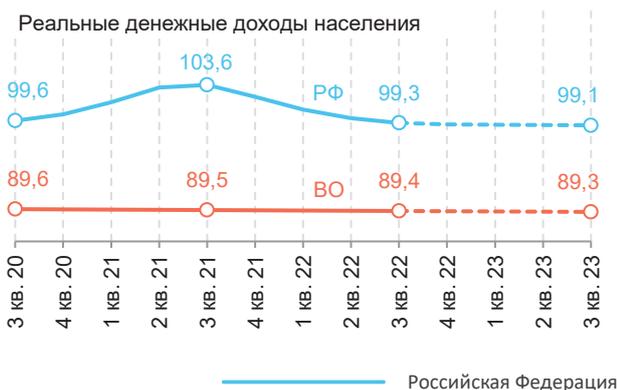
	11 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	11 мес. 2022 г.	Р
Объем работ по ВЭД «Строительство»						
РФ	105,6	104,5	104,0	105,2	106,1	-
СЗФО	99,4	95,3	94,4	93,5	92,0	8
Вол	101,9	54,8	69,0	82,1	82,9	72
Кар	99,1	201,4	175,2	165,4	164,4	2
Пск	67,5	126,2	93,6	122,5	127,9	16
Клн	51,5	77,1	95,6	115,0	112,6	32
Мур	123,7	119,0	109,2	95,8	98,7	54
Нов	102,9	58,9	71,0	89,1	96,2	56
СПб	95,8	98,8	96,4	96,0	95,4	58
Лен	105,8	113,9	105,6	93,8	88,3	68
НАО	103,7	88,0	93,5	83,2	81,2	74
Арх	146,2	81,9	78,5	78,2	66,0	83
Ком	105,5	63,1	69,9	66,3	65,7	84
Ввод жилых домов						
РФ	124,6	164,6	144,2	126,5	114,9	-
СЗФО	138,5	143,3	138,8	114,9	108,1	8
Вол	127,9	346,6	167,7	127,9	118,3	27
Мур	200,5	429,8	454,9	423,2	361,9	1

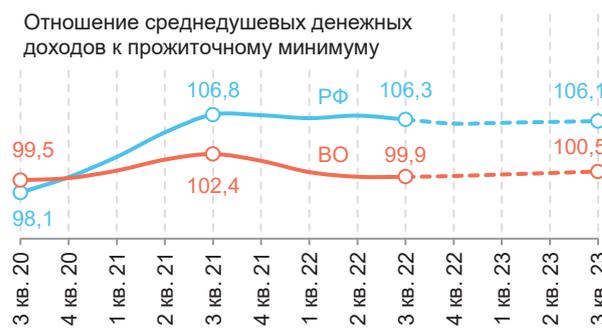
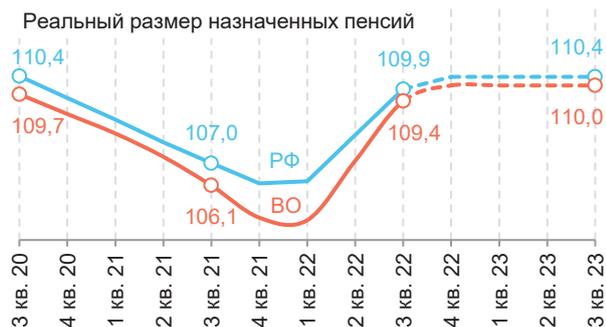
НАО	85,3	594,4	293,7	276,4	221,9	2
Ком	103,5	354,8	161,5	146,9	117,5	30
Кар	102,2	220,5	174,0	142,7	112,7	36
Нов	138,9	206,4	127,6	122,3	112,2	37
Лен	156,8	106,6	120,4	117,4	109,8	46
Пск	146,8	165,8	139,4	119,0	106,0	58
Арх	135,7	134,0	113,1	99,4	103,5	63
Клн	117,2	138,3	127,3	122,5	102,7	66
СПб	138,1	157,4	157,1	99,5	101,1	69
Объем выданных ипотечных кредитов						
РФ	121,0	103,5	62,6	71,6	73,3	-
СЗФО	115,5	100,3	61,7	69,2	69,0	8
Вол	110,9	107,9	61,0	67,3	68,4	66
Мур	116,0	111,7	62,8	74,2	76,4	24
НАО	124,3	93,9	62,8	79,2	75,3	28
Лен	115,5	99,8	62,2	73,5	73,7	43
Пск	106,1	102,5	63,0	70,7	71,1	56
Нов	106,3	106,7	59,8	69,3	71,0	58
Арх	108,1	99,6	57,3	66,2	69,1	64
Ком	107,8	91,7	55,3	64,9	68,7	68
СПб	119,7	99,9	63,8	70,0	68,2	69
Кар	102,7	96,6	53,8	61,8	64,9	82
Клн	111,8	99,1	54,9	59,9	61,8	83

Тренды развития рынка труда в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды образования доходов в экономике в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

— Российская Федерация — Вологодская область

▲ Объем **инвестиций** в основной капитал в РФ в январе – сентябре увеличился на 5,9% (табл. 8).

Таблица 8. Динамика инвестиций в основной капитал, % к соответствующему периоду предыдущего года

	9 мес. 2021 г.	2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	Р
РФ	107,8	107,7	112,8	107,8	105,9	-
СЗФО	103,2	100,9	103,4	100,1	96,4	8
Вол	97,6	95,0	77,1	76,6	72,8	82
Клн	79,8	77,5	172,4	152,1	140,2	8
Лен	119,9	105,6	124,1	127,4	120,9	15
Кар	122,0	121,0	157,9	114,1	110,1	19
Нов	81,2	85,9	89,2	100,3	95,9	59
НАО	83,1	80,4	77,9	88,0	93,6	61
СПб	101,1	105,5	95,4	93,6	92,0	63
Мур	116,9	114,5	121,2	104,2	91,6	64
Арх	102,0	92,2	83,4	101,8	82,3	76
Ком	88,4	84,0	95,7	79,6	81,7	79
Пск	132,0	107,0	145,0	65,0	69,9	83

▼ В Вологодской области динамика инвестиций была критически негативной – индекс их объема составил 72,8%. Столь глубокий спад обусловлен в первую очередь

ориентированностью региона на экспорт на европейские рынки, доступ к которым в последние месяцы существенно осложнился.

▲ **Цены на мировых рынках** в 2022 году на наиболее значимые для экспорта страны товары существенно выросли: природный газ подорожал в 2,5 раза, нефть – на 40,6% (табл. 9). Также отмечено повышение цен на фосфорсодержащие удобрения (на 28,5%).

Таблица 9. Динамика мировых цен на товары, % к соответствующему периоду предыдущего года

	12 мес. 2021 г.	3 мес. 2022 г.	6 мес. 2022 г.	9 мес. 2022 г.	12 мес. 2022 г.
Нефть	167,4	162,9	163,6	153,1	140,6
Газ	497,2	500,4	419,9	385,8	250,2
Мет.	182,4	131,7	126,2	105,5	91,9
ФУ	192,4	160,7	154,8	143,1	128,5

Условные обозначения: Мет. – металлопрокат, ФУ – фосфатные удобрения.

▲ Металлопрокат подешевел на 8,1%. При этом на начало января 2023 года цены на металлопродукцию испытали резкое снижение как на мировом рынке, так и на отечественном (табл. 10, 11).

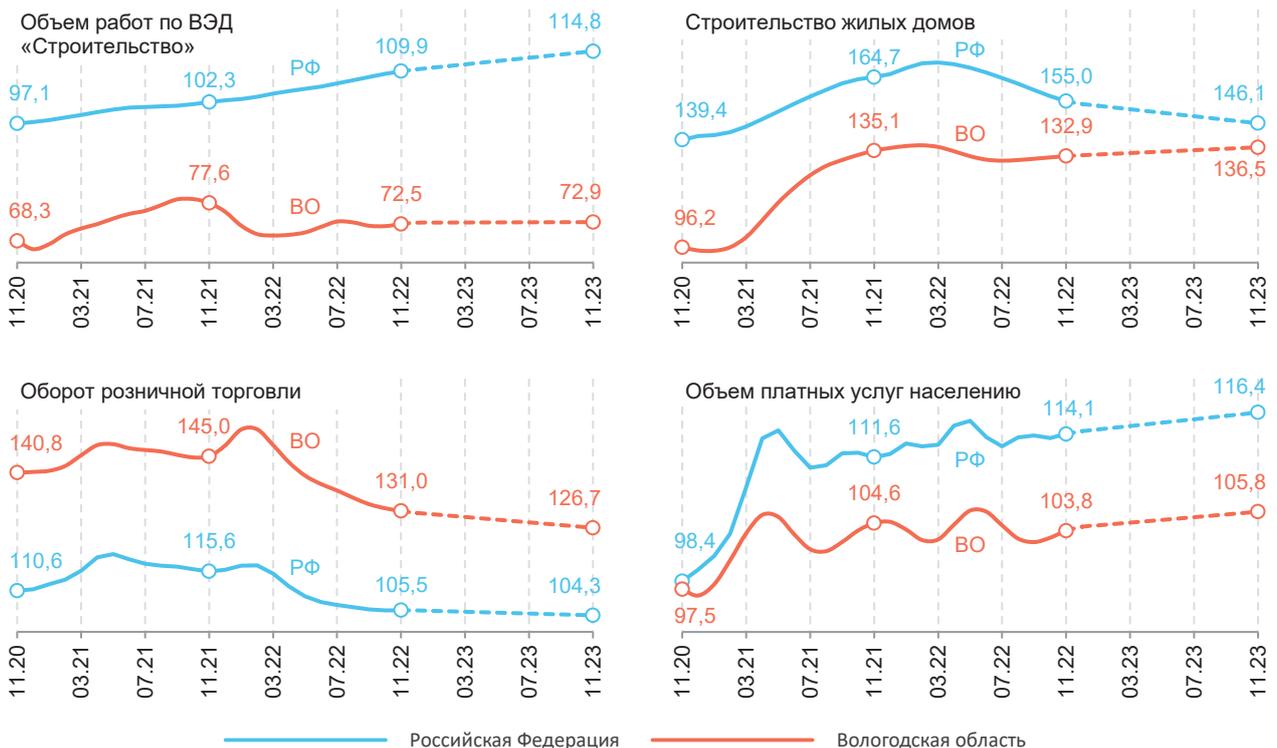
**Таблица 10. Цены на металлопродукцию на мировом рынке (страны ЕС) за тонну
(на начало января соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	долл. США	748	1130	908	66,2	82,4
Лист оцинкованный	долл. США	823	1183	928	69,5	88,7
Лист горячекатаный	долл. США	668	1045	800	63,9	83,4
«Длинный» прокат						
Арматурная сталь	долл. США	803	825	703	97,3	114,2
Конструкционные профили	долл. США	898	1163	805	77,2	111,5
Сортовой прокат	долл. США	883	1028	780	85,8	113,1

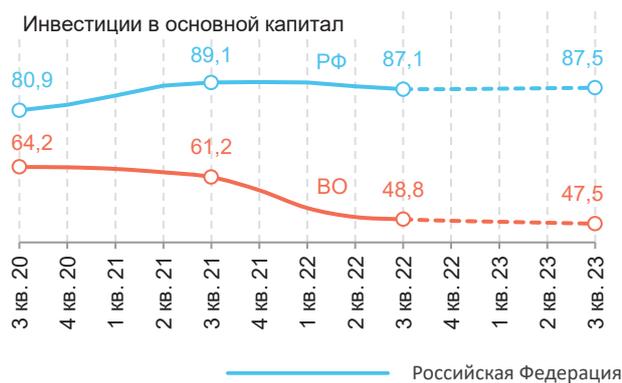
**Таблица 11. Цены на металлопродукцию на российском рынке за тонну
(на начало января соответствующего года)**

Вид металлопродукции	Единица измерения	2023 г.	2022 г.	2021 г.	2023 г., % к	
					2022 г.	2021 г.
«Плоский» прокат						
Лист холоднокатаный	руб.	62083	87357	81235	71,1	76,4
Лист оцинкованный	руб.	77220	101250	110182	76,3	70,1
Лист горячекатаный	руб.	57071	78250	65887	72,9	86,6
«Длинный» прокат						
Арматура	руб.	45203	70567	64531	64,1	70,0
Балка и швеллер	руб.	68054	87510	66694	77,8	102,0
Круг	руб.	44000	75857	71354	58,0	61,7
Уголок	руб.	56314	78833	62952	71,4	89,5

Тренды развития потребительского рынка и строительства в 2020–2023 гг., % к уровню 2008 года

Тренды развития инвестиционной активности и внешней торговли в 2019–2023 гг., % к уровню 2008 года

Подводя итог, отметим, что в январе – ноябре 2022 года российская экономика продемонстрировала относительную устойчивость, учитывая масштаб и комплексность внутренних и внешних ограничений. Снижился выпуск продукции и произведенный ВВП, сократились доходы бизнеса и населения, а вместе с ними потребительский спрос. При этом стабилизировалась инфляция, выросли инвестиции, улучшилась ситуация на рынке труда, заметно стремление промышленных предприятий занять свободные ниши. В сложившейся ситуации критически важно предпринимать усилия по поддержа-

нию потребительского спроса и предотвращать деградацию отраслей обрабатывающей промышленности, испытывающих наиболее острый компонентный голод и временно лишившихся ключевых рынков сбыта.

Источники: Росстат, Федеральная налоговая служба, metaltorg.ru, metalinфо.ru, indexmundi.com

Материал подготовил
М.А. Сидоров
научный сотрудник
ФГБУН ВолНЦ РАН

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ НАСЕЛЕНИЯ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ В 2022 ГОДУ

DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.11 • УДК 316.658(470.12) • ББК 60.527(2Рос-4Вол)

В ноябре – декабре 2022 года ФГБУН ВолНИЦ РАН провел очередной этап мониторинга общественного мнения о социально-экономической и политической ситуации в стране и регионе. Результаты исследования представлены в нижеследующем материале, а также в приложении «Мониторинг социальных настроений».

Мониторинг общественного мнения ВолНИЦ РАН (ранее – ИСЭРТ РАН) проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. Опрашивается 1500 респондентов старше 18 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

В исследовании анализируется динамика оценок в разрезе 14 социально-демографических категорий, выделенных по:

- полу (мужчины, женщины);
- возрасту (до 30 лет, от 30 до 55 лет, старше 55 лет);
- уровню образования (среднее и неполное среднее, среднее специальное, высшее и незаконченное высшее);
- самооценке уровня доходов (20% наименее обеспеченных, 60% среднеобеспеченных, 20% наиболее обеспеченных);
- территории проживания (г. Вологда, г. Череповец, районы области).

Для обработки социологической информации и анализа данных используется индексный метод. Для расчета индексов из доли положительных ответов (в процентах) вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, сплошь положительные – 200, равновесие первых и вторых – индекс 100, являющийся, по сути, нейтральной отметкой.

☉ В декабре 2022 года по сравнению с октябрём 2022 года не наблюдалось существенных изменений в оценках социального настроения жителей области: доля положительных оценок сохранилась на уровне 66%, отрицательных – 31%. Соответствующий индекс составил 135 п. (табл. 1). В разрезе социально-демографических групп наиболее заметное улучшение показателей социального настроения произошло в возрастных группах до 30 лет и от 30 до 55 лет (на 8 п., со 153 до 161 п. и со 134 до 142 п. соответственно), среди лиц с выс-

Для цитирования: Дементьева И.Н., Леонидова Е.Э. (2023). Мониторинг социального самочувствия населения Вологодской области в 2022 году // Проблемы развития территории. Т. 27. № 1. С. 176–185. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.11

For citation: Dement'eva I.N., Leonidova E.E. (2023). Monitoring of the Vologda Oblast population's social well-being in 2022. *Problems of Territory's Development*, 27 (1), 176–185. DOI: 10.15838/ptd.2023.1.123.11

Таблица 1. Динамика некоторых показателей социального самочувствия населения Вологодской области*, % от числа опрошенных

Показатель	Вариант ответа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Изменение (+/-), 2022 к		
																2021	2018	2012
Настроение	Прекрасное настроение; нормальное состояние	67,3	68,7	71,2	69,9	61,0	66,7	67,3	72,2	69,3	66,4	68,6	70,0	64,1	65,6	+1	-4	0
	Испытываю напряжение, раздражение; страх, тоску	27,0	25,9	23,1	24,5	30,4	27,3	28,1	23,1	26,6	29,0	27,0	24,8	31,1	30,9	+1	+5	+1
	Индекс социального настроения	140,3	142,8	148,2	145,5	130,6	139,4	139,3	149,1	142,7	137,5	141,6	145,2	133,0	134,7	0	-9	-1
Запас терпения	Все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть	76,6	78,4	77,1	77,0	72,3	75,8	76,9	80,1	76,4	75,7	78,9	79,3	75,4	75,6	+1	0	0
	Терпеть наше бедственное положение уже невозможно	15,8	14,5	16,3	17,2	19,9	17,7	16,1	15,3	17,7	17,7	16,3	14,1	16,0	14,7	-2	0	0
	Индекс запаса терпения	160,8	163,9	160,8	158,8	152,5	158,1	160,8	164,8	158,9	158,0	162,6	165,2	159,4	160,9	+3	0	0

* Согласно методике проведения исследования, ошибка выборки не превышает 3%, поэтому здесь и далее изменения с разницей в 2 п. п. не учитываются, в таблицах они выделены синим цветом; изменения с разницей в 3–4 п. п. считаются незначительными.

шим образованием (на 7 п., со 136 до 143 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 8 п., со 113 до 121 п.); ухудшение – в возрастной группе старше 55 лет (на 5 п., со 124 до 119 п.), в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 10 п., со 161 до 151 п.).

🟡 Оценки запаса терпения в среднем по региону сохранились на уровне двухмесячной давности: доля тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», составила 76%, удельный вес тех, кто не в состоянии «терпеть бедственное положение», – 15%. Соответствующий индекс равен 160 п. В разрезе социально-демографических групп населения за период с октября по декабрь 2022 года оценки запаса терпения наиболее существенно улучшились в возрастной группе от 30 до 55 лет (на 5 п., со 159 до 164 п.), ухудшились – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 7 п., со 177 до 170 п.).

В 2022 году по сравнению с 2021 годом индекс социального настроения сохранил-

ся на уровне 139 п., индекс запаса терпения увеличился на 3 п. (со 158 до 161 п.). По сравнению с 2018 годом оценки социального настроения стали менее благоприятными (индекс снизился на 9 п.). Оценки запаса терпения сохранились на уровне 2018 и 2012 гг.

🟢 В динамике самооценок материального положения в среднем по области в декабре 2022 года произошли неоднозначные изменения. Рост фактических доходов наблюдался среди людей, входящих (по субъективным оценкам) в категорию 60% среднеобеспеченных (с 18187 до 18833 руб.), 📉 снижение – в 20%-й группе наименее обеспеченных (с 10414 до 10347 руб.) и 20%-й группе наиболее обеспеченных (с 40641 до 37550 руб., табл. 2).

🟢 В 2022 году по сравнению с 2021, 2018 и 2012 гг. уровень доходов возрос во всех группах населения.

🟡 В период с октября 2022 года по декабрь 2022 года характер суждений об экономическом положении России не изменил-

Таблица 2. Доход на одного члена семьи и соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума (в распределении по доходным группам)

Доходная группа	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Изменение (+/-), 2022 к		
															2021	2018	2012
Доход на одного члена семьи, руб.																	
20% наименее обеспеченных	4330	5430	6602	7792	7546	8529	10008	9202	9073	9827	9792	10595	10414	10347	+1479	+3406	+5678
60% средне-обеспеченных	9293	11708	13251	14113	14031	15741	17503	16580	16514	16913	16925	17645	18187	18833	+1762	+4252	+8210
20% наиболее обеспеченных	19907	23624	27433	28267	28207	30338	37250	32948	36246	36116	36559	36385	40641	37550	+6912	+9817	+17343
Среднее по области	10425	12837	14757	15686	15570	17220	19953	18381	18972	19333	19423	19987	21123	20879	+2733	+5196	+9528
Прожиточный минимум, руб.*	6563	9639	10658	11042	11509	11767	13633	11767	12781	12781	14059	14059	14059	14059	+1866	+2975	+7070
Соотношение дохода на одного члена семьи и прожиточного минимума по доходным группам, раз																	
20% наименее обеспеченных	0,7	0,6	0,6	0,7	0,7	0,7	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,8	0,7	0,7	0	+0,1	0
60% средне-обеспеченных	1,4	1,2	1,2	1,3	1,2	1,4	1,3	1,4	1,3	1,3	1,2	1,3	1,3	1,3	-0,1	+0,1	-0,1
20% наиболее обеспеченных	3,0	2,5	2,6	2,6	2,5	2,6	2,7	2,8	2,8	2,8	2,6	2,6	2,9	2,7	+0,1	+0,1	-0,3
Среднее по области	1,6	1,3	1,4	1,4	1,4	1,5	1,5	1,6	1,5	1,5	1,4	1,4	1,5	1,5	0	+0,1	-0,1

Источник: Постановления Правительства «Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области // Официальный портал Правительства Вологодской области. URL: <https://vologda-oblast.ru>

Таблица 3. Динамика оценок экономического и материального положения, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Изменение (+/-), 2022 к		
															2021	2018	2012
Экономическое положение России																	
Хорошее	10,7	6,2	14,4	14,6	11,7	11,5	11,7	14,8	14,2	9,9	11,2	13,0	9,7	11,9	0	-3	+1
Среднее	51,2	46,6	43,9	44,6	42,9	42,7	42,3	41,0	42,1	40,7	43,1	43,7	42,3	41,9	0	-2	-9
Плохое	25,5	35,5	27,2	26,1	31,1	30,8	32,9	30,7	30,0	34,3	33,3	30,5	34,8	34,6	+2	+6	+7
Индекс	85,2	70,7	87,2	88,6	80,6	80,8	78,7	84,1	84,2	75,6	77,9	82,5	74,9	77,3	-2	-9	-7
Экономическое положение области																	
Хорошее	9,9	5,2	11,8	11,5	10,8	10,9	11,1	13,0	11,1	8,8	10,6	13,1	10,6	12,4	0	-1	+1
Среднее	49,4	39,9	39,2	41,3	38,3	40,4	40,1	39,7	39,9	38,3	40,2	41,3	39,1	41,7	0	+1	-9
Плохое	29,4	43,0	36,9	34,9	36,9	35,9	36,5	36,6	36,4	38,7	37,3	34,6	37,6	34,5	+1	0	+7
Индекс	80,5	62,2	74,9	76,6	73,9	75,0	74,6	76,4	74,5	70,1	73,3	78,5	73,0	77,9	0	0	-6
Материальное положение семьи																	
Хорошее	10,1	7,9	11,8	10,2	9,2	8,4	8,8	10,1	9,2	7,3	8,2	10,2	8,8	9,3	0	-3	-1
Среднее	54,2	49,5	48,7	50,1	46,2	48,6	47,9	49,7	47,9	47,5	47,9	46,7	48,6	48,5	-1	-1	-6
Плохое	27,4	31,2	30,2	29,7	33,0	32,4	32,2	30,9	33,4	34,4	32,3	31,2	30,3	31,3	0	+2	+5
Индекс	82,7	76,7	81,6	80,4	76,2	76,0	76,7	79,2	75,8	72,9	75,9	79,0	78,5	78,0	+1	-5	-6

ся: соответствующий индекс находится на отметке 77 п. (табл. 3). В распределении по социально-демографическим группам

населения наиболее существенное повышение индекса наблюдалось в возрастной группе до 30 лет (на 7 п., с 80 до 87 п.), среди

лиц с высшим образованием (на 7 п., с 76 до 83 п.).

В декабре 2022 года по сравнению с октябрём 2022 года оценки экономического положения региона улучшились: доля тех, кто считает его плохим, снизилась с 38 до 35%, соответствующий индекс увеличился на 5 п. (с 73 до 78 п.). Во всех социально-демографических группах населения наблюдалось повышение индекса, наиболее существенное – в возрастных группах до 30 лет (на 12 п., от 74 до 86 п.) и от 30 до 55 лет (на 6 п., с 71 до 77 п.), среди лиц со средним специальным образованием (на 7 п., с 75 до 82 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 7 п., с 45 до 52 п.), в Череповце (на 9 п., с 82 до 91 п.).

В 2022 году по сравнению с 2021 годом оценки экономической ситуации в стране и области существенно не изменились: соответствующие индексы сохранились на отметках 79 и 75 п. По сравнению с 2018 и 2012 гг. оценки остаются менее благоприятными.

Характеристики материального положения семьи в среднем по области за два последних месяца остались прежними. Соответствующий индекс сохранился на отметке 78 п. В разрезе социально-демографических групп населения существенных изменений в оценках материального положения не произошло, за исключением 20%-й группы наименее обеспеченных, в которой

соответствующий индекс возрос на 10 п. (с 99 до 109 п.).

В 2022 году индекс материального благополучия семьи сохранился на уровне 2021 года (77 п.), при этом заметно ниже показателей 2018 года (на 5 п.) и 2012 года (на 6 п.).

За последние два месяца оценки политической ситуации в России существенно не изменились: доля положительных оценок сохранилась на отметке 23%, отрицательных – 63%, соответствующий индекс – на уровне 60 п. (табл. 4).

В распределении по социально-демографическим группам индекс оценки политической обстановки в стране наиболее существенно снизился в возрастной группе до 30 лет (на 7 п., с 70 до 63 п.), возрос – в 20%-й группе наиболее обеспеченных (на 8 п., с 73 до 81 п.).

В декабре 2022 года по сравнению с октябрём 2022 года оценки политической ситуации в регионе стали более благоприятными: доля тех, кто считает ситуацию «благополучной, спокойной», увеличилась с 44 до 49%. Соответствующий индекс возрос на 7 п. (с 98 до 105 п.).

В распределении по социально-демографическим группам индекс оценки политической обстановки в регионе наиболее существенно увеличился в возрастных группах до 30 лет (на 8 п., с 92 до 100 п.) и от 30 до 55 лет (на 10 п., с 95 до 105 п.), среди лиц со

Таблица 4. Динамика оценок политической обстановки, % от числа опрошенных

Показатель	2012	2015	2018	2019	2020	2021	2022	Дек. 2021	Февр. 2022	Апр. 2022	Июнь 2022	Авг. 2022	Окт. 2022	Дек. 2022	Изменение (+/-), 2022 к		
															2021	2018	2012
В России																	
Благополучная, спокойная	39,8	25,5	40,4	45,0	41,0	37,2	27,5	36,8	34,1	29,2	28,0	28,6	22,3	22,8	-10	-13	-12
Напряженная, критическая, взрывоопасная	43,2	58,7	45,6	41,6	43,2	47,2	56,9	48,0	50,6	56,6	55,9	54,0	61,4	62,9	+10	+11	+14
<i>Индекс</i>	<i>96,6</i>	<i>66,8</i>	<i>94,8</i>	<i>103,5</i>	<i>97,8</i>	<i>89,9</i>	<i>70,6</i>	<i>88,8</i>	<i>83,5</i>	<i>72,6</i>	<i>72,1</i>	<i>74,6</i>	<i>60,9</i>	<i>59,9</i>	<i>-19</i>	<i>-24</i>	<i>-26</i>
В области																	
Благополучная, спокойная	51,8	46,0	54,9	58,0	53,9	53,7	47,9	52,3	50,2	46,4	48,1	50,2	44,1	48,5	-6	-7	-4
Напряженная, критическая, взрывоопасная	31,8	39,1	33,3	31,5	32,9	34,3	40,4	36,1	36,4	40,2	39,2	38,5	45,2	43,1	+6	+7	+9
<i>Индекс</i>	<i>120,0</i>	<i>106,9</i>	<i>121,6</i>	<i>126,4</i>	<i>121,0</i>	<i>119,8</i>	<i>107,5</i>	<i>116,2</i>	<i>113,8</i>	<i>106,2</i>	<i>108,9</i>	<i>111,7</i>	<i>98,9</i>	<i>105,4</i>	<i>-12</i>	<i>-14</i>	<i>-13</i>

средним образованием (на 19 п., с 99 до 118 п.), в 20%-й группе наименее обеспеченных (на 22 п., с 65 до 87 п.), в Череповце (на 9 п., с 80 до 89 п.) и районах (на 8 п., со 117 до 125 п.).

▼ В 2022 году индекс оценок политической обстановки в стране снизился по сравнению с 2021 годом на 19 п., с 2018 годом – на 24 п., с 2012 годом – на 26 п. Индекс оценок политической ситуации в области уменьшился на 12, 14 и 13 п. соответственно.

Резюме

Результаты этапа мониторинга общественного мнения, проведенного в октябре – декабре 2022 года, свидетельствуют о том, что за этот период в социальном самочувствии жителей Вологодской области произошли неоднозначные изменения.

Позитивные тенденции отмечены в оценках экономической и политической ситуации в регионе: соответствующие индексы увеличились на 5 и 7 п. (с 73 до 78 п. и с 98 до 105 п. соответственно).

На прежнем уровне сохранились оценки социального настроения и запаса терпения (соответствующие индексы фиксировались на отметках 135 п. и 161 п.);

не претерпели изменений показатели материального положения семей (78 п.);

значительно не изменились оценки экономической и политической обстановки в России (77 и 60 п. соответственно).

В 2022 году по сравнению с 2021 годом по различным показателям мониторинга наблюдались разнонаправленные изменения.

Существенно не изменились индексы:

- социального настроения (139 п.);
- экономического положения России (79 п.);
- экономического положения области (75 п.);
- материального благополучия семьи (77 п.).

Позитивную динамику демонстрировал индекс запаса социального терпения (на 3 п., со 158 до 161 п.).

Негативные изменения произошли в оценках политической обстановки в России и Вологодской области (снижение индексов

на 19 и 12 п., с 90 до 71 п. и со 120 до 108 п. соответственно).

В распределении по социально-демографическим группам наиболее заметные негативные тенденции в 2022 году по сравнению с 2021 годом отмечались в следующих категориях:

– в зависимости от возраста – в группе от 30 до 55 лет (индексы оценки политической обстановки в России и области снизились на 20 и 15 п. соответственно);

– в зависимости от уровня образования – среди жителей области с высшим образованием (индекс социального настроения снизился на 6 п., индексы оценки политической обстановки в России и области уменьшились на 21 и 17 п. соответственно);

– в зависимости от уровня доходов – в 20%-й группе наименее обеспеченных жителей региона (индекс запаса терпения снизился на 5 п., индексы оценки экономической ситуации в стране и области – на 10 и 8 п. соответственно, индекс оценки материального положения – на 8 п., индексы оценки политической обстановки в стране и регионе – на 36 и 19 п. соответственно);

– в территориальном разрезе – среди жителей Вологды (индекс запаса терпения уменьшился на 6 п., индексы оценки политической ситуации в стране и области – на 16 и 15 п. соответственно).

Отсутствие положительных тенденций в оценках населения Вологодской области по ключевым параметрам во многом обусловлено отсутствием позитивных изменений в динамике уровня жизни населения. По данным официальной статистики, в январе – сентябре 2022 года по сравнению с соответствующим периодом предыдущего года реальные располагаемые денежные доходы населения составили 97,6%, в 3 квартале 2022 года реальная среднемесячная начисленная заработная плата остается ниже уровня предыдущего периода – 96,4%, индекс потребительских цен в январе – ноябре 2022 года по отношению к соответствующему периоду 2021 года составил 115,1%¹. С данными статистики

¹ Данные территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области. URL: <http://vologdastat.gks.ru>

коррелируют и результаты социологических опросов: в 2022 году, как и годом ранее, более 40% жителей региона (44%) относят себя к категории «бедных и нищих», 40% населения заявляют о низкой покупательной способности доходов («денег хватает в лучшем случае на еду»), индекс потребительских настроений составляет 82 пункта против 84 пунктов в 2021 году и 87 пунктов в 2020 году.

Аналогичные тенденции характерны для России в целом. По данным общероссийского опроса Фонда «Общественное мнение», в декабре 2022 года каждый четвертый опрошенный (25%) указывает на плохое материальное положение, у 30% россиян материальное положение ухудшилось за последние два – три месяца, 16% полагают, что их ждет ухудшение материального положения, 38% думают, что значимых изменений не произойдет. Эти показатели хуже, чем

полученные в прошлом замере². Негативное влияние на социальное самочувствие и психологическое состояние населения продолжают оказывать проблемы, связанные с проведением специальной военной операции, расширяющимися западными санкциями, ростом международной политической напряженности.

О том, в каком направлении будут развиваться изменения в общественном мнении жителей области в ближайшем будущем, покажут результаты следующего этапа мониторинга ВолНЦ РАН, который пройдет в феврале 2023 года.

Материал подготовили

И.Н. Дементьева

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

Е.Э. Леонидова

научный сотрудник ФГБУН ВолНЦ РАН

² Динамика материального положения: оценка материального положения, его динамики в последние месяцы и прогнозы на год. URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14807>

МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ

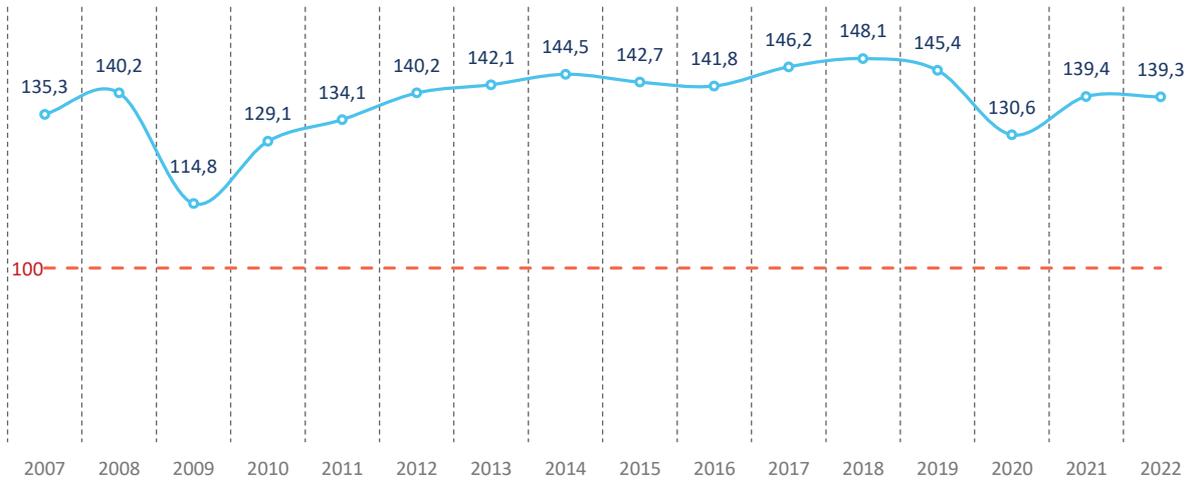

Рис. 1. Индекс социального настроения, пунктов

В 2022 году не произошло изменений социального настроения жителей Вологодской области. Индекс находится на уровне значений 2021 года и составляет 139 п.

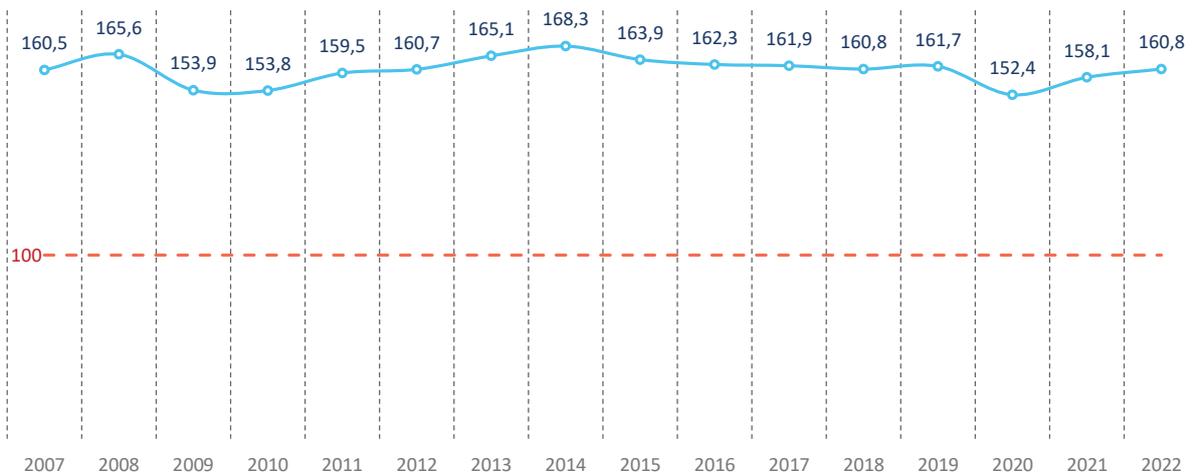

Рис. 2. Индекс запаса терпения, пунктов

В 2022 году по сравнению с 2021 годом индекс запаса терпения жителей Вологодской области вырос на 3 пункта (со 158 до 161 п.).

Здесь и далее: для расчета индексов из доли положительных ответов вычитается доля отрицательных, затем к полученному значению прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью отрицательные ответы дали бы общий индекс 0, положительные – 200, равновесие первых и вторых выражает значение индекса 100, являющееся, по сути, нейтральной отметкой (- -).

Представлены среднегодовые данные с 2007 года – последнего года второго президентского срока В.В. Путина.

Рис. 3. Одобрение деятельности Президента РФ, % от числа опрошенных

В 2022 году по сравнению с 2021 годом значительно увеличилась доля положительных оценок деятельности Президента РФ со стороны как жителей Вологодской области, так и России в целом. Удельный вес населения региона, одобряющего работу главы государства, повысился на 5 п. п. (с 52 до 57%), общероссийский показатель увеличился на 15 п. п. (с 60 до 75%).

Рис. 4. Одобрение деятельности Правительства РФ, % от числа опрошенных

В 2022 году по сравнению с 2021 годом существенно возросла доля населения, положительно оценивающего деятельность Правительства РФ. В Вологодской области показатель одобрения работы высшего федерального органа исполнительной власти повысился на 4 п. п. (с 35 до 39%), в целом по России – на 14 п. п. (с 35 до 49%).

Здесь и далее: Вологодская область – данные ВолНЦ РАН; Российская Федерация – данные ВЦИОМ (<https://wciom.ru>).

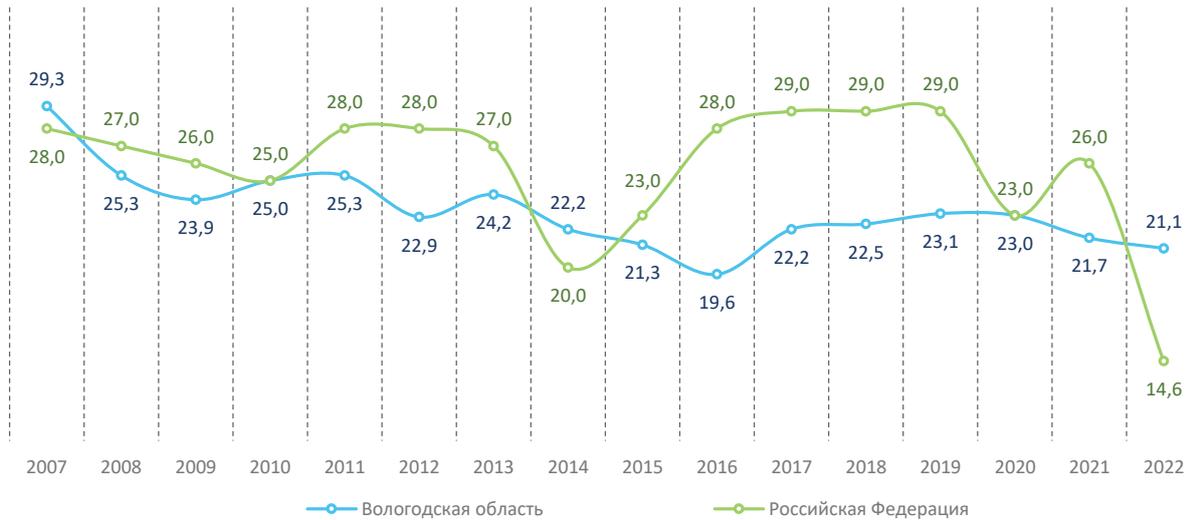

Рис. 5. Вероятность протестных выступлений (доля респондентов, отметивших возможность массовых акций протеста), % от числа опрошенных

Рис. 6. Возможность участия в выступлениях (доля респондентов, готовых принять участие в массовых акциях протеста), % от числа опрошенных

В 2022 году доля жителей Вологодской области, указывающих на вероятность протестных выступлений и возможность своего участия в них, не изменилась и осталась на уровне среднегодового значения 2021 года (21–22 и 16% соответственно). Представительство населения России в целом, считающего допустимыми акции протеста и выражающего свою готовность к участию в них, существенно снизилось (с 26 до 15 и с 17 до 12% соответственно).

* Данные ВЦИОМ: вероятность протестных выступлений – среднее за 3 опроса, проведенных 02.10.2022, 09.10.2022 и 16.10.2022; возможность участия в выступлениях – данные за сентябрь 2022 года.

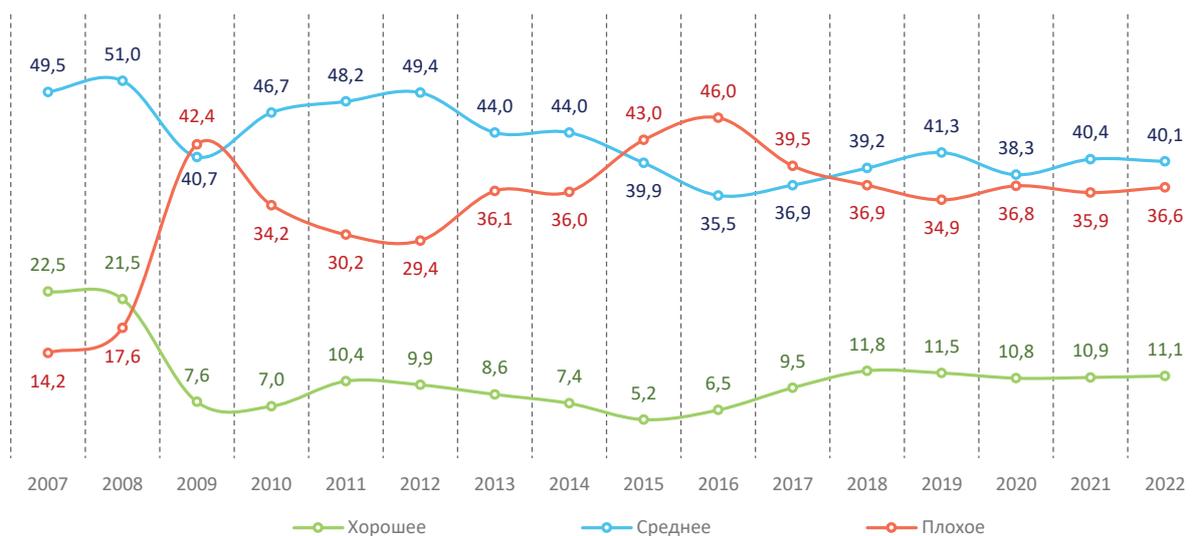

Рис. 7. Оценка экономического положения области, % от числа опрошенных

В период с 2021 по 2022 год оценки экономического положения Вологодской области жителями региона остаются стабильными. Удельный вес положительных, нейтральных и отрицательных характеристик не претерпел изменений и находится на уровне 2021 года (11, 40 и 36–37% соответственно).

Рис. 8. Индексы прогнозов развития политической и экономической ситуации в России*, пунктов

В 2022 году по сравнению с 2021 годом значения индексов прогнозов развития политической и экономической ситуации в России претерпели негативные изменения. Индекс прогноза развития политической ситуации в стране снизился на 8 п. п. (с 97 до 89%), экономической – на 4 п. п. (с 86 до 82%).

* Индекс прогноза развития политической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки политической ситуации, на вопрос «Как Вы думаете, что ожидается в ближайшие месяцы в политической жизни России?».

Индекс прогноза развития экономической ситуации в России рассчитывается на основе анализа ответов респондентов, давших положительные и отрицательные прогнозные оценки экономической ситуации, на вопрос «Как Вы считаете, следующие 12 месяцев будут хорошим временем, плохим или каким-либо еще для экономики России?».

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ФГБУН ВОЛНЦ РАН

Ускова Т.В., Кожевников С.А., Лукин Е.В. [и др.] (2022). Российские территории: 30 лет в условиях рынка: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 315 с.

В монографии рассмотрены теоретико-методологические основы рыночной трансформации экономики, особенности и проблемы трансформации региональной экономики России в 1990–2020 гг. (более подробно – на материалах субъектов Северо-Западного федерального округа), механизмы государственного регулирования развития регионов, тенденции, проблемы и механизмы пространственного развития регионов в постсоветский период (в части развития агломераций, малых и средних городов, сельских территорий), вопросы региональной структурной политики, финансовые аспекты регионального развития. Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

Секушина И.А. (2022). Развитие малых и средних городов Северного региона: монография. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 175 с.

В монографии рассмотрены роль и значение малых и средних городов в региональном развитии, представлены подходы к типологии данных населенных пунктов, проанализирован отечественный и зарубежный опыт регулирования их социально-экономического развития. Раскрыты особенности пространственного развития и формирования городской сети расселения в Северном регионе, выявлены актуальные проблемы расположенных на его территории малых и средних городов. Предложен и научно обоснован комплекс мер и направлений регулирования социально-экономического развития малых и средних городов на основе проведения их типологизации и применения инструментов стратегического планирования.

Книга адресована научным работникам, специалистам органов государственного и муниципального управления, преподавателям и студентам высших учебных заведений экономического профиля.

Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий (2022): материалы VII международной научно-практической интернет-конференции (г. Вологда, 11–13 мая 2022). Вологда: Вологодский научный центр РАН. 547 с.

В сборнике представлены материалы VII международной научно-практической интернет-конференции «Проблемы экономического роста и устойчивого развития территорий», проходившей в г. Вологде 11–13 мая 2022 года.

Участие в конференции приняли экономисты из научных учреждений и вузов регионов России и стран ближнего зарубежья. В представленных работах обсуждаются проблемы социально-экономического развития и управления территориальными и производственными системами, проблемы повышения эффективности государственного и муниципального управления, проблемы и перспективы развития малого предпринимательства и другие. Затрагиваются вопросы взаимодействия власти и бизнеса в условиях цифровизации. Рассматриваются направления повышения конкурентоспособности экономики страны и ее регионов. Освещаются аспекты развития региональных инновационных экономических систем, проблемы и перспективы социокультурного развития территорий, эффективности страховой и банковской систем как источников инвестиционных ресурсов.

Сборник предназначен для научных работников, экономистов, преподавателей, студентов и аспирантов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности и всех интересующихся проблемами экономического роста России.

Материалы I Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук, II Молодежной научно-практической конференции исследователей социальных наук (2022), г. Вологда, 21–24 июня 2022 г. Вологда: Вологодский научный центр РАН. 196 с.

В сборнике представлены материалы I Всероссийского форума молодых исследователей социальных наук и II Молодежной научно-практической конференции исследователей социальных наук. Мероприятия прошли на площадке Вологодского научного центра РАН с 21 по 24 июня 2022 года.

В I Всероссийском форуме молодых исследователей социальных наук приняли участие более 250 человек из 6 федеральных округов Российской Федерации и из Республики Армения. Известные ученые и начинающие исследователи, аспиранты, магистранты, бакалавры взаимодействовали в разных форматах – лекциях, мастер-классах, дискуссионных площадках, деловых играх.

Обсуждение научных вопросов состоялось в рамках пленарного заседания и четырех круглых столов форума: «Устойчивое развитие регионов России в условиях новых вызовов современности»; «Влияние цифровизации на развитие экономики и общества»; «Гражданское общество и социальное государство: тренды

и кейсы гражданской активности»; «Актуальные вопросы регионального развития». Молодые ученые представили результаты своих исследований в рамках молодежной научно-практической конференции.

Материалы сборника будут полезны для научных работников, социологов, экономистов, преподавателей вузов, специалистов в области государственного управления, представителей общественности, СМИ и всех интересующихся проблематикой социальных наук.

Экономика региона глазами старшеклассников (2022): сборник конкурсных работ. Вологда: Вологодский научный центр РАН. Вып. 19. 212 с.

Одним из основных направлений деятельности Научно-образовательного центра ФГБУН ВолНЦ РАН является вовлечение обучающихся в научно-исследовательскую деятельность в сфере экономики. В рамках реализации данного направления в Научно-образовательном центре ежегодно проводится научно-практическая конференция «Экономика региона глазами старшеклассников», по итогам которой выпускается сборник конкурсных научно-исследовательских работ и эссе школьников. В данном выпуске опубликованы работы победителей и лауреатов конкурса научно-исследовательских работ и эссе по экономике, социологии, биологии и экологии 2021/22 учебного года.

Сборник представляет интерес для школьников, студентов, аспирантов, а также может быть использован преподавателями образовательных учреждений экономического профиля при работе с обучающимися и специалистами в сфере экономики и экологии.

ПРАВИЛА
приема статей, направляемых в редакцию
научного журнала «Проблемы развития территории»

(в сокращении; полная версия размещена на сайте <http://pdt.vscs.ac.ru/info/rules>)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объемом не менее 16 страниц (30000 знаков с пробелами). Максимальный объем принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

ТРЕБОВАНИЯ К КОМПЛЕКТНОСТИ МАТЕРИАЛОВ

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg/.jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес ptd@volnc.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ТЕКСТА СТАТЬИ

1. **Поля.** Правое – 1 см, остальные – по 2 см.
2. **Шрифт.** Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию. Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.
3. **Абзацный отступ** – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.
4. **Нумерация.** Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.
5. **Оформление 1 страницы статьи.** В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.
6. **Требования к аннотации.** Объем текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

7. Требования к ключевым словам. К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц. В названии таблицы слово «Таблица» и ее номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру. Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS Word. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм. Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS Excel, для создания блок-схем – MS Word, MS Visio, для создания формул – MS Equation. Рисунки и схемы, выполненные в MS Word, должны быть сгруппированы внутри единого объекта.

Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из интернета графических материалов.

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками. Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Расчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок. Постраничные сноски оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы. В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи. Список литературы составляется в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, затем – англоязычные). Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 – 2008. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard. Если статья имеет DOI, его указание в выходных данных является обязательным.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными. Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10% от общего количества приведенных в списке литературы источников. Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в скобках с указанием фамилии автора и года публикации. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, которые должны быть разделены точкой с запятой (например: (Иванов, 2020), (Иванов, 2020; Петров, 2018), (Smith, 2001) и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал одним из следующих способов:

- 1) через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41318;
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8(8172) 59-78-32, адрес электронной почты: ptd@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Технический редактор, верстка
Корректор

И.А. Кукушкина
М.В. Чумаченко
В.М. Кузнецова

Дата выхода в свет 31.01.2023.
Формат 60 × 84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 22.2. Тираж 500 экз. Заказ № 2.
Свободная цена

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС 77-71360 от 17 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а, ФГБУН ВолНЦ РАН
Телефон: +7(8172) 59-78-03, факс +7(8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru, ptd@volnc.ru